

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 19. № 3

Журнал «Вестник Пермского университета. Политология» является научным журналом, публикующим статьи по результатам исследований в области политической науки, обзоры научной литературы и рецензии. Журнал видит свою миссию в том, чтобы способствовать обеспечению уровня академической дискуссии, который соответствует стандартам мировой политической науки. Журнал принимает к публикации оригинальные научные статьи, обзоры актуальных проблем политической науки на русском и английском языках, не опубликованные ранее и не представленные на рассмотрение в иные российские и зарубежные журналы.

С 2010 года журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список ВАК).

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и доступно в библиотеке Elibrary.

Редакционная коллегия

Главный редактор – Л. А. Фадеева, доктор исторических наук, профессор, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Члены редакционной коллегии:

Н. В. Борисова – доктор политических наук, доцент, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

И. В. Мирошниченко – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет

П. В. Панов – доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН

В. Н. Руденко – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, вице-президент РАН

И. С. Семененко – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

А. В. Стародубцев – кандидат политических наук, доцент, департамент политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург

К. А. Сулимов – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ответственный секретарь – К. П. Турцева, кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Выпускающий редактор Н. В. Борисова

© Редакционная коллегия, 2025

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы, технологии

<i>Тищенко Р. Р.</i> Волны правого радикализма в современной Европе: вызовы, ретроспектива, особенности трансформации.....	5
<i>Тарасов А. С., Туренко А. Р.</i> География или идеология? Сравнительный анализ позиций левых и правых популистов по вопросу политики развития (на примере Италии и Германии).....	16
<i>Мясников А. И.</i> Дихотомия политических портретов лидеров французской оппозиции: дискурсивный аспект.....	28
<i>Радина Н. К., Хоменко А. Ю.</i> Политическая мобилизация в социальных медиа (на материале русскоязычного контента в TikTok до и во время специальной военной операции).....	40
<i>Двойнев В. В., Кажанов О. А., Сухова Е. Е.</i> Стереотипы политического сознания и поведения студенчества Смоленщины как центра западного приграничья России.....	51
<i>Десятников В. Ю.</i> Влияние массового редистриктинга на долю голосов за инкумбента на выборах в региональные законодательные собрания.....	61
<i>Скворцов А. А.</i> Имиджевые стратегии губернаторов в контексте региональных политических режимов в России в 2017–2022 годах	71
<i>Борисова Н. В.</i> Кооптация, уступки и риск территориальной целостности: почему реформы усиливают этнополитические конфликты?.....	86
<i>Сулимов К. А.</i> Территориальный вопрос в Италии и Испании: инвариантность траектории институционального развития?	98
<i>Панов П. В.</i> Реформы-уступки как реакция государств на требования самоопределения: факторы эффективности.....	112
<i>Замятин К. Ю.</i> От языка нации к языку цивилизации: формирование государственной языковой политики России.....	122
<i>Кузнецов Я. П.</i> Синтез гражданского и культурного национализма в концепции швейцарской нации.....	133
К сведению авторов	140

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system “Russian Science Citation Index” (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Vice President of the RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Christina P. Turtseva, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, Perm State University

CONTENT

Political Institutions, Processes, Technologies

<i>Tishchenko R.</i> Waves of right-wing radicalism in modern Europe: challenges, historical overview, and transformation features.....	5
<i>Tarasov A., Turenko A.</i> Geography or ideology? A comparative analysis of left- and right-wing populist positions on development policy in Italy and Germany.....	16
<i>Myasnikov A.</i> The dichotomy of political portraits of the leaders of the French opposition: a discursive perspective.....	28
<i>Radina N., Khomenko A.</i> Political mobilization on Tiktok: Russian speaking users before and during the special military operation... ..	40
<i>Dvoinev V., Kazhanov O., Sukhova E.</i> Stereotypes in political consciousness and student behavior in the Smolensk region, Russia's western borderland.....	51
<i>Devyatnikov V.</i> The effects of mass redistricting on incumbent vote share in regional legislative elections.....	61
<i>Skvortsov A.</i> Regional political regimes and the image-building strategies of Russian governors (2017–2022).....	71
<i>Borisova N.</i> Cooptation, concessions, and the risk to territorial integrity: why do reforms intensify ethnopolitical conflicts?.....	86
<i>Sulimov K.</i> Territorial issues in Italy and Spain: consistency in institutional development?.....	98
<i>Panov P.</i> Reforms-concessions as a response of states to demands for self-determination: factors of effectiveness.....	112
<i>Zamyatin K.</i> From the language of a nation to the language of a civilization: the formation of Russia's state language policy.....	122
<i>Kuznetsov Y.</i> The synthesis of civic and cultural nationalism in the concept of the Swiss nation.....	133
Information for the authors	144

Политические институты, процессы, технологии

УДК-329.15

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-5-15

ВОЛНЫ ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ВЫЗОВЫ, РЕТРОСПЕКТИВА, ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Р. Р. Тищенко

Тищенко Ростислав Романович, соискатель кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
E-mail: 1032211882@pfur.ru (ORCID: 0009-0003-9075-3494. ResearcherID: NEU-2153-2025).

Аннотация

Анализируется эволюция правого радикализма в Европе с акцентом на анализ его идеологической эволюции и причин популяризации в последние десятилетия. Рассматривается циклическая природа этого политического явления, которое, по мнению автора, не является случайным процессом, а представляет собой закономерную реакцию на глобальные и внутренние социально-политические изменения. Используя структурно-функциональный подход, с применением ретроспективного и сравнительного методов исследования, автор предпринимает попытку выделить ключевые этапы развития праворадикальных движений, начиная с их зарождения в XIX веке и заканчивая современным состоянием. Оцениваются факторы влияния на популяризацию современной волны правого радикализма в Европе, такие как миграционный кризис, экономическое неравенство и глобализация. В результате исследования описана трансформация праворадикальных движений, которые адаптировались к современным политическим нормам и приобрели новые формы, которые включили в рамки своего дискурса постмодернистский популизм и антиглобализм. Автор приходит к выводу о том, что правый радикализм имел четыре этапа трансформации глобального дискурса в Европе; в истории континента существовало две волны правого радикализма, и сейчас мы переживаем ее вторую итерацию; современный цикл ультраправой идеологии продолжит усиливать свои позиции в обозримом будущем, учитывая вызовы, стоящие перед европейскими обществами в условиях экономических и культурных кризисов.

Ключевые слова: Европа; правый радикализм; правый поворот; региональная политика; социальный кризис; миграционный кризис; политические идеологии; популизм.

Введение

Европейский социально-политический ландшафт претерпевает глубокие структурные потрясения и аксиологические сдвиги, важными последствиями которых стали активизация поиска альтернативных форм политической организации и усиление роли политических группировок, стоящих на позиции защиты автохтонных национальных интересов и идиогенезации. Эти процессы сложно назвать стихийными или изолированными, они возникли прежде всего на фоне экзогенных, кросс-национальных процессов: глобализации, наступления скачкообразных миграционных потоков, усиления экономического неравенства, культурной гомогенизации, усиления международного напряжения и прочих.

Современный праворадикализм в Европе демонстрирует устойчивый рост, становясь серьезной политической силой. Ультраправые партии и движения, такие как «Национальное объединение» во Франции, «Братья Италии» и «Альтернатива для Германии», укрепляют свои позиции: в Европейском парламенте они получили около 110 мест¹, а в ряде стран, включая Италию и Нидерланды, уже участвуют в формировании правительств. На локальном уровне также растет число маргинальных модернистских ультранационалистических группировок: только во Франции действует около 60 правоэкстремистских организаций². Однако внутренняя фрагментация, конкуренция и идеологиче-

---

© Тищенко Р. Р., 2025

¹ Election results: European elections (2024) [online]. Available at: <https://results.elections.europa.eu/en> (accessed: 9 May 2025).

² Libération.fr. [online]. Available at: <https://www.liberation.fr/apps/2024/09/carto-faf-2/> (accessed: 9 May 2025).

ские разногласия между правыми силами остаются барьерами для их консолидации. Последние 20 лет это движение стало привлекательным для широких слоев населения благодаря не только своим новаторским способам мобилизации активистов и привлечения масс, но и мутации дискурса, изменению риторики национального суверенитета, ассимиляции новых ценностей и критике существующих систем.

Теоретическая основа

Прежде всего хочется отметить определение праворадикального движения, использующегося в исследовании. Мы используем абстрактно обобщающий термин «праворадикальное движение» как совокупность всех движений ультраправого толка на территории европейского макрорегиона (вне зависимости от их фрагментации, деятельности и отношения друг к другу). Сложность возникает с вопросом того, какие организации в принципе следует понимать под «ультраправыми». Как пишут Т.А. Яшкова и Д.А. Голубничий, ученые не могут прийти к единому пониманию определения «правый радикализм» в связи с отсутствием четких критериев и особенностей его проявления в современном мире; «одно из мнений, которое бытует в научной среде, это то, что радикализм сложно охватить одним определением, поскольку он сможет описать только один из множества аспектов радикализма» (Яшкова, Голубничий, 2024: 42). В связи с этим следует вывести и обозначить авторское видение ультраправых политических организаций. В исследовании рассматриваются организации, которые находятся в рамках правого социально-политического дискурса, заключающегося в стремлении к реакционным или регрессивно-модернизационным процессам. Изучаются как откровенно маргинальные, экстремистские группы, так и ведущие парламентские партии, являющиеся в контексте своих ареалов деятельности (будь то национальные, земельные, надгосударственные парламенты или неформальное политическое поле) ценностно наиболее радикальными.

По причине сложности локализации понятия правого радикализма также актуализируется потребность строгого понятийного разграничения категорий, правого популизма и праворадикализма (табл. 1). Правый популизм следует рассматривать как эгалитарную «фрагментарную идеологию» (thin-centered ideology), фокусирующуюся на риторическом противопоставлении «народа» и «испорченной элитой» в рамках националистического, фундаменталистского или дерегулирующего рыночного дискурса. При этом правый популизм, не обладая полнотой автономии и целостности идеологической структуры, склонен к синтезу с иными идеологиями, в том числе с праворадикальными. Таким образом, правый популизм определяется не через содержательное ядро, а через риторическую и мобилизационную рамку, апеллирующую к народу как единственному носителю легитимной воли. Это создает иллюзию семантической близости, тогда как по своей сути правый популизм чаще функционирует как формат выражения, а правый радикализм – как содержательная парадигма.

Таблица 1

Разграничение правого популизма и праворадикализма

Параметр	Правый популизм	Праворадикализм
Идейно-теоретическая структура	Фрагментарная, текучая, зависящая	Цельная, твердая, автономная
Цель	Восстановление «воли народа»	Изменение политического порядка
Объект мобилизации	Народ, общность	Нация, этнос

Разобравшись в теме дефиниций и категорий исследования, хочется перейти к более общим теоретическим основаниям работы. В целом исследование основано на идее того, что популяризация праворадикальных движений в Европе носит циклический характер, подверженный влиянию внешней среды. Такой же циклический характер носит смена идеологических полюсов в Латинской Америке, в связи с чем актуализировались термины левого и правого поворотов в политике. Для латиноамериканского макрорегиона после 1960-х годов характерна циклическая смена доминирования разных административных и дискурсивных политических моделей, названная «правым» и «левым» поворотами в политике, что активно популяризировалось в научной среде во время работы различных ученых над изучением этого феномена в истории и социологии. При этом не стоит забывать о том,

что термин не является семантически конкретизированным, он не имеет определенности и потому используется достаточно свободно. Об этом В.Л. Хейфец пишет следующее: «Говоря о “повороте”, необходимо учитывать, что этот термин не универсален и не означает, что во всех странах региона лидирующие позиции занимают консерваторы и традиционалисты: на данный момент в Латинско-Карибской Америке левые или левоцентристские режимы сохраняются в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Коста-Рике, Панаме, на Кубе и некоторых других государствах» (Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., 2020). Ему же вторит автор статьи «Правый поворот в Латинской Америке: история и современность» Н.Н. Нарбут. Он отмечает, что правый поворот, как и левый, подразумевает в первую очередь образующуюся тенденцию и динамические изменения, которые происходят во всем региональном пространстве при появлении не только формальных признаков доминирования в политике правых или левых сил, но и их реальном содержательном перевесе в рамках политического дискурса региона (Нарбут, 2023: 97).

В контексте же Европы некоторые авторы также регулярно прибегают к использованию терминов правого и левого поворотов, отмечая всеобщие тенденции в рамках континента или его отдельных регионов. Так, совсем недавно Н.С. Плевако указала на появление «левого поворота» в Северной Европе, говоря о результатах прошедших в 2024 году выборов в Европарламент. Она отметила сенсационные результаты Скандинавских стран, сепарировавшихся от общеевропейского тренда наступления националистических и правых партий в оставшейся части Евросоюза (Плевако, 2024: 60). В то же время о «правом повороте» как об общеевропейской тенденции пишут многие авторы. Так, А.В. Шарапо представляет его как оглушительный успех ультраправых партий на последних национальных и европарламентских выборах (Шарапо, 2024: 22), а Е.Н. Семёнова описала современный правый европейский поворот в Европе как переломный период испытания устойчивости текущей модели западноцентричного глобализма и идей глобализации из-за начавшегося процесса отторжения странами либерально-демократического блока Европы противоестественного состояния устройства общественно-властных отношений (Семёнова, 2024: 248–249).

В общем плане проблема «правого поворота» в Европе в связи с ее актуализацией в последнее десятилетие стала все чаще подниматься в работах многих специалистов и академиков как отечественной научной школы (Кунышиков, Давыдов, 2019; Корчагин, 2024), так и западной (Eatwell, Goodwin, 2018; Fieschi, 2019; Kai, 2024). Ведущая точка зрения в современной политической науке говорит о том, что сейчас в Европе как раз буйствует «правый поворот», который обуздали ультраправые политические силы³.

Хочется, однако, отметить, что авторская интерпретация современной континентальной политической турбулентности несколько отличается. Анализ динамики развития правого радикализма в Европе за последние сто лет позволил оценить темпоральные колебания и исторические фазы эволюции активности, влияния ультраправых организаций. В ходе оценки пришлось несколько переосмыслить привычную понятийную парадигму, смещая акцент внимания с правого поворота на праворадикальную волну – цикличное возрождение праворадикальной идеологии в европейском макрорегионе. Эти волны праворадикальной активности не являются результатом одного конкретного политического акта или инцидента, а представляют собой более глубокие и системные процессы, свойственные политическим и социальным циклам, которые характеризуются чередующимися периодами подъема и спада, начиная с начала XX века. Данные циклические флуктуации не случайность, не отклонение от «нормы», а закономерный результат жизнедеятельности политической системы (Пантин и др., 2002: 22) с возможными длительными фазами политической стагнации или отката, что вполне может быть интерпретировано как результат внутренней динамики политической системы, где со временем происходит переосмысление радикальных идеологических позиций.

Разумеется, динамика планетарного социума не циклична сама по себе, но внутри него существует несколько циклических макропроцессов. Большинство из них сложились из-за особой социально-дискурсивной архитектуры современной системы международных отношений, которая в некотором измененном формате функционирует с момента зарождения либерально-демократической многогосударственной системы в начале XX века. Исследуя динамику различных циклических макропроцессов в современной истории, можно обозначить их определенную ритмику, которую в своей работе «Ритмы истории» подметил еще А.В. Шубин, рассматривая макропроцессы как волновые, имеющие свои приливы и отливы (Шубин, 2024), что неудивительно, ведь, как писал Г.Ю. Ситнян-

³ “Vicious Cycle”: How Far-Right Parties Across Europe Are Cannibalising the Centre Right [online], *The Guardian*. Available at: https://www.theguardian.com/world/2025/feb/01/vicious-cycle-far-right-parties-across-europe-are-inspiring-imitators?utm_source=chatgpt.com (accessed: 1 May 2025).

ский, «модернизация, в т.ч. политическая, является... чрезвычайно длительным историческим процессом, который не может развиваться линейно и однонаправленно» (Ситнянский, 2002: 45).

На основании вышеизложенного, если авторское предположение о цикличности праворадикальных приливов и отливов верно, возникают вопросы: какие особенности становления и структурно-функционального своеобразия современной волны правого радикализма в Европе? какова специфика трансформаций ультраправой идеологической и праксиологической системы? какой момент можно считать точкой бифуркации, определившей начало прилива текущей волны правого радикализма?

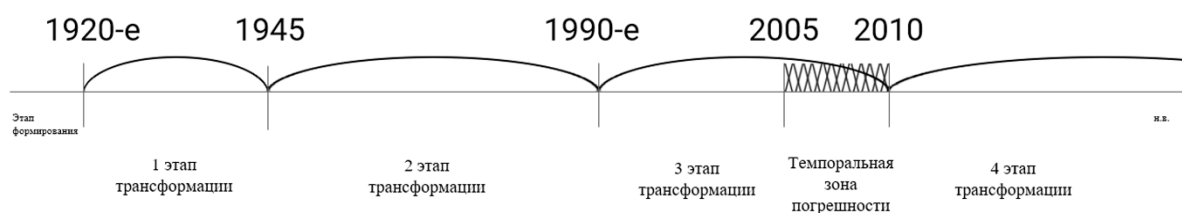
Методология исследования

Целями данного исследования являются систематизация общих характеристик правого радикализма, его этапирование и построение циклической линии развития идеологии, описание современной итерации. Поскольку имеется потребность в подробном изучении современной волны правого радикализма, осмысления этого феномена как исторической действительности с прошедшей аксиологической эволюцией, динамикой развития и современного явления, имеющего свои характерные черты, то для указанных задач, кажется, наиболее удачно подходит анализ посредством структурно-функционального подхода, с применением ретроспективного и сравнительного методов исследования. Дополнительно стоит уделить внимание сегментационным особенностям, что поможет раскрыть, насколько хорошо ультраправые потенциально смогут приспособиться к текущим условиям политической борьбы и обрести властный триумф в долгосрочной перспективе. Изучение идеологии современного правого радикализма в Европе позволяет понять, как и почему это движение привлекает в последнее десятилетие массовую поддержку в разных уголках Европы и становится мощной политической силой в контексте ценностной эволюции социума и изменения приоритетов электората.

В качестве исследовательской гипотезы выступает предположение о том, что современная волна правого радикализма в Европе представляет собой циклическое возрождение идеологии, которое является результатом долгосрочных политико-социальных процессов, обусловленных естественными глобальными трансформациями, ростом экономического неравенства и глобальной культурной гомогенизации, подстегиваемой США, а также рядом мировых и региональных потрясений, вызванных профнепригодностью современных западных либерально-демократических политических элит.

Результаты исследования

В результате анализа аксиологических изменений праворадикального движения, произошедших с начала XX века, было выявлено четыре эволюционных этапа развития правого радикализма в Европе. Для наглядности схематично отразим их на линии (рисунок).

Рис. Интервальная линия этапов трансформации правого радикализма в Европе

Первый этап трансформации правого радикализма в Европе укладывается в рамки 1920–1940-х годов (одновременно с рамками существования первой волны праворадикализма). Если стадия формирования теории пришлась на 1890–1910-е годы, то первые крупные теоретические сдвиги пришлись на так называемый «межвоенный период», который характеризовался растущим влиянием фашизма, чередой крупных европейских кризисов, многополярностью, страхом социальных потрясений, процессом всеобщей экономической и рефлексивной модернизации. Тогда праворадикальное движение было крайне сегментировано в зависимости от региона и страны, что в принципе сохраня-

лось до 1990-х годов. В каждом государстве из-за специфических обстоятельств формирования движения правые радикалы имели свои ярко выраженные черты и своеобразие, которое можно разделить на три направления (табл. 2). При этом интересно, что определенную общность ценностно-теоретического содержания смогли в интернациональном масштабе организовать лишь в революционном направлении, а конкретно среди фашистов, активно пытавшихся консолидировать и транснационализировать опыт своей идеологии (Пэссмор, 2014: 311–312). Ведущими политическими принципами волны 1920–1940-х годов были авторитаризм, парамилитаризм, корпоративизм, солидаризм, ультранационализм, клерикализм, элитаризм, антипарламентаризм, антикоммунизм.

Таблица 2

Фрагментация правого радикализма первой волны

Название направления	Разновидности политических концепций внутри движения	Ценностная конфигурация
Традиционалистское	Фундаментализм, роялизм, реакционный консерватизм	Клерикализм, антимодернизм, христианский корпоративизм, модерантизм
Интегралистское	Национал-консерватизм, национал-этатизм, неороялизм	Органицизм, этнонационализм, протекционизм, солидаризм, сверхперсонализм, холизм
Революционное	Фашизм, национал-синдикализм, консервативный революционизм	Органицизм, ирационализм, радикальный расизм, гомогенизация общества, модернизм

В 1945 году закончилась Вторая мировая война, в мире повсеместно начался процесс дефашизации, ультраправое движение оказалось дискредитированным и загнанным в подполье, было вынуждено мимикрировать и энтрировать в более умеренные движения, либо уходить в полулегальное состояние из-за массового порицания. Возникли новые социальные и экономические кризисы, революционное направление правого радикализма стало отмирать, движение приобрело амбивалентный характер. Многополярность сменилась биполярностью. Центры силы в виде Великобритании, Франции, США, СССР, а также Германии, Италии и Японии на время Второй мировой войны после 1945 года сузились до двух враждующих мировых акторов – Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В ходе биполярного противостояния правые радикалы начали поддерживать США, видя в них меньшую угрозу социальной действительности. На первый план у них выходило противодействие распространению марксистских тенденций. В этой атмосфере ультраправое движение оказалось на периферии общественно-политической мысли, периодически мелькая вспышками в разных странах, но быстро потухая. После крушения фашизма и окончания его всеобъемлющего доминирования в поле правого радикализма утихла вся волна. Правый радикализм маргинализировался, на долгие годы ушел из большой политики Европы, немногочисленные движения 1945–1990-х годов характеризовались идеями антикоммунизма, патриотизма, элитаризма, колониализма, умеренной формы этнонационализма и евроинтеграции.

В 1990-х годах биполярная мировая система рушится, наступает время американского унилатерализма. Либерально-демократическая система становится абсолютным гегемоном во всем мире. После того как социалистический блок дезинтегрировался, Китай только начал набирать экономическую мощь и активно вступил в сотрудничество с западными странами, в мире оставалось лишь несколько периферийных государств, не включенных в сферу американского сотрудничества (и те имели ограниченное региональное влияние). Благодаря открывшимся рынкам сбыта стран СНГ, активизации процесса евроинтеграции со стороны стран Восточной Европы, оживлению мировой торговли и усилению миграционных потоков, Европа вступила во временный период благоденствия и роста, что вызвало нужду быстрой реконфигурации аксиологической системы ценностей правых радикалов. Марксизм перестал быть угрозой Европе, вновь актуализировалась опасность стирания идентичности наций европейских стран, исходящей от неолиберальной социокультурной парадигмы, продвигаемой США. Начавшийся процесс глобализации, а также постепенный упадок европейских элит направили ультраправых по пути принятия аксиологической тенденции «новых правых», заданной ими еще в

1970-х годах. Начался переходный период – обновление крайне правого движения в Европе, переходившего от анахронизмов модернизма, антикоммунизма, этнонационализма к постмодернизму, культурному обособлению и обретению национального своеобразия.

В связи с этим с 1990-х по 2005–2010 годы доминирующие ценности движения произвели амбициозную трансформацию. Этнонационализм сменился этноплюризмом (Тагиефф, 2009: 39): агрессивное биологическое разделение наций с иерархией народов сменилось национальным сотрудничеством между общностями при декларировании необходимости культурного невмешательства, что было направлено против процессов глобализации и влияния мягкой силы США. Авторитаризм сменился тягой к парламентаризму, элитаризм постепенно начал смещаться в сторону эгалитаризма из-за желания ультраправых заполучить рабочий и интеллектуальный электорат, во многом осиротевший после падения марксистского влияния на континенте. Важнейшим элементом трансформации идеологии стал антиглобалистский нарратив, рассматривающий глобализацию как экзистенциальную угрозу национальной целостности и экономической самодостаточности. Движение, осваивая концепты антиглобализма, соединяет их с критикой неолиберализма, предлагая альтернативные формы экономического взаимодействия. Эта смена ориентиров демонстрирует попытку интеграции ультраправого дискурса в экономическую сферу, обосновывая вмешательство государства как инструмент борьбы с деградацией национальной экономики и исчезновением социальной стабильности. Именно переходный период в истории правого радикализма заложил основы текущего репозиционирования ультраправых, что позволило им включиться в конкуренцию на поле большой политической игры.

С середины 2000-х годов по настоящее время праворадикалы окончательно впитали в себя постмодернистские черты, произвели адаптацию движения к современным демократическим нормам, придав ему гибридную политическую форму. Началась плеяда социальных, политических и мигрантских кризисов, вернувшихся в Европу после Арабской весны и экономического кризиса 2008 года. Примечательно, что именно время между этими двумя кризисами стало, по авторскому мнению, точкой бифуркации, давшей начало второй волне правого радикализма. Либерально-демократическая система начала терпеть значительные неудачи из-за образующихся систематических ошибок. Традиционный политический класс стал терять доверие масс, ведущие партии в ускоренном темпе деградируют, как и их элиты. Начался некоторый аксиологический кризис масс ввиду слома старых больших политических идеологий и их замены на постмодернистские идейно-теоретические агрегаты, зиждящиеся на популизме. В то же время в международном контексте, несмотря на сохранение гегемонии США, также начались активные сдвиги в сторону потенциального возвращения многополярности. Китай стал второй экономикой мира, активно попирает рынки и геополитическую сферу США в Африке, Азии и Латинской Америке. Россия окрепла после хаоса 1990-х годов и образует альтернативный политический центр для стран, не желающий стирать свою традиционную культуру из-за агрессивного североамериканского цивилизационного вторжения, поддерживает самоопределение стран Африки, внешнеполитическую автономизацию стран Латинской Америки, Ближнего Востока, участвует в формировании БРИКС. Европейский союз и его страны медленно, но верно стремятся к обособлению от влияния США. Страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки активно проводят акции по созданию новых региональных центров силы.

Обсуждение

В результате вышеуказанных процессов правый радикализм окончательно провел условный «ребрендинг» (Бурмистрова, 2023: 27–29), сменил свое лицо и дерадикализировался. В начале нулевых ультраправые начали значительный подъем во Франции, Италии, Испании и Греции. Опыт этих стран позволил всему движению окончить свои аксиологические реформы для приспособления своих программ к участию в массовой политике. Жесткий иерархизм заменили принципом подотчетности, эгалитаризм сместил элитаризм. Произошел окончательный переход от авторитарных тяготений в сторону культа демократического процесса. Так, к примеру, *Nouvelle Action Royaliste*, одна из партий, претендующих на политическое наследие движения *Action française*, в своих программах декларирует стремление к конституционной монархии, что выражает фундаментальный разрыв с наследодателем, провозглашавшим исключительное стремление к авторитаризму.

Традиционализм и глубинный национализм заменили социальный консерватизм и упомянутый ранее культурный этноплюрализм. Такое изменение позволило ультраправым обосновывать свои притязания на защиту «национального ядра», но при этом не вызывать социальное напряжение в обществе. Ярким примером смягчения дискурса стала недавняя поездка Марин Ле Пен в Новую Кале-

донию. Там она высказалась о необходимости нахождения компромисса с представителями местных меньшинств – канаков – и выступила за проведение нового референдума о независимости через 40 лет⁴. Данная риторика ярко показывает смену исторической позиции партии, бывший лидер которой Жан Мари Ле Пен еще 30 лет назад отстаивал ее жестко лоялистскую профранцузскую позицию без каких-либо компромиссов и уступок канакам в регионе⁵.

Экономический корпоративизм сменил протекционизм или социально-ориентированное государство в зависимости от страны. Таким образом, ультраправые призывают защитить малый, национальный бизнес и одновременно при помощи рестрикций организовать бюджетные средства для поддержания низших слоев населения. В популистскую повестку движения также активно интегрировалась зеленая повестка впервые с 1930-х годов, когда ее активно пытались использовать члены *Action française*, немецкие нацисты и румынские идеологи «Легиона Михаила Архангела». Экологический популизм помогает представить их как современную и ответственную политическую силу, критикующую глобализацию и капитализм. Они связывают экологические проблемы с необходимостью локализма и национального суверенитета, выступая против международных соглашений, ограничивающих независимость стран в экологической политике (Farhan, 2024).

Касательно международных отношений правые радикалы начали опираться на позиции умеренного изоляционизма и евроскептицизма. Они отстаивают суверенитет и независимость своего национального государства, часто выступая против международных институтов и соглашений, которые, по их мнению, ставят под угрозу национальную автономию, отдавая приоритет национальным интересам, безопасности и поддержанию традиционных союзов, а не многостороннему сотрудничеству. Интересно видеть, что сто лет назад многие правые радикалы, по типу фашиста Освальда Мосли, активнейшим образом выступали за создание Евросоюза, потому что видели в нем потенциальную силу для сохранения чистоты так называемой европейской расы, а также санитарного кордона для проникновения марксизма. Тема создания единого западноевропейского социально-экономического пространства в первые годы существования была важной для мобилизации электората и у Австрийской партии свободы (АПС). Однако новый правый радикализм стал теорией, основывающейся на идее сохранения, реализации и воспроизводства этнически и культурно однородного типа общества в рамках либерально-демократической системы, поэтому теперь АПС сейчас активно педалирует евроскепсис⁶.

Уход от большинства ценностных традиций ультраправого движения, заданных ему еще в 1920-х годах, коренным образом повлиял на его фрагментацию в европейском контексте. Фактически идейно-ценностное разделение движения на разные направления исчезло, уступив место геополитическому, по линии разделения Восточная – Западная Европа. Дело в том, что страны Востока, находившиеся до 1990-х годов под пятой социалистического блока, по сути, не имели старой традиции правого радикализма Запада, поскольку их традиция оборвалась с моментом тотальной дефашизации 1940–1950-х годов. В то время как в Западной Европе крайне правые десятилетия модернизировали свою теорию через рефлексию и различные ценностные модификации, открывшиеся им после ассимиляции постмодернистских веяний, восточноевропейские ультраправые возродили свою традицию с момента ее обрывания в середине прошлого века, мало перенимая заслуги Запада, лишь некоторые новаторские формы действия. К тому же страны на Востоке проходили через тяжелый период обрывания связи с коммунистическим прошлым. Там все еще были сильны коммунистические партии, красные консерваторы по-прежнему имели большое влияние в некоторых странах, среди масс был большой страх возвращения к марксистскому режиму. Это вызывало нужду восточных ультраправых в борьбе с крайне левыми, а не переход к защите страны от культурной и политической гомогенизации из-за процессов глобализации. Лишь к середине нулевых этот флер старины начал опадать, большинство стран Востока вступило в Европейский союз, марксизм был отброшен в прошлое, а западноевропейский аксиологический опыт начал активно транснационализироваться. Благодаря эффекту «низкого старта» восточноевропейские радикалы начали догонять своих западных братьев по идеологии, однако отставание между ними в полной мере не устранено до сих пор. Как заявил поли-

⁴ New Caledonia: Marine Le Pen for a Compromise, Contrary to the Historic Positioning of the RN [online], *GettoText*. Available at: <https://gettotext.com/new-caledonia-marine-le-pen-for-a-compromise-contrary-to-the-historic-positioning-of-the-rn> (accessed: 1 May 2025).

⁵ Jean-Marie Le Pen Holds Key to Second Round – Archive, 1988 [online], *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/25/le-pen-jean-marie-national-front-1988-election-presidential-france?> (accessed: 1 May 2025).

⁶ The Freedom Party of Austria and the Rise of Euroscepticism [online], *E-international Relations*. Available at: www.e-ir.info/2012/07/31/the-freedom-party-of-austria-and-the-rise-of-euroscepticism (accessed: 1 May 2025).

толог Майкл Микенберг, до сих пор «восточноевропейские радикальные правые более ориентированы в обратном направлении, чем их западные коллеги, то есть более антидемократичны и более воинственны» (Minkenberg, 2014). Особенно большой разрыв между двумя частями ультраправого движения сильно заметен, если сопоставить правых радикалов Украины и Греции с их товарищами из Франции и Испании. Интересен тот факт, что если сопоставить линии соприкосновения между областями двух разных традиций правого радикализма (табл. 3), то она будет сильно напоминать карту «Две Европы» Майкла Манна (Манн, 2019: 65), показывающую разделение Европы на либерально-демократический и авторитарный лагеря в 30-х годах прошлого века.

Таблица 3

Фрагментация правого радикализма второй волны

Зоны фрагментации	Ценностная конфигурация	Примерная зона покрытия (страны)
Западная Европа	Конституционализм, этноплюрализм, евроскептицизм, реформизм, экологизм, республиканизм, постмодернизм, социальный консерватизм, нативизм	Испания, Португалия, Италия, Швейцария, Австрия, Франция, Германия, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Великобритания, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия
Восточная Европа	Идентаризм, ксенофобия, акселерационизм, реформизм, республиканизм, модернизм, евроскептицизм, традиционализм	Эстония, Литва, Латвия, Польша, Беларусь, Украина, Россия, Румыния, Молдавия, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Греция, Словения, Сербия, Хорватия, Албания, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Черногория

Заключение

Текущая волна правого радикализма, отличающаяся высокой степенью адаптации к демократическим нормам и незначительной идейной фрагментацией, представляет собой политическое явление, которое уже не может рассматриваться исключительно как реакционная сила, направленная против устоев либерального порядка. Современные правые радикалы, мобилизуясь вокруг антимиграционной, антиглобалистской и нативистской риторики (Шубина, 2005: 73), одновременно преодолевают традиционные ограничения ультраправого спектра. Вместе с тем анализ трансформации движения, его текущего состояния в рамках европейского контекста выявляет двойственность воздействия на внутривнутриполитические процессы и международные отношения. С одной стороны, движение стимулирует внутренние дискурсы, становясь катализатором демократических дебатов и предлагая альтернативные подходы к актуальным социальным и экономическим вызовам. С другой стороны, их популяризация ведет к углублению поляризации, что показывают последние выборы в Германии, Франции и Испании, усиление социальных расколов, что порождает потенциал для дестабилизации в отношениях с международными партнерами и умеренную ревизию текущей многогосударственной европейской системы.

В условиях нарастания кризисов — как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических — праворадикальные движения, вероятно, будут и дальше стремиться к легитимации через институциональные механизмы, стремясь интегрироваться в существующие политические структуры, сохраняя при этом идеологическую обособленность. Количество их депутатов в европарламенте за 10 лет выросло с 80 до 110 при всех нюансах избирательных барьеров и проблемы фрагментации групп в парламенте. В этом контексте актуальным становится вопрос о степени влияния праворадикализма на долгосрочную устойчивость европейской интеграции, а также о его последствиях для международного положения России. Сохранение, а возможно, и усиление этой тенденции способно не только трансформировать политические системы отдельных европейских государств, но и оказать влияние на глобальный баланс сил, определяя вектор будущего развития международных отношений в XXI веке.

Список литературы / References

- Бурмистрова, Е. С. (2023) 'От маргиналов к мейнстриму: смена имиджа лидеров западноевропейских праворадикальных популистов', *Вестник Пермского университета. Политология*, 4(17), сс. 22–31. [Burmistrova, E. S. (2023) 'From marginal to mainstream: the changing image of Western 'European right-wing populist leaders' [Ot marginalov k mejnstrimu: smena imidzha liderov zapadnoevropejskih pravoradikal'nyh populistov], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologia*, 4(17), pp. 22–31. (In Russ.)]. DOI:10.17072/2218-1067-2023-4-22-31.
- Корчагин, В. Л. (2024) 'Условия и причины успеха европейских правых популистских движений на примере политической партии «Истинные финны»', *Россия в глобальном мире*, 2(27), сс. 80–98. [Korchagin, V. L. (2024) 'Conditions and reasons for the success of European right-wing populist movements on the example of the political party «True Finns»' [Usloviya i prichiny uspekha evropejskih pravyh populistских dvizhenij na primere politicheskoy partii «Istinnye finny»], *Rossiya v global'nom mire*, 2(27), pp. 80–98. (In Russ.)] DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.
- Куньшиков, С. В., Давыдов, И. А. (2019) *Правый поворот в европейской политике: причины, сущность, перспективы, Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. Екатеринбург: УрФУ, сс. 1262–1267. [Kunshchikov, S. V., Davydov, I. A. (2019) *Right turn in European politics: reasons, essence, prospects, Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research* [Pravij povorot v evropejskoj politike: prichiny, sushchnost', perspektivy, Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya], Ekaterinburg: UrFU, pp. 1262–1267. (In Russ.)]
- Манн, М. (2019) *Фашисты. Социология фашистских движений*. Москва: Пятый Рим. [Mann, M. (2019) *Fascists. Sociology of Fascist Movements* [Fashisty. Sociologiya fashistskih dvizhenij'], Moscow: Pyatij Rim. (In Russ.)].
- Нарбут, Н. Н. (2023) 'Внешнеполитическая ориентация стран Латинской Америки: влияние левого и правого поворота', *История геополитики, международных отношений и всеобщей истории*, 69, сс. 95–99. [Narbut, N. N. (2023) 'The foreign policy orientation of Latin American countries: the influence of left and right turn' [Vneshnepoliticheskaya orientaciya stran Latinskoj Ameriki: vliyanie levogo i pravogo povorota], *Istoriya geopolitiki, International Relations and General History*, 69, pp. 95–99. (In Russ.)].
- Пантин, В. И., Лапкин, В. В., Ильин, М. В., Черняховский, С. Ф., Ситнянский, Г. Ю., Мошелков, Е. Н., Межуев, Б. В. (2002) 'Волны и циклы политического развития (Заочный круглый стол)', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 19–59. [Pantin, V. I., Lapkin, V. V., Ilyin, M. V., Chernyakhovsky, S. F., Sitnyansky, G. Y., Moschelkov, E. N., Mezhuiev, B. V. (2002) 'Waves and cycles of political development (Correspondence round table)' [Volny i cikly politicheskogo razvitiya (Zaochnyj kruglyj stol)], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 19–59. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.04.03>
- Плевако, Н. С. (2024) '«Левый поворот» в странах Северной Европы на выборах в Европарламент 2024: Финский казус', *Современная Европа*, 7, сс. 59–70. [Plevako, N. S. (2024) '«Left turn' in the Nordic countries in the 2024 European Parliamentary elections: the Finnish casus belli' [«Levyj povorot» v stranah Severnoj Evropy na vyborah v Evroparlament 2024: Finskij kazus'], *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 59–70. (In Russ.)]
- Пэссмор, К. (2014) 'Транснациональная история фашизма и национал-социализма на примере Франции', *Берегиня*, 777. *Сова*, 4 (23), сс. 310–327. [Passmore K. 'Transnational History of Fascism and National Socialism on the Example of France' [Transnacional'naya istoriya fashizma i nacional-socializma na primere Francii], *Bereginya*, 777. *Sova*, 4(23), pp. 310–327. (In Russ.)].
- Ситнянский, Г. Ю. 'Циклы политической истории: принцип наложения и дополнения', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 45–51. [Sitnyansky, G. Y. 'Cycles of political history: principle of superposition and complementation', 4, pp. 45–51. (In Russ.)].

- cles of political history: the principle of superimposition and addition' [Cikly politicheskoy istorii: princip nalozheniya i dopolneniya], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 45–51 (In Russ.).]
- Семёнова, Е. Н. (2024) 'Правый поворот: национальные внутриполитические тенденции в Европейском Союзе', *Журнал "Власть"*, 4(32), сс. 248–257. [Semenova, E. N. (2024) 'Right Turn: National Domestic Political Trends in the European Union' [Pravyj povorot: nacional'nye vnutripoliticheskie tendencii v Evropejskom Soyuze], *Zhurnal "Vlast"*, 4(32), pp. 248–257. (In Russ.).]
- Тагиефф, П.-А. (2009) *Цвет и кровь: Французские теории расизма*. Москва: Ладомир. [Taguieff, P.-A. (2009) *Color and Blood: French Theories of Racism* [Cvet i krov': Francuzskie teorii rasizma], Moscow: Ladomir (In Russ.).]
- Хейфец, В. Л., Хейфец, Л. С. (2020) 'Правый поворот в Латинской Америке: история и современность', *История*, 5(91), сс. 16. [Heifetz, V. L., Heifetz, L. S. (2020) 'The right turn in Latin America: history and modernity' [Pravyj povorot v Latinskoj Amerike: istoriya i sovremenost'], *History*, 5(91), pp. 16. (In Russ.).]
- Шарапо, А. В. (2024) 'Правый поворот в Европе и потенциальные возможности влияния ультраправых партий на политику Европейского Союза', *Журнал международного права и международных отношений*, 3/4 (110/111), сс. 20–26. [Sharapo, A.V. (2024) 'The rightward turn in Europe and the potential for far-right parties to influence European Union policy' [Pravyj povorot v Evrope i potencial'nye vozmozhnosti vliyaniya ul'trapravvyh partij na politiku Evropejskogo Soyuza], *Journal of International Law and International Relations*, 3/4 (110/111), pp. 20–26. (In Russ.).]
- Шубин, А. В. (2024) *Ритмы истории*. Москва: Эгалите. [Shubin, A. V. (2024) *Rhythms of History* [Ritmy istorii], Moscow: Egalite. (In Russ.).]
- Шубина, М. В. (2005) 'Европейские ультраправые в эпоху глобализованного модерна', *Политическая наука*, 4, сс. 70–91. [Shubina, M. V. (2005) 'The European far-right in the era of globalized modernity' [Evropejskie ul'trapravye v epohu globalizirovannogo moderna], *Politicheskaya nauka*, 4, pp. 70–91. (In Russ.).]
- Яшкова, Т. А., Голубничий, Д. А. (2024) 'Феномен праворадикализма: история развития', *Теории и проблемы политических исследований*, 7A(13), сс. 41–48. [Yashkova, T. A., Golubnichiy, D. A. (2024) 'The phenomenon of right-wing radicalism: history of development' [Fenomen pravoradikalizma: istoriya razvitiya], *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij*, 7A(13), pp. 41–48. (In Russ.).]
- Eatwell, R., Goodwin, M. (2018) *National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy*. Pelican, 384 p.
- Farhan, A. (2024) 'The rise of ecofascism: climate change and the far right', *International Affairs*, 100, pp. 438–439.
- Fieschi, C. (2019) 'Populocracy: The Tyranny of Authenticity and the Rise of Populism', *Newcastle: Agenda Publishing*, 192 p. DOI: 10.1080/14782804.2019.1644000
- Kai, A. (2024) 'How Local Context Affects Populist Radical Right Support: A Cross-National Investigation Into Mediated and Moderated Relationships', *British Journal of Political Science*, 54(4), pp. 1–26. DOI: 10.1017/S0007123424000085.
- Minkenberg, M. (2014) 'The Renewal of the Radical Right: Between Modernity and Anti-modernity', *Government and Opposition*, 35(2), pp. 170–188. DOI: <https://doi.org/10.1111/1477-7053.00022>.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 06.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

**WAVES OF RIGHT-WING RADICALISM IN MODERN EUROPE:
CHALLENGES, HISTORICAL OVERVIEW, AND TRANSFORMATION FEATURES**

R. Tishchenko

Rostislav Tishchenko, applicant of the Department of Comparative Political Science,
RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: 1032211882@pfur.ru (ORCID: 0009-0003-9075-3494. ResearcherID: NEU-2153-2025).

Abstract

The article analyzes the evolution of right-wing radicalism in Europe, focusing on its ideological evolution and reasons for its popularization in recent decades. The author views this political phenomenon as cyclical, suggesting it is not random but a natural response to global and domestic socio-political changes. Using a structural-functional approach along with retrospective and comparative methods, the author traces the key stages in the development of right-wing radical movements from their 19th-century origins to the present. The factors influencing the popularization of the contemporary wave of right-wing radicalism in Europe, such as the migration crisis, economic inequality, and globalization, are assessed. The study describes the transformation of right-wing radical movements that have adapted to contemporary political norms and acquired new forms that have incorporated postmodern populism and anti-globalization into the framework of their discourse. The author concludes that right-wing radicalism in Europe has undergone four stages of discursive transformation and experienced two major waves throughout its history. Now we are experiencing its second iteration, the contemporary cycle of far-right ideology will continue to strengthen its position in the foreseeable future, given the challenges facing European societies in the context of economic and cultural crises.

Keywords: Europe; right-wing radicalism; right turn; regional politics; social crisis; migration crisis; political ideologies; populism.

УДК-329.12:329.15:325.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-16-27

**ГЕОГРАФИЯ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ? СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПОЗИЦИЙ ЛЕВЫХ И ПРАВЫХ ПОПУЛИСТОВ ПО ВОПРОСУ
ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ)**

А. С. Тарасов, А. Р. Туренко

Тарасов Андрей Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник,
Барселонский институт международных исследований, Барселона, Испания.

E-mail: atarasov@ibei.org, tarasovandrew248@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0200-8909. Researcher ID: IQT-0393-2023).

Туренко Артем Романович, аспирант Школы по политическим наукам,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: arturenko@hse.ru, aturenko.study@gmail.com (ORCID: 0009-0004-8186-4237).

Аннотация

Рассматривается риторика левых и правых популистских партий по проблеме политики развития. Авторы ставят вопрос о том, какую роль при ее реализации играет миграционный контекст, а именно кризис беженцев, который способствовал электоральному росту популистов на европейской арене. На примере страны приема (Итальянская Республика) и страны назначения (Федеративная Республика Германия) производится сравнительный анализ риторики правых («Альтернатива для Германии», «Лига») и левых популистских партий («Движение пяти звезд», «Левая партия») на национальном уровне с целью определения сходств и различий в их установках. Используя метод контент-анализа политических программ на выборы в национальные парламенты, авторы отмечают, что левопопулистские партии больше фокусируются на проблеме политики развития, чем их правые оппоненты. Риторика немецкой и итальянской левых партий имеет между собой больше общих черт, чем у правых популистов. Популистские партии рассматривают политику развития через призму миграционной политики. Как правые, так и левые популисты подчеркивают важность решения миграционной проблемы, однако для первых политика развития – инструмент борьбы с миграцией в национальных интересах, для вторых – средство уменьшения социально-экономического неравенства и достижения социальной справедливости. Вместе с тем авторы приходят к выводу о том, что различия в риторике обусловлены не географическими факторами, а тем, к какой «основной идеологии» обращаются партии. Миграционный контекст не является ключевым при проведении политики развития.

Ключевые слова: политика развития; правый популизм; левый популизм; миграционный кризис; кризис беженцев; «Лига»; «Альтернатива для Германии»; «Движение пяти звезд»; «Левая партия».

Приток беженцев в Европу в 2015–2016 гг. представлял собой вызов как для внутренней стабильности Европейского союза (далее – ЕС), так и для декларируемой приверженности правам человека. Этим воспользовались популистские партии, увеличив среднюю поддержку до почти 16 % на национальных выборах, войдя в правительственные коалиции более чем в десяти странах ЕС (Timbro, 2019). Благодаря быстрому росту популистские партии стали неотъемлемым участником процесса принятия политических решений. Исследования показывают, что они успешно вводят новые вопросы в политическую повестку и мобилизуют поддержку по ранее неполитизированным темам (Lutz, 2019). В частности, они способствовали политизации вопросов иммиграции и европейской интеграции (Hutter, Grande, 2014). Более того, приток беженцев поставил разные задачи для стран приема, которые столкнулись с необходимостью быть форпостом ЕС, и стран назначения, которым было необходимо решать вопросы интеграции вновь прибывших мигрантов в социум.

В этой связи научный интерес вызывает сравнение левых и правых популистских партий в контексте их внешнеполитического дискурса, так как именно политизация миграции привела многие из этих партий в национальные парламенты (Cossarini et al., 2021).

Хотя исследования внешнеполитической риторики популистских партий активно развиваются, их взгляды на политику развития остаются малоизученными. Тем временем политика развития приобретает актуальность в связи с реализацией Целей устойчивого развития (ЦУР), принятых ООН в 2015 году¹. Этот вопрос становится частью политической борьбы и популистской повестки, что требует его анализа для понимания взглядов правых и левых популистов. Отсюда вытекает цель работы – выявить сходства и различия в установках правых и левых популистов в контексте политики развития.

ЕС является одним из ключевых игроков в области политики содействия развитию. Большинство исследований утверждают, что политика ЕС носит преимущественно инструментальный характер, где помощь становится методом достижения политических или других целей (Furness et al., 2020).

К основным задачам исследования относится следующее: определить сходства и различия риторики левых и правых популистов; выявить различия между двумя типами популистов в зависимости от миграционного контекста (страна приема или страна назначения); рассмотреть различия в риторике левых и правых популистов на национальном уровне.

Гипотетически популистские партии, претендующие на представление интересов простых людей, могли бы выступать против использования инструмента политики развития, рассматривая «миграцию и развитие» как лицемерный дискурс, созданный для легитимации западного вмешательства в менее развитые регионы, воспринимая это как вмешательство элит (Geiger, Pécoud, 2013). Однако акцент популистских партий на внутренних вопросах и потенциальный интерес к предотвращению миграции ставят это предположение под сомнение (Wajner, Giurlando, 2023).

В работе утверждается, что, хотя популистские партии могут поднимать вопросы политики развития через тему миграции и безопасности, их риторика в рамках политики развития вряд ли отличается от логики их «основных идеологий» (host ideologies). Это приводит к отсутствию согласованного подхода популистов к политике развития, за исключением общего неодобрения наднациональной координации политики ЕС либо в контексте нативизма (для правых партий), либо в контексте неодобрения роли большого бизнеса (для левых).

Обзор литературы

Электоральный рост популистских партий в Европе в последние несколько десятилетий вызывает повышенное внимание к этому феномену среди различных исследователей (Albertazzi, McDonnell, 2008; Heinisch, Mazzoleni, 2016). Несмотря на то что популизм – глобальное явление, так как его проявления можно найти во множестве различных стран, в том числе в Азии, Латинской Америке, Африке и т.д. (Roodvijn, 2014), в Европе он зачастую рассматривается вместе с евроскептицизмом, вызывая определенные терминологические трудности в толковании (Masetti, 2021).

Терминологические сложности также возникают в связи с тем, что популизм может трактоваться как «фрагментарная идеология» / «идеология с тонким центром» (thin-centered ideology), дискурс, фрейм, электоральная стратегия или тип организационных связей (Мусихин, 2009; Aslandis, 2016; Jansen, 2011).

Различия между стратегией, дискурсом и фреймом в популизме кажутся преувеличенными, поскольку сторонники его как стратегии рассматривают «популистскую риторику» в качестве ключевого элемента (Jansen, 2011: 83). Разграничение между идеологией и дискурсом также размыто: для сторонников популизма как идеологии он имеет характер «фрагментарности» (Canovan, 2008). Фриден отмечает, что популизм находится именно между «фрагментарной идеологией» и дискурсом (Freedon, 2017: 10). Авторам кажется важным это замечание, поэтому в нашем исследовании идеологические различия между правыми и левыми популистскими партиями будут рассматриваться через призму их дискурса, выраженного в электоральных программах.

Наиболее востребованным определением популизма является дефиниция Мудде, согласно которой общество разделяется на «чистый народ» и «коррупцированную элиту», а политика оценивается как выражение воли народа (Mudde, 2004: 543). Эмпирическое исследование Руудуйн подтвердило четыре ключевых черты популизма: центральность народа, критику элит, однородность общества и

¹ Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2015) [Электронный ресурс], Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации объединенных наций. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 28.03.2025).

постоянное апеллирование к кризису (Rooduijn, 2014). Независимо от типа критикуемой элиты, общий конфликт представлен как противостояние народа и власти.

Необходимо заметить, что «фрагментарная идеология» заведомо предполагает наличие «основной идеологии» (Massetti, 2021). Именно эта характеристика популизма обуславливает необходимость смыслового разграничения между право- и левопопулистскими партиями.

Резюмируя пласт теоретических исследований правого популизма, можно выделить несколько особенностей, включая нативизм и авторитаризм. Нативизм предполагает, что «чистый народ» обладает культурными и этническими характеристиками, тогда как существуют другие национальные группы, угрожающие этому единству. Авторитаризм – это убеждение в строго упорядоченном обществе, где нарушения авторитета должны сурово наказываться (Mudde, 2007: 23). В то же время левый популизм рассматривает деление общества по линии «народ – элиты» с точки зрения социально-экономического положения, подчеркивая разницу материального достатка (De Cleen, Stavrakakis, 2017). С этой точки зрения элиты – это социальный класс, который эксплуатирует народ.

Рассматривая дискурс популистских партий, обнаруживается ярко выраженная дихотомия «свой – чужой» (Barr, 2009). С точки зрения правых популистов, аутсайдеры, угрожающие простым людям, – это те, которые не принадлежат к нации (например, мигранты). Левые популисты, напротив, полагают, что мигранты – такая же часть эксплуатируемого народа, как и все, кто не принадлежит «элитам сверху» (De Cleen, Stavrakakis, 2017).

Популизм давно вышел за рамки внутривнутриполитического феномена и влияет на международные отношения. Для сохранения позиций популистские партии уделяют внимание внешней политике, однако их подходы различаются. Правые популисты склонны к изоляционизму, противодействию европеизации и трансграничной миграции, тогда как левые ориентируются на социальный космополитизм и менее скептически к международным организациям и европеизации (Verbeek, Zaslove, 2017: 15). В целом левые придерживаются интернационального подхода, а правые – националистического.

Применительно к анализу политики развития исследования в этой области можно выделить в отдельную мультидисциплинарную группу – development studies (Старцев, 2020: 7; Sumner, 2024). В российском исследовательском поле используются синонимичные понятия «политика развития» и «политика содействия развитию» (Стрежнева, Руденкова, 2016; Сергеев, 2021; Агафонова, 2021). Европейская политика развития (EU Development Policy) – часть внешней деятельности ЕС, направленной на содействие устойчивому развитию государств, получающих помощь (Топорикова, 2024: 42).

Позиции как лево-, так и правопопулистских партий по вопросу политики развития нуждаются в дополнительном изучении. Политические установки правых лучше благоприятствуют проведению политики содействия развитию (Thérien, 2002). Евроскептическая, антимигрантская позиции правопопулистских партий непосредственно влияют на формирование внешнеполитических предпочтений (Шеин, 2021).

Ранее предпринимались попытки сравнить подходы левых и правых популистов к политике развития, однако этим работам не хватило содержательного наполнения в части анализа конкретных формулировок (Verbeek, Zaslove, 2017). В целом в литературе уделяется большее внимание восприятию политики в области развития правопопулистскими партиями. Исследователи приходят к выводу о том, что электоральный успех правых популистов влияет на фрейминг миграции при формулировании целей политики в области развития (Bergmann et al., 2021: 45; Hackenesch et al., 2022). Ряд проведенных исследований указывает на то, что правопопулистские акторы могут иметь косвенное воздействие на внешнюю политику в направлении националистической ориентации, по крайней мере на уровне дискурса (Verbeek, Zaslove, 2015). Однако по-прежнему остается неясным, какое именно влияние оказал рост правопопулистских партий на европейской арене на политику оказания иностранной помощи.

Методологическая база

Кризис беженцев в Европе, безусловно, сыграл роль триггера, способствовавшего электоральному успеху популистских партий. Между тем, если внимание к правым популистским партиям в исследованиях весьма пристально, то левые партии исследованы в значительно меньшей степени. При этом рост таких партий, как «СИРИЗА – ПА» в Греции, «Подemos» в Испании и др., показывает, что левые популистские партии тоже имеют значительный успех на фоне общего недовольства населения.

Европейские страны можно разделить на три группы: страны приема / пограничные страны (Италия, Греция) – первые точки прибытия беженцев; транзитные страны – государства, через которые беженцы следовали дальше; страны назначения (Германия, Франция) – главная цель мигрантов (Kriesi et al., 2021). Рост популизма особенно заметен в пограничных странах и странах назначения, поэтому исследование различий между популистами актуально именно там. В целях сравнительного анализа выбраны страны с сильными популистскими партиями, в которых миграционные режимы наиболее привлекательны для мигрантов с точки зрения открытости, – Германия и Италия² (Ibid.). Политический ландшафт в крупнейшей экономике ЕС претерпел значительные изменения с 2015 года. В частности, огромную популярность приобрела «несистемная» партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, далее – «АдГ»). «АдГ» – одна из самых успешных правопопулистских партий в Европе (Погорельская, 2019; Белинский, 2019). На выборах в Бундестаг в 2025 году «АдГ» получила 10,4 % голосов³. Левый фланг популистских партий в Германии представлен «Левой партией» (Die Linke, далее – «Левая партия», «Левые»).

В Италии популистские партии также имеют значительный электоральный успех, особенно после начала миграционного кризиса. Партия «Движение пяти звезд» (Movimento 5 Stelle) является левопопулистской, что подтверждено многими зарубежными исследованиями (Cottichia, 2021; Varriale, 2021). Она набрала наибольшее число голосов на парламентских выборах 2018 года, что позволило сформировать правящую коалицию. На парламентских выборах 2022 года партия получила около 17 % голосов избирателей⁴.

Правый фланг популистских партий в Италии весьма обширен. В частности, он включает в себя партию «Братья Италии», которая победила на парламентских выборах 2022 года. Однако наибольшую популярность после начала миграционного кризиса получила партия «Лига Севера» (Lega Nord), которая с 2018 года обозначается как «Лига» (Роберто, 2019). Она входила в правящую популистскую коалицию 2018 года вместе с «Движением пяти звезд», а сейчас является частью правой коалиции правительства Дж. Мелони.

Исследование охватывает электоральный период 2017–2025 годов. Хотя миграционный кризис 2015–2016 годов утратил остроту, миграционные вопросы остаются ключевыми в политической повестке Запада и в программах популистских партий. В постковидный период интерес к миграционной и связанной с ней политике развития усилился на фоне восстановления экономики, инфляции и энергетического кризиса.

Источниками для анализа являются предвыборные программы четырех политических партий, начиная с 2017 года. В Германии проанализированы программы на выборах в Бундестаг 2017, 2021 и 2025 годов, а в Италии – программы для парламентских выборов 2018 и 2022 годов.

В качестве метода исследования применяется количественный и качественный контент-анализ. Мы выделим ряд ключевых слов – единиц кодирования. В немецких предвыборных программах рассмотрены следующие слова: die Entwicklungspolitik (политика развития); die Entwicklungszusammenarbeit (сотрудничество в целях развития); die Entwicklungshilfe (помощь развивающимся странам); die Entwicklungshilfepolitik (политика оказания помощи в целях развития); die Entwicklungskooperation (сотрудничество в целях развития); die (nachhaltigen) Entwicklungsziele (цели развития в области устойчивого развития).

В итальянских источниках – sviluppo sostenibili (устойчивое развитие); cooperazione internazionale allo sviluppo (международное сотрудничество в области развития); aiuti dello sviluppo (содействие развитию), accordi internazionali di aiuto (международные соглашения о помощи), cooperazione internazionale (международное сотрудничество), obiettivi di sviluppo (цели развития).

«Лига»

До миграционного кризиса 2015–2016 годов вопросы политики содействия развитию практически не встречались в программах партии на национальные выборы. В 2013 году на парламентских

² Открытость и закрытость миграционных режимов определяется отношением количества поданных заявлений на убежище и количеством отказов. Так, в Германии этот показатель в 2015 году составлял 35 %, а в Италии – 43 %. В то же время в Греции – 92 %, во Франции – 63 % (Kriesi et al., 2021, online appendix).

³ Vorläufiges Ergebnis der Bundestagswahl 2025 steht fest (2025) [online], Die Bundeswahlleiterin. Available at: https://www.bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/27_25_vorlaeufiges-ergebnis.html (accessed: 28 March 2025).

⁴ September 2022 Election Results (2022) [online], IPU Parline: Global Data on National Parliaments. Available at: <https://data.ipu.org/parliament/IT/IT-LC01/election/IT-LC01-E20220925> (accessed: 25 March 2025).

выборах «Лига Севера» в своей предвыборной программе концентрировалась только на вопросах международного сотрудничества в связи с борьбой с нелегальной миграцией.

На парламентских выборах 2018 года «Лига» связала политику развития с борьбой против нелегальной миграции. В программе партия заявляет о необходимости двусторонних соглашений о репатриации в обмен на экономическое сотрудничество, а в случае отказа – о денонсации соглашений об экономической помощи⁵. В частности, партия отмечает, что «за большими миграционными потоками, которые мы наблюдаем из Африки, стоит улучшение экономической ситуации (по мере роста экономических ресурсов увеличивается число людей, которые могут позволить себе поездку в Европу)»⁶. В ответ партия предлагает ужесточить контроль за финансированием политики содействия развитию.

В программе 2022 года партия делает акцент на необходимости пересмотра роли Италии в Средиземноморье. В частности, она предлагает усилить экономические связи с Турцией и Алжиром в целях борьбы с нелегальной миграцией и международным терроризмом. Важно отметить, что речь идет именно о взаимовыгодных экономических соглашениях, а не о политике помощи⁷.

В области политики помощи партия предлагает несколько конкретных мер: учитывать интересы итальянского бизнеса в политике развития и сосредоточиться на устойчивой энергетике в Африке, а также возобновить проект Сальвини «Африка за рамками политики помощи» (Africa Beyond Aid). Более того, партия снова увязывает политику помощи с борьбой с нелегальной миграцией: «Никто не должен чувствовать себя вынужденным покинуть свою страну и терять свои корни по экономическим причинам. Мы действительно можем помочь наиболее неблагополучным регионам планеты, поддерживая местные проекты, а не принимая всех подряд. Африка не помещается в Италию!»⁸.

Таким образом, можно отметить инструментализацию политики помощи сразу в двух аспектах. С одной стороны, она воспринимается как инструмент поддержки итальянского бизнеса. С другой стороны, нацеленная политика помощи является инструментом борьбы с нелегальной миграцией.

«Альтернатива для Германии»

В программе на выборах в Бундестаг 2017 года политике помощи посвящен подраздел, озаглавленный «Политика развития: стабильность как интерес безопасности и экономики». Примечательно, что он является частью раздела, затрагивающего вопросы внешней политики и политики безопасности.

«АдГ» требует радикального пересмотра политики развития с учетом экономических интересов и интересов безопасности. Ключевой тезис – «помощь, направленная прежде всего на самопомощь»⁹. По мнению партии, самостоятельное развитие стран происхождения снижает стимулы к миграции, а отказ этих стран принимать своих граждан обратно должен приводить к прекращению помощи. Для временного размещения мигрантов могут использоваться третьи страны. «АдГ» акцентирует внимание на защите границ ЕС и поддерживает льготный экспорт продукции из развивающихся стран.

На парламентских выборах 2021 года позиции «АдГ» по вопросу политики развития не изменились¹⁰. В программе пункт по политике помощи отнесен к разделу «Внешняя и оборонная политика». Правые популисты также утверждают, что политика развития должна реализовываться в интересах безопасности и экономики. Она должна быть ориентирована на самопомощь, а не на поддержку коррумпированных систем. Политика развития должна быть перенесена на национальный уровень государств – участников ЕС. Как и в программе 2017 года, «АдГ» связывает предоставление помощи в целях развития с готовностью стран принять мигрантов.

В программе на выборах в Бундестаг, которые состоялись 23 февраля 2025 года, партия «Альтернатива для Германии» добавила утверждение, что необходимо положить конец продвижению сомнительных проектов развития, фокусирующихся на идеологии «воук» (Woke), согласно которой

⁵ Elezioni 2018. Programma di Governo di Lega, p. 6. (2018).

⁶ Elezioni 2018. Programma di Governo di Lega, p. 23. (2018).

⁷ Elezioni Politiche 2022. Programma di Governo di Lega. (2022).

⁸ Elezioni Politiche 2022. Programma di Governo di Lega, p. 91. (2022).

⁹ Das Wahlprogramm der AfD für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017, S. 29. (2017).

¹⁰ Das Programm der AfD für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag. (2021).

уделяется повышенное внимание вопросам гендера, расовой дискриминации и т.д.¹¹ Кроме того, партия конкретизирует список стран, которым должно быть отказано в помощи: Китай, Индия и такие ядерные державы, как Пакистан. Правые популисты также отмечают, что в связи со сложной ситуацией с бюджетом финансирование политики развития должно быть значительно сокращено.

Таким образом, мы видим, что немецкой правопопулистской партией политика содействия развитию воспринимается прежде всего как средство сдерживания миграции. По мнению «АдГ», политика помощи неотделима от проблемы обеспечения безопасности внешних границ.

«Движение пяти звезд»

До начала миграционного кризиса в программных документах партии внимание вопросам политики развития, как и внешней политике в целом, практически не уделялось. После начала миграционного кризиса риторика партии заметно изменилась, и вопросам внешней политики стало уделяться значительно больше внимания. В программе к национальным выборам партия посвятила несколько разделов внешнеполитическим вопросам, в частности напрямую раскрыла подход партии к политике содействия развитию.

«Движение пяти звезд» выступает за денуклеаризацию Средиземноморья, призывая к превращению этого региона из «театра военно-политической конфронтации в регион международного экономического сотрудничества»¹². Важно отметить, что партия проводит прямую связь с необходимостью кооперации и отказа от ядерного оружия с ЦУР¹³.

«Движение пяти звезд» выступает против военного интервенционизма и за справедливое участие Италии в политике содействия развитию. Она критикует концентрацию помощи на «мегапроектах», выгодных лишь крупным компаниям, что усиливает экономическое неравенство. Партия также осуждает недостаточное финансирование, не соответствующее международной норме 0,7 % ВВП, и предлагает прозрачное финансирование локальных проектов и проектов экстренной медицинской помощи. Подчеркивается связь помощи и миграции: «Эффективное использование средств на политику помощи является способом устранения коренных причин миграции»¹⁴.

В программе 2022 года партия расширяет тему миграции, подчеркивая необходимость сотрудничества в ЕС для стабилизации стран – источников миграции в Африке и на Ближнем Востоке / в Азии. Предлагается прекращение поддержки недемократических режимов и пересмотр Дублинских соглашений для справедливого распределения ответственности за прием мигрантов¹⁵.

«Движение пяти звезд» призывает ЕС активнее продвигать права человека, демократию и устойчивое развитие в Средиземноморье, критикуя при этом текущий «патерналистский» подход к взаимодействию с развивающимися странами. Партия подчеркивает роль Африканского союза как ключевого партнера и призывает к равноправию в сотрудничестве¹⁶.

Партия рассматривает политику содействия развитию как основополагающий элемент внешней политики Италии. «Движение пяти звезд» предлагает укрепить связи с Южным Средиземноморьем и создать банковский институт для развития на базе Cassa Depositi e Prestiti, который будет координировать инвестиции итальянских компаний в регионе с упором на зеленый переход¹⁷.

Подводя итог, отметим, что, с позиции итальянских левых, политика содействия развитию должна быть сосредоточена на создании взаимовыгодных международных партнерств, повышении эффективности помощи и укреплении координации национальных и международных усилий для достижения устойчивого развития, прав человека и мира.

«Левая партия»

В программе на выборах в Бундестаг 2013 года «Левая партия» рассматривала политику развития в разделе «Социальная справедливость во всем мире», критикуя зависимость немецкой и европейской помощи от структурных институтов¹⁸. Партия требовала переориентации политики с учетом

¹¹ Das Programm der AfD für die Wahl zum 21. Deutschen Bundestag. (2025).

¹² Programma Affari Costituzionali di Movimento 5 Stelle (2018) p. 321.

¹³ Programma Affari Costituzionali di Movimento 5 Stelle (2018).

¹⁴ Programma Affari Costituzionali di Movimento 5 Stelle (2018) p. 348.

¹⁵ Elezioni Politiche 2022. Programma Elettorale di Movimento 5 Stelle (2022).

¹⁶ Elezioni Politiche 2022. Programma Elettorale di Movimento 5 Stelle (2022) p. 222.

¹⁷ Elezioni Politiche 2022. Programma Elettorale di Movimento 5 Stelle (2022) p. 236.

¹⁸ Das Wahlprogramm der Partei Die Linke zur Bundestagswahl (2013).

интересов стран Юга и осуждала включение помощи в антиповстанческие стратегии, например в Афганистане. «Левые» настаивали на изменении положений в договорах с организациями – исполнителями политики развития и увеличении финансирования до 0,7 % ВНД. Они также связывали развитие с климатической политикой, считая финансирование в этой сфере дополнением к сотрудничеству в целях развития.

В программе 2017 года «Левая партия» повторила прежние требования, дополнив их новыми. Политика развития, наряду с глобальной торговлей, должна быть «справедливой» и учитывать интересы поддерживаемых стран¹⁹. Привязка к ЦУР осталась ключевой позицией, а сотрудничество должно способствовать независимому развитию. Партия требовала приоритетного государственного финансирования, исключения недемократического влияния частных фондов и перераспределения военных расходов в пользу гражданского строительства и политики развития. Особое внимание уделялось зеленым инвестициям, включая безвозмездную передачу технологий для «энергетического перехода» в странах Юга²⁰.

В программе 2021 года «Левая партия» вновь подчеркнула главные принципы: «справедливые экономические отношения, сотрудничество в области устойчивого развития и солидарный многосторонний подход»²¹. Она выступила за укрепление связей с Глобальным Югом и против использования средств на развитие как инвестиционных стимулов для капитала. «Левые» требовали, чтобы политика развития ориентировалась на потребности бедных стран, а не на интересы европейских компаний, поддерживая самостоятельное развитие партнеров. Финансирование этих мер должно осуществляться исключительно из государственных фондов.

В предвыборной программе 2025 года в разделе «За глобальную справедливость» левые популисты повторяют положения из прошлых документов, добавляя требование заключения «справедливых соглашений о сотрудничестве вместо соглашений о свободной торговле»²². «Левая партия» подчеркивает, что один из руководящих принципов политики развития – соблюдение прав человека, в частности защита прав лиц, принадлежащих различным меньшинствам.

Анализ

В предвыборных программах левые и правые популисты Германии и Италии используют ключевые слова, характеризующие проведение политики развития (табл. 1, 2).

Итальянская и немецкая правопопулистские партии используют политику содействия развитию как средство борьбы с нелегальной миграцией. Обе партии считают, что действующая помощь в целях развития неэффективна, в частности по причине недостаточно жесткого контроля выделения финансовых ресурсов. И для «АдГ», и для «Лиги» ключевую роль играют национальные экономические интересы.

Несмотря на некоторые сходства, различий между партиями больше. «АдГ» детальнее разрабатывает политику развития, связывая ее с безопасностью границ, в то время как «Лига» не акцентирует на этом внимание. «АдГ», в отличие от «Лиги», указывает список государств, которым должно быть отказано в помощи. Немцы рассматривают свободную торговлю как инструмент поддержки развивающихся стран. «Лига» предлагает конкретную инициативу – возобновление проекта «Африка за рамками политики помощи», тогда как «АдГ» ограничивается общей формулировкой стратегии для Африки.

Риторика левопопулистских партий Германии и Италии имеет больше общих черт, чем у их правых оппонентов. Обе поддерживают политику развития в соответствии с Целями устойчивого развития и требуют увеличения финансирования до 0,7 % ВНД. Они апеллируют к справедливости, связывают энергетическую политику и зеленую экономику с развитием, а также рассматривают помощь как часть внешнеполитической повестки. Обе партии критикуют европейские корпорации, в интересах которых проводится политика развития, а также подчеркивают связь политики помощи с климатической политикой, при этом итальянцы делают акцент на ядерном разоружении.

Переходя к различиям, отметим, что «Левая партия» связывает справедливость с солидарностью, но не уточняет их значения в программах. Итальянские левые акцентируют внимание на неоколониальных чертах политики развития, тогда как немецкие выражают неприятие свободной торговли.

¹⁹ Das Wahlprogramm der Partei Die Linke zur Bundestagswahl 2017 (2017) S. 12.

²⁰ Das Wahlprogramm der Partei Die Linke zur Bundestagswahl 2017 (2017) S. 99.

²¹ Das Wahlprogramm der Partei Die Linke zur Bundestagswahl 2021 (2021) S. 133.

²² Das Wahlprogramm der Partei Die Linke zur Bundestagswahl 2025 (2025) S. 25.

«Движение пяти звезд» также поднимает вопросы торговой политики, но фокусируется на правах человека в торговых соглашениях, не уточняя позицию по свободной торговле.

Сравнивая правых и левых популистов, видно, что они по-разному рассматривают политику развития. Для правых партий Германии и Италии это инструмент противодействия миграции, тогда как для левых – способ ликвидации неравенства и достижения справедливости. Левые также затрагивают вопрос миграции, но делают акцент на укреплении сотрудничества с бедными странами как способе решения проблемы. В торговой политике правые поддерживают свободную торговлю как средство политики развития, тогда как левые выступают за протекционистские меры.

Таблица 1

Частота употребления ключевых слов по теме политики развития в итальянских политических программах

Ключевые слова	«Лига»			«Движение пяти звезд»		
	2018 г.	2022 г.	Всего	2018 г.	2022 г.	Всего
Accordi internazionali di aiuto	1	0	1	0	0	0
Aiuti dello sviluppo	1	0	1	1	1	2
Cooperazione internazionale	1	6	7	9	5	14
Cooperazione internazionale allo sviluppo	1	1	2	3	1	4
Obiettivi di sviluppo	1	0	1	0	1	1
Sviluppo sostenibile	1	6	7	18	9	27

Примечание: составлено авторами с помощью ATLAS.ti.

Таблица 2

Частота употребления ключевых слов по теме политики развития в немецких политических программах

Ключевые слова	«Альтернатива для Германии»				«Левая партия»			
	2017 г.	2021 г.	2025 г.	Все-го	2017 г.	2021 г.	2025 г.	Все-го
Die (nachhaltigen) Entwicklungsziele	0	0	0	0	3	2	0	5
Die Entwicklungshilfe	1	3	4	8	3	1	0	6
Die Entwicklungshilfepolitik	2	0	1	3	0	0	0	0
Die Entwicklungskooperation	0	1	0	1	0	0	0	0
Die Entwicklungspolitik	6	9	4	19	0	4	1	5
Die Entwicklungszusammenarbeit	0	1	2	3	9	10	2	26

Примечание: составлено авторами с помощью ATLAS.ti.

Однако в части реализации конкретных мер содействия развитию воззрения правых и левых могут совпадать. Например, итальянская «Лига» говорит о необходимости совершенствования систем устойчивой энергетики в Африке. Немецкая «Левая партия», в свою очередь, обращает внимание на внедрение новых энергетических технологий в странах Юга. Следует также отдельно отметить, что только немецкие популисты акцентируют проблему реализации политики развития сквозь призму гендерного вопроса (в программах 2025 года).

Наш анализ продемонстрировал, что географический аспект в контексте кризиса беженцев находит отражение в программных заявлениях лишь правых популистов (табл. 3). Так, «АдГ» требует организации центров защиты беженцев на местах «недалеко от дома».

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа правых и левых популистов в Италии и Германии

Проблематика	Правые популисты	Левые популисты
Концептуализация политики развития	Инструмент борьбы с миграцией	Средство уменьшения социально-экономического неравенства
Торговая политика	Свободная торговля	Протекционистские меры
ЦУР	Не рассматриваются	Ключевой элемент политики развития
Географический фактор	Отмечается с точки зрения кризиса беженцев	Не учитывается

Примечание: составлено авторами.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы. Правые и левые популисты придерживаются последовательных позиций в отношении политики развития, что отражено в их предвыборных программах. Контент-анализ продемонстрировал, что левопопулистские партии акцентируют большее внимание на политике развития, чем их конкуренты справа. И те, и другие считают, что необходимо противодействовать миграционным вызовам, однако инструменты у них различны. Правые связывают предоставление помощи с готовностью государств принять мигрантов обратно. Правые популисты считают, что сотрудничество в целях развития должно быть направлено на сдерживание миграции и исходить из национальных интересов. Для левых популистов финансовые вложения в политику развития обусловлены социально-экономическими соображениями. Они намерены прежде всего улучшить социально-экономическое положение в странах с целью уменьшения оттока мигрантов, причем в своих национальных программах левые популисты значительно чаще правых говорят о помощи странам Глобального Юга. Следует особенно отметить, что выявленных нами различий больше между правопопулистскими партиями двух стран, чем между их конкурентами слева.

В результате проведенного анализа выяснилось, что различия в риторике популистских партий зависят прежде всего от того, к какой «основной идеологии» они апеллируют, а не от геополитического аспекта. Миграционный контекст – страна приема или страна назначения – не является определяющим при формулировании позиции по политике развития.

Дальнейшее изучение темы политики развития может быть связано с расширением списка партий, в частности представляющих транзитные центральноевропейские страны (например, Республику Польшу и Венгерскую Республику), а также с включением в анализ наднационального уровня (выборы в Европейский парламент).

Список литературы / References

- Агафонова, О. В. (2021) 'Политика развития в контексте политики безопасности ФРГ', *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 4(845), сс. 9–21. [Agafonova, O. V. (2021) "Development Policy in the Context of Germany's Security Policy" [Politika razvitiya v kontekste politiki bezopasnosti FRG], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*, 4(845), pp. 9–21. (In Russ.)].
- Белинский, А. В. (2018) '«Восстание против элит»: всплеск праворадикального популизма в Западной Европе', *Актуальные проблемы Европы*, 2, сс. 14–36. [Belinsky, A. V. (2018) "Revolt Against Elites": A Surge of Far-Right Populism in Western Europe' ["Vosstanie protiv elit": vsplesk pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoi Evrope], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2, pp. 14–36. (In Russ.)].
- Мусихин, Г. И. (2009) 'Популизм: структурная характеристика политики или «ущерб»

- ная идеология?»], *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 4, сс. 40–53. [Musikhin, G. I. (2009) 'Populism: A Structural Characteristic of Politics or a "Flawed Ideology"?' [Populizm: strukturnaya kharakteristika politiki ili "usherbnaya ideologiya"?], *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*, 4, pp. 40–53. (In Russ.)].
- Погорельская, С. В. (2019) 'Левая альтернатива для Германии', *Актуальные проблемы Европы*, 4, сс. 78–92. [Pogorelskaya, S. V. (2019) 'The Left Alternative for Germany' [Levaya alternativa dlya Germanii], *Aktual'nye problemy Evropy*, 4, pp. 78–92. (In Russ.)].
- Роберто, В. (2019) '«Демократия чуда». Итальянский популизм в исторической перспективе', *Актуальные проблемы Европы*, 2, сс. 121–140. [Roberto, V. (2019) "The Miracle Democracy": Italian Populism in Historical Perspective' ["Demokratiya chuda": italianskii populizm v istoricheskoi perspektive], *Aktual'nye problemy Evropy*, 2, pp. 121–140. (In Russ.)].
- Сергеев, Е. А. (2021) 'Официальная помощь развитию институтов Европейского союза', *Мировое и национальное хозяйство*, 4(57). [Электронное издание]. Доступно: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/eu-institutions-official-development> (Дата обращения: 09.09.2025). [Sergeev, E. A. (2021) 'Official Development Assistance of the European Union Institutions' [Ofitsial'naya pomoshch razvitiya institutov Evropeiskogo soyuza], *Mirovoe i natsional'noe khozyaistvo*, 4(57). [Online]. Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/eu-institutions-official-development> (Accessed: 9th September 2025). (In Russ.)].
- Старцев, Я. Ю. (2020) 'Политика развития: современная повестка', *Вопросы управления*, 1(62), сс. 6–10. [Startsev, Ya. Yu. (2020) 'Development Policy: The Current Agenda' [Politika razvitiya: sovremennaya povestka], *Voprosy upravleniya*, 1(62), pp. 6–10. (In Russ.)].
- Стрежнева, М. В., Руденкова, Д. Э. (2016) *Европейский союз: архитектура внешней политики*. Москва: ИМЭМО РАН. 135 с. [Strezhneva, M. V., Rudenkova, D. E. (2016) *European Union: The Architecture of Foreign Policy* [Evropeiskii soyuz: arkhitektura vneshnei politiki]. Moscow: IMEMO RAN. 135 p. (In Russ.)].
- Топорикова, Я. М. (2024) 'Особенности политики ЕС по содействию развитию', *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 4(40), сс. 41–57. [Toporikova, Ya. M. (2024) 'Specifics of the EU Development Policy' [Osobennosti politiki ES po sodeistviyu razvitiyu], *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN*, 4(40), pp. 41–57. (In Russ.)].
- Шейн, С. А. (2021) '«Популистская внешняя политика»: барьеры для концептуализации и типологизации', *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 5(3), сс. 351–356. [Shein, S. A. (2021) "Populist Foreign Policy": Barriers to Conceptualization and Typologization' ["Populistskaya vneshnyaya politika": bar'ery dlya kontseptualizatsii i tipologizatsii], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 5(3), pp. 351–356. (In Russ.)]. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-3-351-356.
- Albertazzi, D., McDonnell, D. (eds.) (2008) *Twenty-first century populism*. Basingstoke: Palgrave, 261 p.
- Aslandis, P. (2016) 'Is populism an ideology? A refutation and a new perspective', *Political Studies*, 64(1), pp. 88–104.
- Barr, R. (2009) 'Populists, outsiders and anti-establishment politics', *Party Politics*, 15(1), pp. 29–48.
- Bergmann, J., Hackenesch, C., Stockemer, D. (2021) 'Populist Radical Right Parties in Europe: What Impact Do They Have on Development Policy?', *Journal of Common Market Studies*, 59(1), pp. 37–52.
- Berman, S. (2014) 'Global warning', *The New York Times*, 11 September [online]. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/09/14/books/review/francis-fukuyamas-political-order-and-political-decay.html> (Accessed: 24 July 2024).
- Canovan, M. (2008) 'The thin ideology of populism', *Journal of Political Ideologies*, 13(1), pp. 95–110.
- Cossarini, P., Ruzza, C., Berti, C. (2021) 'The impact of populism on the European Union: "The people" and the Brussels bubble', in *The Impact of Populism on European Institutions and Civil Society: Discourses, Practices, and Policies*, pp. 1–17.

- Coticchia, F. (2021) 'A sovereigntist revolution? Italy's foreign policy under the "Yellow-Green" government', *Comparative European Politics*, 19(6), pp. 739–759.
- De Cleen, B., Stavrakakis, Y. (2017) 'Distinctions and Articulations: A Discourse Theoretical Framework for the Study of Populism and Nationalism', *Javnost*, 24(4), pp. 301–319. DOI: <https://doi.org/10.1080/13183222.2017.1330083>.
- Freeden, M. (2017) 'After the Brexit referendum: Revisiting populism as an ideology', *Journal of Political Ideologies*, 22(1), pp. 1–11.
- Furness, M., Ghica, L. A., Lightfoot, S., Szent-Iványi, B. (2020) 'EU development policy: evolving as an instrument of foreign policy and as an expression of solidarity', *Journal of Contemporary European Research*, 16(2), pp. 89–100.
- Geiger, M., Pécout, A. (2013) 'Migration, Development and the "Migration and Development Nexus"', *Population, Space and Place*, 19(4), pp. 369–374. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.1778>.
- Hackenesch, C., Högl, M., Öhler, H., Burni, A. (2022) 'Populist Radical Right Parties' Impact on European Foreign Aid Spending', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 60(5), pp. 1391–1415. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.13308>.
- Hutter, S., Grande, E. (2014) 'Politicizing Europe in the National Electoral Arena: A Comparative Analysis of Five West European Countries, 1970 – 2010', *Journal of Common Market Studies*, 52(5), pp. 1002–18. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12133>
- Heinisch, R., Mazzoleni, O. (eds.) (2016) *Understanding populist party organisation: The radical right in Western Europe*. Basingstoke: Palgrave, 258 p.
- Jansen, R. S. (2011) 'Populist mobilization: A new theoretical approach to populism', *Social Theory*, 29(2), pp. 75–96.
- Kriesi, H., Altiparmakis, A., Bojar, A., Oana, I.-E. (2021) 'Debordering and re-bordering in the refugee crisis: A case of "defensive integration"', *Journal of European Public Policy*, 28(3), pp. 331–349. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1882540>.
- Lutz, P. (2019) 'Variation in policy success: Radical right populism and migration policy', *West European Politics*, 42(3), pp. 517–544.
- Massetti, E. (2021) 'The populist-eurosceptic mix: Conceptual distinctions, ideational linkages and internal differentiation', in *The Impact of Populism on European Institutions and Civil Society: Discourses, Practices, and Policies*, pp. 21–44.
- Mudde, C. (2007) *Populist radical right parties in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 385 p.
- Mudde, C. (2004) 'The populist zeitgeist', *Government and Opposition*, 39(4), pp. 542–563.
- Rooduijn, M. (2014) 'The nucleus of populism: In search of the lowest common denominator', *Government and Opposition*, 49(4), pp. 573–599.
- Sumner, A. (2024) 'Unity in Diversity? Reflections on Development Studies in the Mid-2020s', *European Journal of Development Research*, 36, pp. 1280–1298. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41287-024-00636-x>.
- Thérien, J.-P. (2002) 'Debating Foreign Aid: Right versus Left', *Third World Quarterly*, 23(3), pp. 449–466 [online]. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3993536> (Accessed: 14 December 2024).
- Timbro (2019) *Timbro Authoritarian Populism Index* [online]. Available at: <https://timbro.se> (Accessed: 4 December 2023).
- Varriale, A. (2021) 'Institutionalized Populism: The "Strange Case" of the Italian Five Star Movement', *Manuscript*, pp. 1–24.
- Verbeek, B., Zaslove, A. (2015) 'The Impact of Populist Radical Right Parties on Foreign Policy: The Northern League as a Junior Coalition Partner in the Berlusconi Governments', *Comparative European Politics*, 13(5), pp. 525–546. DOI: <https://doi.org/10.1057/cep.2014.31>.
- Verbeek, J. A., Zaslove, A. S. (2017) 'Populism and Foreign Policy', in Kaltwasser, C.R., Taggart, P.A. and Espejo, P.O. (eds.) *Oxford Handbook of Populism*. Oxford: Oxford University Press, pp. 384–405. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198803560.013.15>.
- Wajner, D. F., Giurlando, P. (2023) 'Introduction to Populist Foreign Policy (PFP)', in Wajner, D.F. and Giurlando, P. (eds.) *Populist Foreign Policy: Regional Perspectives of Populism in the International Scene*. Cham: Springer International Publishing, pp. 1–35.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 27.04.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

GEOGRAPHY OR IDEOLOGY? A COMPARATIVE ANALYSIS OF LEFT- AND RIGHT-WING POPULIST POSITIONS ON DEVELOPMENT POLICY IN ITALY AND GERMANY

A. Tarasov, A. Turenko

Andrei Tarasov, PhD in International Studies, Research Fellow,

Institut Barcelona d'Estudis Internacionals (IBEI), Barcelona, Spain.

E-mail: atarasov@ibei.org, tarasovandrew248@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0200-8909. Researcher ID: IQT-0393-2023).

Artem Turenko, postgraduate student of the Doctoral School of Political Science,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: arturenko@hse.ru, aturenko.study@gmail.com (ORCID: 0009-0004-8186-4237).

Abstract

The article examines left- and right-wing populist rhetoric on development policy. It also explores how the migration context, especially the refugee crisis, fueled the electoral rise of populist parties in Europe. Using a comparative approach, the study analyzes the rhetoric of right-wing populist parties (Alternative for Germany, Lega) and left-wing populist parties (Five Star Movement, The Left) at the national level in the front-line country (Italy) and the destination country (Germany) to identify similarities and differences in their positions. A content analysis of electoral programs for national parliamentary elections shows that left-wing populist parties focus more on development policy than their right-wing counterparts. The rhetoric of the German and Italian left-wing parties shares more commonalities than that of right-wing populists. Populist parties frame the development policy in connection with the migration policy. Both left- and right-wing populists emphasize the importance of addressing migration issues. However, right-wing parties view development policy as a tool to curb migration, while left-wing parties see it as a means to reduce socio-economic inequality and achieve social justice. A significant difference is noted in their trade policy approach. The study finds rhetorical differences stem from core ideology, not geography. Migration context isn't decisive in shaping development policy.

Keywords: development policy; right-wing populism; left-wing populism; migration crisis; refugee crisis; Lega; Alternative for Germany; Five Star Movement; The Left.

УДК-32.019.52:329

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-28-39

ДИХОТОМИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ ЛИДЕРОВ ФРАНЦУЗСКОЙ ОППОЗИЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

А. И. Мясников

Мясников Артём Игоревич, аспирант факультета политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: miasnickov.artiom@yandex.ru (ORCID: 0009-0001-9836-2039).

Аннотация

Настоящая работа посвящена анализу дискурсивных аспектов политической репрезентации лидеров французской оппозиции на примере Манюэля Бомпара и Жордана Барделла. Исследование опирается на методологическую концепцию анализа дискурсов Э. Лакло и Ш. Муфф, а также на методику П. Ибарры и Дж. Китсьюза по выявлению риторических стратегий. Эмпирической базой исследования являются предвыборные выступления оппозиционных лидеров в ходе досрочных парламентских выборов 2024 года во Франции. Проведенный анализ позволяет дополнить теоретические исследования, посвященные изучению дискурсивных стратегий в рамках популистских идеологий. Исследование развивает концепцию «теории подковы», подтверждая факты наличия схожих риторических идиом как среди радикально левых, так и среди праворадикальных партий: выступления лидеров «Непокоренной Франции» и «Национального объединения» демонстрируют, что они во многом используют схожие коммуникативные интенции в адрес правительства Франции, делая акцент как на его несправедливой политике, так и на закрытости властей от простых граждан. Вместе с этим в дискурсивных стратегиях лидеров французской оппозиции значительную роль играют идеологические различия между левыми и правыми политическими ценностями, что в том числе отражается в артикуляции партийных идей. Результаты исследования указывает на продолжающееся противостояние между левыми и правыми оппозиционными партиями за поддержку избирателей из схожих социально-политических групп, что, в свою очередь, может способствовать дальнейшему расколу политического пространства Франции на три основных блока.

Ключевые слова: дискурс-анализ; риторические идиомы; Франция; Манюэль Бомпар; Жордан Барделла; «Непокоренная Франция»; «Национальное объединение».

Введение

В 2022–2024 годах Франция оказалась в ситуации, когда ей пришлось столкнуться не только с вызовами во внешней политике, но и пережить масштабные протесты против пенсионной реформы президента в 2023 году; проведение досрочных парламентских выборов в 2024 году и вотум недоверия правительству, который был принят Национальной ассамблеей впервые с 1962 года и привел к назначению четвертого премьер-министра Франции за один год. Представляется, что политическая неопределенность внутри французского политического пространства во время второго президентского срока Макрона нуждается в детальном научном осмыслении.

Важную роль во французской политике играют политические лидеры, которые, действуя в условиях персонализированного государства, имеют значительное влияние на развитие страны. Как отмечают политологи, во второй половине 2010-х годов произошла трансформация политического пространства Франции, что привело к выделению трех основных партийных блоков внутри французского политического класса: либеральных центристов под руководством Макрона; правых популистов во главе с Марин Ле Пен; и левых, среди которых ключевая роль принадлежит Жан-Люку Меланшону (Лапина, 2023: 198; Sage, 2023: 537).

Проблематика исследования ведущих оппозиционных партий Франции охватывается широким спектром литературы, как отечественных, так и зарубежных авторов в области политической науки. Представители «Национального объединения», как и многие правые популисты, позициони-

руют себя в качестве защитников народных интересов, находящихся под давлением “коррупцированной элиты” (Pettersson, 2023: 921). Вместе с этим, политологи отмечают уменьшение радикализма в политическом дискурсе М. Ле Пен и её сторонников, что способствует увеличению электоральной поддержки лепенистов (Захарова, 2020: 483). Говоря про «Непокоренную Францию», следует подчеркнуть, что ей, подобно многим левопопулистским партиям, свойственна риторика о защите “народного суверенитета” от вмешательства капиталистической элиты (Костюк, 2022: 53). В своей политической риторике меланшонисты стараются реже использовать традиционные для социалистов и коммунистов лозунги о классовой борьбе, стремясь таким образом объединить людей из всех слоёв французского общества (Marliere, 2020: 101).

В политической науке существует значительное количество работ, посвященных политическому имиджу представителей старшего поколения французского популизма. Политические же образы молодых популистов во Франции еще недостаточно рассмотрены. В то время как исследования политологического имиджа Барделла проводятся отечественными и зарубежными политологами, анализ образа Бомпара практически не получил должного внимания в научной литературе. Именно поэтому целью настоящего исследования является попытка устранения этого пробела путем анализа политических портретов лидеров французской оппозиции (на примере Манюэля Бомпара и Жордана Барделла).

Методология

В качестве методологии для анализа дискурсов лидеров французской оппозиции в настоящей работе выбрана теория дискурсов Э. Лакло и Ш. Муфф (Laclau, Mouffe, 2014). Данный подход широко применяется как в отечественной (Григорьева, Плюснин, 2022; Мороз, 2023; Мясников, 2024), так и в мировой (Cervera-Marzal, 2023; Rico Motos, 2023) политической науке для изучения подобной проблематики. В этой работе для анализа дискурсов Барделла и Бомпара выделены следующие переменные: 1) антагонизм дискурсов (стороны конфликта и отношение к объекту исследования со стороны различных групп общества); 2) узловые точки дискурса (знаки, символы и ритуалы), выступающие в качестве основных элементов самоопределения в структуре дискурса; 3) гегемонная артикуляция дискурса (дискурсивные аспекты, являющиеся доминирующими для значительной части политических сообществ).

Представляется, что для детального анализа дискурсивных стратегий лидеров французской оппозиции необходимо четкое выявление проблематики социальных проблем. Для их идентификации применяется методика определения риторических идиом и контрриторических стратегий, предложенная П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом (Ibarra, Kitsuse, 2003). С опорой на их аналитическую модель в данной работе акцент будет сделан на выявлении следующих аспектов: риторика утраты (защита уникальных качеств); риторика наделения (отстаивание равных прав и защита от дискриминации); риторика опасности (угроза безопасности и здоровья населения); риторика неразумности (противодействие манипуляциям и эксплуатации); риторика бедствия (необходимость мер для предотвращения катастроф); контрриторика натурализации (признается неудовлетворительное состояние, но предложения по изменениям отвергаются); контрриторика затрат (ситуацию следует принять, так как ее исправление требует чрезмерных затрат); декларация бессилия (выражение моральной поддержки без возможности устранить проблему); контрриторика перспективизации (обозначение проблемы, созданной оппонентом, как его субъективное мнение, не соответствующее реальности); критика тактики (принятие предложенной характеристики ситуации, но несогласие со способами решения); контрриторика-антитипизация (заявленные требования не описывают масштабную социальную проблему, а касаются лишь отдельных случаев); опровергающие истории (демонстрация несостоятельности обобщений, сделанных оппонентами относительно проблемы); контрриторика неискренности (демонстрация скрытых интересов при конструировании проблемы); контрриторика истерии (демонстрация сомнительности выводов под влиянием иррациональных или эмоциональных факторов).

Для проведения анализа были отобраны выступления руководителей левых и правых популистов в ходе предвыборной кампании в период досрочных выборов в Национальную ассамблею 2024 года. Избирательная кампания проходила в сжатые сроки: 9 июня 2024 года Макрон объявил о досрочном роспуске парламента, а последний тур выборов депутатов нового созыва состоялся уже 7 июля. В течение этого короткого периода Бомпар и Барделла успели провести совместные дебаты с

участием французского премьер-министра¹, который представлял политических союзников Макрона. Кроме того, каждый из них дал ряд интервью французским телеканалам в ходе предвыборной гонки. Для исследования также были отобраны по пять выступлений Бомпара и Барделла в течение избирательной кампании. Все 11 видеозаписей были размещены на официальных YouTube-каналах политиков². Фрагменты выступлений политиков, которые ранее не имели полной текстовой расшифровки, были транскрибированы специально для данного исследования.

Результаты

Анализ дискурсивных практик Манюэля Бомпара. За время агитационной кампании перед досрочными выборами 2024 года Бомпар неоднократно проводил встречи с избирателями, а также от имени «Нового народного фронта»³ давал интервью французским телеканалам. Анализ этих выступлений позволил выявить следующее. Основной антагонизм в его дискурсе направлен против президента Макрона и его премьер-министра Аттала, которые своими реформами способствуют увеличению социального неравенства во Франции. Бомпар, критикуя пенсионную реформу 2023 года, указывает на нежелание правительства Макрона слушать альтернативные точки зрения: *«Во Франции пожилые люди вынуждены возвращаться на работу, чтобы жить достойно после всей своей жизни, отданной труду. Это происходит потому, что Атталь и его друзья в прошлом году, вопреки мнению большинства французов, решили отнять два года нашей жизни, навязав пенсионный возраст в 64 года»*⁴. Бомпар апеллирует к тому, что пенсионная реформа не нашла поддержки как со стороны французского общества, так и со стороны парламента.

В своем дискурсивном антагонизме он ставит под сомнение честность своих оппонентов из партии Макрона и заявляет: *«Трудно поверить Атталью, когда он обещает снизить счета за электричество на 15 % к концу года, если всего 4 месяца назад он сам принял решение поднять их на 10 %»*⁵. Кроме этого, Бомпар обвиняет макронистов в отходе от французских ценностей из-за их закона об ограничении миграции во Франции: *«Макрон говорит о защите республики, но именно его правительство провело закон об иммиграции при поддержке Национального объединения»*⁶. В данном случае лидер «Непокоренной Франции» говорит о принятом в конце 2023 года закона об упрощении высылки мигрантов, который был инициирован макронистами для перенятия антимигрантских идей у лепенистов.

Необходимо отметить, что антагонизм дискурсов Бомпара направлен также против правых из «Национального объединения». Лейтмотивом практически во всех его выступлениях проходят слова о *«страхе перед угрозой ультраправых»*⁷, которых представитель левых упрекает в связях с неонацистами. Так, он напоминает о высказываниях Жан-Мари Ле Пена – основателя лепенистской партии, который неоднократно подвергался судебным взысканиям за его неоднозначные высказывания о нацистской политике в XX веке. Критикуя лепенистов, Бомпар указывает на их стремление провести антимигра-

¹ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSiF> (accessed: 13.04.2025).

² À la suite des résultats historiques des élections législatives, suivez-moi au 20h de TF1 (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSSK> (accessed: 13.04.2025); Faisons le Nouveau Front Populaire! (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSiF> (accessed: 13.04.2025); Jordan Bardella en direct du #JT20h sur France 2 (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSWb> (accessed: 13.04.2025); Jordan Bardella Face à BFM – L'interview en intégralité (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSiF> (accessed: 13.04.2025); Le 30 juin et le 7 juillet, Nouveau Front Populaire! [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSh3> (accessed: 13.04.2025); Nous voulons gouverner ce pays! [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LSXYq> (accessed: 13.04.2025); Nous voulons un Premier ministre du NFP (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSiF> (accessed: 13.04.2025); Nouveau Front populaire pour vaincre l'extrême droite! (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSkV> (accessed: 13.04.2025); Soirée électorale du second tour des élections législatives 2024: suivez mon allocution (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSiF> (accessed: 13.04.2025); Suivez ma conférence de presse où je présente le programme des élections législatives (2024) [online], *YouTube*. Available at: <https://clck.ru/3LQSiF> (accessed: 13.04.2025).

³ В ходе избирательной кампании «Непокоренная Франция» объединилась с другими левыми партиями, создав коалицию «Новый народный фронт».

⁴ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

⁵ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

⁶ Faisons le Nouveau Front Populaire! [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vexk84658z8> (дата обращения: 13.04.2025).

⁷ Faisons le Nouveau Front Populaire! [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vexk84658z8> (дата обращения: 13.04.2025).

ционные реформы, которые, по его мнению, могут привести к высылке значительного количества французов из страны: *«Я обращаюсь ко всем гражданам, которые обладают вторым паспортом, – правительство “Нового народного фронта”, в отличие от Барделла, не собирается изгонять вас из Франции»*⁸. Более того, в своем дискурсе Бомпар также указывает на непоследовательность политической позиции лепенистов из-за их позиции по поводу пенсионной реформы. Если в 2023 году депутаты от партии «Национальное объединение» выступали против пенсионных преобразований Макрона, то в ходе агитационной кампании 2024 года лепенисты снизили свою критику этих нововведений.

В контексте ключевых символических элементов дискурса следует отметить, что Бомпар позиционирует свое политическое движение как организацию, способную представлять политические интересы всех граждан. Так, лидер левых популистов указывает: *«Нас действительно смущает, что все 577 депутатов не могут представлять все слои французского общества. Именно поэтому мы старались, чтобы в наших избирательных списках были выдвинуты различные кандидаты, включая представителей молодежи и рабочих профсоюзов»*⁹.

В ходе своих интервью во время предвыборной кампании Бомпару приходилось неоднократно указывать на демократичность внутренних структур «Непокоренной Франции», отмечая, что всех кандидатов партия выдвигает через согласования с активистами в регионах. Данные заявления были связаны с отказом меланшонистов выдвинуть на переизбрание в 2024 году трех своих бывших депутатов, охарактеризовавших подобное как цензуру внутри движения Меланшона. Бомпар, в свою очередь, был вынужден опровергать подобное, заявляя: *«У нас могут присутствовать обсуждения, могут быть разные позиции, и это само собой разумеющаяся часть политического процесса. Но мне кажется, что ни один руководитель политической организации не будет выдвигать в избирательных округах политиков, которые планируют покинуть свою политическую партию на следующий день после выборов»*¹⁰.

Другой важной точкой дискурса Бомпара можно назвать символическое дистанцирование от ультрарадикализма. Дело в том, что Министерство внутренних дел и его избирательная комиссия¹¹ перед каждым выборами публикуют информационный циркуляр, где классифицируют основные партии по их идеологическим позициям. Так, «Национальное объединение» в данном списке обозначается как «крайне правая» партия, тогда как «Непокоренную Францию» относят просто к «левым». Тем не менее во время предвыборной кампании 2024 года Макрон и некоторые из известных французов заявляли о важности противостояния «двум идеологическим крайностям», подразумевая, что ультрарадикалами во Франции являются не только лепенисты, но и меланшонисты. Именно поэтому в своих выступлениях Бомпар был вынужден подчеркивать тот факт, что *«мы [Непокоренная Франция. – А. М.] не экстремистская организация. Вы можете как угодно называть своих политических оппонентов, но важно смотреть на реальные действия политиков»*¹².

Вместе с этим среди других ключевых элементов дискурса в выступлениях Бомпара можно выделить защиту от обвинений в антисемитизме. Сдержанность лидеров «Непокоренной Франции» в осуждении палестинских вооруженных действий в контексте обострения палестино-израильского конфликта 2023 года в конечном счете привела к обвинениям партии в поддержке антисемитской идеологии. Более того, руководитель партийной фракции «Непокоренной Франции» в Национальной ассамблее Матильда Пано и франко-палестинская активистка Рима Хасан, которая была избрана по партийным спискам меланшонистов в Европарламент от Франции в 2024 году, привлекались французским судом в рамках иска по «оправданию действий Хамаса» 7 октября 2023 года. Открыто в антисемитизме меланшонистов обвинил Макрон, заявляя, что Леон Блюм¹³ не позволил бы создавать альянс между левыми партиями вместе с «Непокоренной Францией».

⁸ Nous voulons gouverner ce pays! [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=abQ8pAu_cQQ&t=19s (дата обращения: 13.04.2025).

⁹ Nous voulons un Premier ministre du NFP [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bpvr1xbXPKk&t=310s> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁰ Nouveau Front populaire pour vaincre l'extrême droite! [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YwqIMYELI3o> (дата обращения: 13.04.2025).

¹¹ Во Франции нет Центральной избирательной комиссии, как в России. За процесс организации выборов отвечает избирательная комиссия, которая функционирует при МВД Франции.

¹² Le 30 juin et le 7 juillet, Nouveau Front Populaire! [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WIX8yWNMPVM> (дата обращения: 13.04.2025).

¹³ Леон Блюм был одним из создателей «Народного фронта» во Франции в 1930-х годах, к которому апеллируют создатели «Нового народного фронта» 2024 года.

Данные обстоятельства вынудили Бомпара отметить, что он и его единомышленники осуждают антисемитизм, обвинения в котором являются «политическими манипуляциями». В одном из своих интервью, отвечая на заявления Э. Сьотти, что партия Республиканцев вошла в коалицию с «Национальным объединением» из-за «угрозы» со стороны антисемитов из партии «Непокоренная Франция», Бомпар указывает: *«Именно основатели “Национального объединения” десятилетиями занимались разжиганием расовой ненависти и пропагандированием антисемитской идеологии»*¹⁴.

В рамках гегемонного дискурса доминирующей идеей Бомпара является утверждение, что именно представители «Нового народного фронта» выступают единственной политической силой, которая *«позволит нам [французам. – А.М.] жить лучше, вернуть вкус к будущему и вновь сделать Францию страной, которая гордится своими ценностями»*¹⁵. Неоднократно Бомпар заявляет, что основной электорат для левого альянса – это молодежь и представители рабочего класса, за чью судьбу меланшонисты *«переживали еще в ходе выборов в Европейский парламент, за улучшение жизни которых мы [представители «Нового народного фронта». – А.М.] будем продолжать бороться в ходе предвыборной кампании [по выборам в Национальную ассамблею. – А.М.]»*¹⁶.

Схожая гегемонная артикуляция продолжилась в дискурсе Бомпара и после окончания второго тура парламентских выборов, когда он указывал: *«Люди проголосовали за изменения нынешней политики; нашим согражданам нужно Правительство, которое реализует свои предвыборные обещания»*¹⁷. Фактически по итогам второго тура парламентских выборов победу одержали представители «Нового народного фронта», опередив альянс макронистов и лепенистов по количеству депутатов (левые избрали 178 депутатов, сторонники Макрона – 150, а соратники Барделла и Ле Пен – 125). Несмотря на это, депутаты от левого альянса не смогли получить конституционное большинство на парламентских выборах (необходимо было избрать 289 депутатов из 577), что, по мнению ряда экспертов и политиков, мешало левым влиять на формирование нового правительства.

Анализ дискурсивных практик Жордана Барделла. В ходе предвыборной кампании 2024 года Барделла был одним из ведущих медийных лиц «Национального объединения», представляя правых популистов на федеральных телеканалах. Основывая свой анализ на выбранном методе, отметим следующее. Дискурсивный антагонизм Барделла направлен против экономической политики президента Макрона: *«Миллионы людей не могут справиться с инфляцией, и это прямая причина того, что они не могут жить на свою зарплату. Бюджетная ситуация, которую мне предстоит унаследовать, если французы поддержат мою кандидатуру, – это фактически ситуация банкротства. За два года правительство Атталя и Макрона увеличило долг на 200 миллиардов евро»*¹⁸.

Одной из ключевых проблем в современной Франции, по мнению Барделла, является миграционная политика, которая под руководством Макрона *«побила все рекорды, особенно в сфере нелегальной миграции»*¹⁹. Лидер правых популистов указывает, что проблемы миграции влияют и на другие сферы социально-экономических отношений во Франции, поскольку *«государство продолжает предлагать бесплатную медицинскую помощь иностранцам, находящимся на нелегальном положении, в то время как у нас каждый третий француз отказывается от лечения, потому что затраты на всяких иждивенцев слишком велики»*²⁰.

Вместе с этим ключевые элементы антагонистического дискурса Барделла направлены против альянса *«крайне левых, которые, объединившись вокруг “Непокоренной Франции”, пропагандируют антисемитскую идеологию в нашей стране»*²¹. Подобное связано с тем, что основными оппонентами в ходе досрочных парламентских выборов 2024 года во Франции для лепенистов оказались не сто-

¹⁴ Faisons le Nouveau Front Populaire! [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vexk84658z8> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁵ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁶ Faisons le Nouveau Front Populaire! [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vexk84658z8> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁷ Nous voulons un Premier ministre du NFP [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bpvr1xbXPKk> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁸ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁹ Jordan Bardella Face à BFM - L'interview en intégralité [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2_wUoQjAi4 (дата обращения: 13.04.2025).

²⁰ Jordan Bardella Face à BFM - L'interview en intégralité [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=2_wUoQjAi4 (дата обращения: 13.04.2025).

²¹ Jordan Bardella en direct du #JT20h sur France [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L-uBkoBdZyk> (дата обращения: 13.04.2025).

ронники Макрона, а представители альянса левых партий, которые, согласно данным предвыборных опросов, соперничали с правыми популистами за первое место.

Периодически Барделла ставит знак равенства между макронистами и «Новым народным фронтом», указывая на сотрудничество своих оппонентов против лепенистов: *«Это очень противоречивый союз между Меланионом и Макроном. Я очень удивлен, увидев, что президент Республики приходит на помощь крайне левым, которые с момента создания своего альянса подпитывают атмосферу антисемитизма седьмого октября»*²². В данном случае лидер «Национального объединения» говорит о тактике левых и макронистов по отзыву некоторых своих кандидатов после первого тура парламентских выборов, чтобы поддержать противников правых популистов во втором туре. Описывая подобную тактику своих оппонентов, руководитель правых популистов заявляет, что «Национальное объединение» выступает единственной альтернативой в лице однопартийной системы, которая *«сейчас объединяет всех от Эдуарда Филиппа»*²³ к Филиппу Путу²⁴»²⁵.

В рамках символических компонентов дискурса Барделла необходимо отметить позиционирование лепенистов в качестве *«патриотической альтернативы, которая будет проводить разумную и ответственную политику в случае своей победы»*²⁶. Так, лидер «Нацобъединения» неоднократно указывает на экономический кризис во Франции, который *«произошел из-за неконтролируемых денежных трат правительства Макрона–Аталля»*²⁷. Именно поэтому в случае своего избрания на пост премьер-министра после выборов Барделла обещает провести подробный финансовый аудит всех государственных органов для борьбы с *«целой стеной торгового дефицита»*²⁸. Лидер правых популистов даже ссылается на заявления Еврокомиссии, которая упрекала Францию в политике чрезмерного дефицита в бюджете страны. С точки зрения экономической политики Барделла обещает проводить политику *«налогового мира»*²⁹ и не предпринимать новых изменений, чтобы позволить *«нашим гражданам дышать»*³⁰. Лидер «Национального объединения» критикует предвыборные проекты «Нового народного фронта» по введению прогрессивной шкалы налогообложения для налога на наследство и подоходного налога, поскольку *«если завтра коалиция во главе с Бомпаром победит на парламентских выборах, то самыми обделенными окажутся именно простые французы»*³¹.

Позиционируя себя как главную альтернативу действующей во Франции власти, руководитель правых популистов также стремится указать на демократичность своей политической организации, заявляя, что в случае победы на выборах *«мое большинство [в парламенте. – А.М.] не будет подавляющим и закрытым. Мы не будем откладывать в сторону хорошие идеи под предлогом того, что они исходят от других политических формирований»*³². В конечном счете Барделла обещает выступать против *«догматизма и сектантства, которые в течение последних семи лет были одной из отличительных черт президентства Макрона»*³³. В данном случае руководитель «Национального объединения» обращается к политике Макрона, который, несмотря на отсутствие конституционного

²² À la suite des résultats historiques des élections législatives, suivez-moi au 20h de TF1 [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0JyJWZdOhFM> (дата обращения: 13.04.2025).

²³ Эдуард Филипп – бывший премьер-министр во время первого президентского срока Макрона. В ходе парламентских выборов 2024 года его партия вошла в альянс с макронистами и поддержала тактику отзыва кандидатов во втором туре парламентских выборов для победы над лепенистами.

²⁴ Филипп Путу – лидер леворадикальной троцкистской партии, выдвинутый на парламентских выборах 2024 года в качестве одного из кандидатов от «Нового народного фронта». За свою позицию в отношении политики Франции был подвергнут жесткой критике со стороны правых партий.

²⁵ Soirée électorale du second tour des élections législatives 2024: suivez mon allocution [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n3xaudsaGUM> (дата обращения: 13.04.2025).

²⁶ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

²⁷ Jordan Bardella en direct du #JT20h sur France 2 [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L-uBkoBdZyk> (дата обращения: 13.04.2025).

²⁸ Jordan Bardella en direct du #JT20h sur France 2 [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L-uBkoBdZyk> (дата обращения: 13.04.2025).

²⁹ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

³⁰ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

³¹ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

³² Suivez ma conférence de presse où je présente le programme des élections législatives [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=icusOY1tc9A> (дата обращения: 13.04.2025).

³³ Suivez ma conférence de presse où je présente le programme des élections législatives [online], YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=icusOY1tc9A> (дата обращения: 13.04.2025).

большинства в парламенте после 2022 года, продолжает принимать важные экономико-политические решения, игнорируя мнения оппозиции.

С символической точки зрения в дискурсе Барделла присутствует много критики в адрес альянса левых партий, которые, по заявлениям лидера правых популистов, «*желают разрушить политические институты Франции и подтолкнуть нашу страну к хаосу*»³⁴. Барделла, апеллируя симпатиями Меланшона к Уго Чавесу, пытается демонизировать «Новый народный фронт», заявляя об их «*желании превратить Францию в Венесуэлу*»³⁵, что приведет к экономическому краху и «*переходу к прямому управлению над Францией со стороны МВФ*»³⁶.

Среди ключевых точек дискурса Барделла важно также отметить один из важных вопросов для правопопулистских политиков – миграционный. По мнению лидера «Национального объединения», неконтролируемая миграция – это «*большая угроза для нашей идентичности, экономики государства и национальной безопасности*»³⁷. В «провале» миграционной политики Барделла обвиняет правительство Макрона–Атталя, но и не забывает упрекнуть своих оппонентов из «Нового народного фронта», которые, по мнению руководителя правых, «*откроют все миграционные шлюзы, и тогда мы окажемся еще в более плачевном положении. Миллионы французов больше не узнают страну, в которой они выросли*»³⁸. Барделла указывает на кризисное состояние политики национальной безопасности во Франции, что непосредственно связано с проблемами в области миграционной политики. Лидер правых популистов уверяет, что подобное привело к росту напряженности во французском обществе, из-за чего «*больше не осталось ни одной женщины, которая, выходя на улицы страны или используя общественный транспорт, не испытывает опасений за свою безопасность*»³⁹. Именно поэтому Барделла обещает, что в случае победы своей партии на выборах он изменит сложившуюся ситуацию в области безопасности, расширив полномочия правоохранительных органов и положив конец «*политике оправдания действий меньшинств*»⁴⁰.

Несмотря на успехи лепенистов в первом туре парламентских выборов, партия под руководством Барделла потерпела поражение во втором туре 7 июля 2024 года, заняв только третье место после представителей «Нового народного фронта» и макронистов. Тем не менее «Национальное объединение» смогло увеличить свою депутатскую фракцию в парламенте почти в 1,5 раза, впервые избрав свыше сотни депутатов в Национальную ассамблею. Такие результаты, по словам Барделла, демонстрирует «*беспрецедентный патриотический порыв*»⁴¹ французов ради «*восстановления суверенитета нации*»⁴². Невзирая на поражение лепенистов в ходе досрочных парламентских выборов, лидер «Национального объединения» подметил в рамках своей гегемонной артикуляции одну из ключевых идей правых популистов с дискурсивной идеей о «защите народа»: «*Мы будем продолжать быть на стороне французского народа, и мы будем готовы выполнять свои обязанности*»⁴³.

Заключение

Необходимо выделить ряд ключевых дискуссионных вопросов, поднимавшихся в ходе досрочных парламентских выборов 2024 года во Франции. Выделим ключевые темы:

– экономическая и социальная политика;

³⁴ Suivez ma conférence de presse où je présente le programme des élections législatives [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=icusOY1tc9A> (дата обращения: 13.04.2025).

³⁵ Suivez ma conférence de presse où je présente le programme des élections législatives [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=icusOY1tc9A> (дата обращения: 13.04.2025).

³⁶ Suivez ma conférence de presse où je présente le programme des élections législatives [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=icusOY1tc9A> (дата обращения: 13.04.2025).

³⁷ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

³⁸ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

³⁹ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

⁴⁰ Législatives 2024: le replay du débat entre Gabriel Attal, Jordan Bardella et Manuel Bompard [online], *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M2_wEDek554&t=259s (дата обращения: 13.04.2025).

⁴¹ Soirée électorale du second tour des élections législatives 2024: suivez mon allocution [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n3xaudsaGUM> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴² Soirée électorale du second tour des élections législatives 2024: suivez mon allocution [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n3xaudsaGUM> (дата обращения: 13.04.2025).

⁴³ Soirée électorale du second tour des élections législatives 2024: suivez mon allocution [online], *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=n3xaudsaGUM> (дата обращения: 13.04.2025).

- приверженность демократической политике;
- пенсионная реформа 2023 года;
- миграционная политика во Франции;
- уважение ценностей Французской Республики (уважение политических институтов Франции, неприятие расизма и ксенофобии).

Кроме того, для более детального рассмотрения дискурсивных стратегий Бомпара и Барделла все их анализируемых выступления были рассмотрены через призму риторических стратегий (табл. 1).

Таблица 1

Применение риторических идиом лидерами французской оппозиции

Идиомы	Манюэль Бомпар	Жордан Барделла
Риторика утраты	32	32
Риторика наделения	35	37
Риторика опасности	29	35
Риторика неразумности	22	14
Риторика бедствия	13	27
Контрриторика натурализации	5	2
Контрриторика затрат	3	3
Декларация бессилия	4	3
Контрриторика перспективизации	6	4
Критика тактики	2	5
Контрриторика-антитипизация	11	5
Опровергающие истории	10	9
Контрриторика неискренности	16	4
Контрриторика истерии	16	3

Примечание: составлено автором.

Таким образом, при описании дискурсивных портретов оппозиционных лидеров следует выделить особенности в их политических стратегиях. И Бомпар, и Барделла в своих выступлениях объединены критикой «несправедливой политики» макронизма: для первого она воспринимается как антисоциальные реформы, негативно сказывающиеся на жизни рядовых граждан, для второго – как чрезмерное налогообложение, препятствующее свободному экономическому развитию французов. В речах обоих политиков доминируют риторические стратегии опасности и наделения, акцентирующие внимание на социально-экономической политике Макрона.

Выступления Бомпара и Барделла демонстрируют наличие схожих дискурсивных аспектов о приверженности демократии. Так, оба лидера используют классические для популистских движений символические противопоставления о защите народа от несправедливой политики элит. Более того, в своих заявлениях руководители «Непокоренной Франции» и «Национального объединения» говорят не только о готовности отстаивать права и интересы всех граждан, но и заявляют о внутрипартийной

демократии в своих политических движениях. Используя риторическую идиому о неразумности и контрриторическую стратегию антитипизации, оба партийных деятеля отвергают обвинения в закрытости своих партий: левые отвечают на критику о невыдвигении своих бывших депутатов, а правые осуждают однопартийцев за использование ультраправых лозунгов в дискурсе. И Бомпар, и Барделла подчеркивают свою готовность отстаивать интересы всех слоев французского общества, выдвигая в качестве кандидатов в депутаты представителей различных социально-политических групп. Фактически в речах партийных руководителей находит подтверждение тезис о «теории подковы», показывая наличие схожих политико-популистских стратегий как у левых, так и у правых политиков.

Показателен тот факт, что в своих речах как Бомпар, так и Барделла относят к истеблишменту не только прямых союзников Макрона, но и своих оппонентов из левого/правого политического лагеря. В первую очередь, это, конечно, объясняется борьбой левых и правых за голоса избирателей, которые в условиях разделения французского общества на три большие политические группы могут быть общими. Подобное прослеживается при анализе риторических идиом бедствия и неразумности, контрриторических стратегий неискренности, когда представители одной оппозиционной партии акцентируют внимание на угрозах, исходящих от другой оппозиционной силы. Стоит отметить преобладание критики со стороны Барделлы в адрес представителей «Нового народного фронта» (в том числе и по преобладанию риторических идиом бедствия), что объясняется как конкуренцией за уровень поддержки избирателей между левыми и правыми силами, так и применением альянсом левых партий «тактического голосования» против лепенистов.

Соперничество между лепенистами и «Новым народным фронтом» усугубляется в силу идейно-политических различий между оппозиционными лагерями. Так, «Непокоренная Франция» под руководством Бомпара объединяется с другими левыми силами для проведения левосоциалистических реформ, включая отмену пенсионной реформы и прогрессивного налогообложения. В свою очередь, «Национальное объединение» во главе с Барделлой, действуя в коалиции с правыми республиканцами, несмотря на присутствие социально-ориентированных предвыборных лозунгов, преимущественно отстаивает либерально-правую экономическую политику, ориентированную на защиту интересов среднего класса и предпринимателей посредством оптимизации налоговой системы и проведения аудита финансовой системы. Подобные идеологические разногласия также проявляются в дискурсивных практиках и по другим внутривнутриполитическим вопросам, в первую очередь в отношении миграционной политики. Так, Барделла использует традиционную правопопулистскую риторику о трудностях, создаваемых неконтролируемой миграцией, – подрыв национальной идентичности, трудности в системе социальной политики государства из-за ее перегрузки под влиянием роста иммигрантов, а также обострение политики национальной безопасности в связи с вероятными правонарушениями со стороны приезжих. В свою очередь, Бомпар, опираясь на интернационалистские ценности левых, применяет риторические идиомы неразумности и подчеркивает значительный вклад мигрантов в развитие политической и экономической жизни Франции.

На фоне разделения политического ландшафта Франции на три ключевых политических блока идеи о лояльности политиков к ценностям Французской Республики занимают центральное место в их дискурсивных стратегиях. Если в выступлениях Макрона и его соратников преобладали идеи об ультрарадикализме оппозиции и ее неуважении к политическим институтам Франции, то в дискурсивных практиках лидеров «Национального объединения» и «Непокоренной Франции» ключевую роль играло опровержение подобных заявлений посредством риторических идиом неразумности, контрриторических стратегий опровергающих истории, контрриторики неискренности и истерии. Бомпар, заявляя о несовершенстве политических институтов Франции, подчеркивал готовность меланшонистов участвовать в их функционировании. Более того, основными противниками ценностей Республики, по мнению Бомпара, являются именно правые популисты, сотрудничавшие во времена Ж.-М. Ле Пена с неонацистскими политиками. В свою очередь, Барделла обвиняет сторонников «Нового народного фронта» в «исламо-гошизме», заявляя о симпатиях к религиозному радикализму из-за их позиции по палестино-израильскому конфликту 2023 года. В этой ситуации лидер «Национального объединения» подчеркивает, что именно «правые патриоты» являются настоящими защитниками ценностей Французской Республики от левой политики.

Кратко позиции лидеров французской оппозиции по ключевым темам в ходе досрочных парламентских выборов 2024 года во Франции можно представить в виде таблицы (табл. 2).

**Позиции лидеров французской оппозиции по ключевым темам
политики во Франции**

Ключевые дискуссион- ные темы	Манюэль Бомпар	Жордан Барделла
Экономиче- ская и соци- альная поли- тика	<i>«Антисоциальную» политику Макрона можно изменить путем реформирования налоговой системы</i>	<i>«Несправедливую» политику Макрона можно изменить путем «налогового мира» и аудита финансовой системы</i>
Привержен- ность демокра- тической по- литике	<i>Макрон при поддержке правых популистов подрывает уровень демократии и плюрализма в стране. Только представители «Нового народного фронта» смогут вернуть «власть народу»</i>	<i>Макрон при поддержке крайне левых подрывает уровень демократии и плюрализма в стране. Только представители «Национального объединения» со своими союзниками смогут вернуть «власть народу»</i>
Пенсионная реформа 2023 года	<i>Пенсионная реформа несправедлива и должна быть отменена немедленно</i>	<i>Пенсионная реформа несправедлива, ее пересмотр возможен только при обсуждении с представителями различных экономических сообществ</i>
Миграционная политика	<i>Миграцию ограничивать нельзя, поскольку иммигранты играют важную роль в экономике Франции</i>	<i>Миграцию необходимо ограничи- вать, поскольку иммигранты подрыва- ют национальную идентичность, затрудняют работу экономики и подрывают национальную безопас- ность</i>
Уважение цен- ностей Фран- цузской Рес- публики	<i>Политические институты Франции несо- вершенны, однако важно принимать уча- стие в их деятельности. Со стороны пра- вых популистов, разжигающих ксенофо- бию и расизм, идет угроза в адрес ценно- стей Республики</i>	<i>Ключевая угроза ценностей для Французской Республики – это крайне левые, которые при помощи религиозного радикализма хотят разрушить политические институ- ты Франции</i>

Примечание: составлено автором.

Таким образом, исследование дихотомии политических портретов Жордана Барделла и Манюэля Бомпара как лидеров французской оппозиции демонстрирует следующие результаты. Оба политика имеют значительный активистский и управленческий опыт в рамках политических кампаний своих партий. Не последнюю роль в их карьерной траектории сыграл фактор их тесного взаимодействия с партийными руководителями. Анализ дискурсивных практик Барделла и Бомпара в ходе досрочных парламентских выборов 2024 года во Франции выявляет преобладание популистских стратегий, в основе которых лежит критика «несправедливого» политического курса макронизма в публичных выступлениях. Вместе с этим подробное рассмотрение риторических стратегий обоих политических лидеров показывает определенные различия в их дискурсивных стратегиях. Так, Бомпар, опираясь на левопопулистские ценности, в первую очередь акцентирует внимание на антисоциальной политике Макрона. Барделла, со своей стороны, применяет правопопулистскую риторику не только для осуждения влияния иммиграционной политики на экономику Франции, но и для активной демонизации своих ключевых оппонентов из «Нового народного фронта» в ходе выборов.

Финансовая поддержка

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

Список литературы / References

- Григорьева, О. В., Плюснин, Н. О. (2022) 'Конструирование образа "глобальной британии" во внешнеполитической стратегии Б. Джонсона', *Современная Европа*, 2, сс. 45–57. [Grigoreva, O. V., Plyusnin, N. O. (2022) 'Constructing the Global Britain Identity in the Foreign Policy Strategy of Boris Johnson' [Konstruirovaniye obraza global'noy Britanii vo vneshnepoliticheskoy strategii B. Dzhonsona], *Contemporary Europe*, 1, pp. 45–57. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708322020048
- Захарова Е. А. (2020) 'От "Национального Фронта" к "Национальному Объединению" во Франции: элементы ребрендинга партии', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 3, сс. 475–486. [Zakharova, E. (2020) 'From Front National to Ressemblment National in France: Rebranding the Party Image' [Ot "Nacional'nogo Fronta" k "Nacional'nomu Ob#edineniju" vo Francii: jelementy rebrandinga partii], *RUDN Journal of Political Science*, 3, pp. 475–486. (In Russ.)] DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486
- Костюк Р. В., Канинская Г. Н. (2022) 'Французские левые в поисках утраченного электората', *Современная Европа*, 1, сс. 49–60. [Kostiuk, R., Kaninskaya, G. (2022) 'French Left in Search of a Lost Electorate' [Francuzskie levye v poiskah utrachennogo jelektorata], *Contemporary Europe*, 1, pp. 49–60. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S0201708322010041
- Лапина, Н. Ю. (2023) 'Люди не прекращают бунтовать: акторы, стратегии, политические уроки социального протеста в современной Франции', *Власть и элиты*, 2, сс. 183–210. [Lapina, N. (2023) 'People do not stop rebelling: actors, strategies, political lessons from social protests in modern France' [Lyudi ne prekrashchayut buntovat': aktery, strategii, politicheskiye uroki aktivnogo protesta v sovremennoy Frantsii], *Power and Elites*, 2, pp. 183–210. (In Russ.)] DOI: 10.31119/pe.2023.10.2.8
- Мороз, Е. В. (2023) 'Формирование гражданских ориентиров социальной компетентности подрастающего поколения', *Социология и право*, 3, сс. 355–366. [Moroz, E. V. (2023) 'Formation of civil orientations of social competence of the younger generation' [Formirovaniye grazhdanskih orientirov social'noy kompetentnosti podrastajushhego pokolenija], *Sociology and Law*, 3, pp. 355–366. (In Russ.)] DOI: 10.35854/2219-6242-2023-3-355-366
- Мясников, А. И. (2024) 'Интернет-дискурс современных общественно-политических движений как способ саморепрезентации (на примере движения желтых жилетов)', *Вестник Студенческого научного общества Санкт-Петербургского университета. Науки об обществе*, 1, сс. 32–49. [Myasnikov, A. I. (2024) 'Internet discourse of modern socio-political movements as a way of self-representation (on the example of the yellow waistcoat movement)' [Internet-diskurs sovremennyh obshhestvenno-politicheskikh dvizhenij kak sposob samoreprezentacii (na primere dvizheniya zheltyh zhiletov)], *Vestnik of Student Scientific Society of Saint Petersburg University. Social Sciences*, 1, pp. 32–49. (In Russ.)] DOI: 10.21638/spbu36.2024.102
- Cage J., Piketty T. (2023) *'Une histoire du conflit politique: Elections et inégalités sociales en France', 1789–2022*. Paris: Seuil. 864 p.
- Cervera-Marzal, M. (2023) 'Circulation et usages de l'idée d'hégémonie. De Antonio Gramsci à Pablo Iglesias en passant par Ernesto Laclau et Chantal Mouffe', *La Revue du MAUSS*, 22, pp. 379–396. DOI: 10.3917/rdm1.060.0379.
- Ibarra, P. R., Kitsuse, J. I. (2003) *'Claimsmaking Discourse and Vernacular Resources. Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems'*. New York: Aldine De Gruyter. 34 p.
- Laclau, E., Mouffe, C. (2014) *'Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics'*. London: Verso. 200 p.

Marliere, P. (2020) 'Jean-Luc Mélenchon and France Insoumise: The Manufacturing of Populism' in Katsambekis, G. (ed.) *The Populist Radical Left in Europe*. London: Routledge, p. 92-112.

Pettersson, K. (2023) 'Harsh punisher or loving mother? A critical discursive psychological analysis of Marine Le Pen's presidential Twitter campaign', *Ethnicities*, 6,

pp. 905-930. DOI: 10.1177/14687968221148574

Rico Motos, C. (2023) 'Constructing the enemy: the evolution of Podemos' populist discourse from anti-system movement to power (2014–2021)', *Journal of Political Ideologies*, 1, pp. 1–23. DOI: 10.1080/13569317.2023.2219230

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

THE DICHOTOMY OF POLITICAL PORTRAITS OF THE LEADERS OF THE FRENCH OPPOSITION: A DISCURSIVE PERSPECTIVE

A. Myasnikov

Artem Myasnikov, Postgraduate student at the Faculty of Political Science,
St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: miasnickov.artiom@yandex.ru (ORCID: 0009-0001-9836-2039).

Abstract

This paper analyzes the discursive aspects of the political representation of French opposition leaders based on the case of Manuel Bompard and Jordan Bardella. The study is based on Laclau-Mouffe's discourse analysis methodology and Ibarra-Kitsuz's methodology for identifying rhetorical strategies. The empirical basis of this article is the pre-election speeches of opposition leaders during the 2024 early parliamentary elections in France. The results of this article complement theoretical studies on discursive strategies within populist ideologies. The study develops the horseshoe theory, showing that both radical left and radical right parties share similar rhetorical idioms: speeches by leaders of La France Insoumise and National Rally reveal common communicative strategies in criticizing the French government for unjust policies and limited accountability. At the same time, ideological differences between "left" and "right" political values play a significant role in the discursive strategies of the French opposition leaders, which is also reflected in party ideas. The results of the study indicate an ongoing confrontation between left and right opposition parties for the support of voters from similar socio-political groups, which may lead to a further split of the French political space into three main blocs..

Keywords: discourse analysis; rhetorical idioms; France; Manuel Bompard; Jordan Bardella; La France Insoumise; National Rally.

Financial support: This work was supported by the Russian Science Foundation, project № 24-28-01309.

УДК-32.019.52

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-40-50

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО КОНТЕНТА В TikTok ДО И ВО ВРЕМЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ)

Н. К. Радина, А. Ю. Хоменко

Радина Надежда Константиновна, доктор политических наук, профессор, профессор Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; старший научный сотрудник Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия. E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8336-1044. ResearcherID: L-6641-2015).

Хоменко Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра языка и мозга, научный сотрудник Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия. E-mail: akhomenko@hse.ru (ORCID: 0000-0003-3564-6293. ResearcherID: U-4488-2017).

Аннотация

Представленное исследование посвящено изучению изменений, которые произошли с видеоконтентом социальной сети TikTok после начала специальной военной операции (СВО) и блокировки российского сегмента данной интернет-платформы. Исследователи предположили, что факт СВО и ограничения в доступе к TikTok создали «мобилизационные условия», при которых видеоконтент русскоязычных тиктокеров стал более политизированным. Материалом исследования стали видео и их метаданные, в том числе хэштеги: коллекция периода «до СВО» (244 хэштега, 19 тематических групп, 2520 видео); коллекция периода «после СВО» (187 хэштегов; 17 групп; 851 видео). В результате выяснилось, что русскоязычный сегмент TikTok и до СВО содержал контент политического содержания (видео о проблемах демократии, выборов, действий оппозиционных правительству сил и т.д.). После начала СВО большинство видео русскоязычного сегмента изучаемой социальной сети со значительным числом просмотров и лайков, которые вошли в материалы исследования, оказались посвященными политическим вопросам (преимущественно военным). Полученные результаты исследователи связывают с изменениями в повседневной жизни россиян – пользователей TikTok: видео отражают злободневные проблемы. Другим объяснением политизации видеоконтента может быть изменение в составе пользователей заблокированного TikTok: компьютерные инструменты обхода блокировки стали использовать те тиктокеры, которые оказались готовы продвигать собственную гражданскую позицию в пространстве Всемирной сети.

Ключевые слова: социальные медиа; TikTok; политическая мобилизация; цифровая вовлеченность; партиципация.

Введение

Одной из ведущих функций социальных медиа и сетей считается развлечение (и отвлечение от кризисов реальности). В этом контексте TikTok хорошо ее выполняет, поскольку изначально создавался как социальная платформа для обмена музыкой, видео. За короткий срок – менее 10 лет – данная социальная сеть сильно изменилась: получила популярность, признание, трансформировалось ее содержание. В настоящее время популярные тиктокеры зарабатывают миллионы¹, тиктокерами

© Радина Н. К., Хоменко А. Ю., 2025

¹ Гайсина И., Карпова А., Житкова В., Пешкова Н. (2020) Миллионы 20-летних: рейтинг самых высокооплачиваемых тиктокеров [Электронный ресурс], *Forbes*, 12 октября. URL: <https://www.forbes.ru/rating-photogallery/410907-milliony-20-letnih-reyting-samyh-vysokooplachivaemyh-tiktokerov> (дата обращения: 09.08.2024).

становятся ведущие политики (Дональд Трамп появился в TikTok под песню American Bad Ass Кида Рока²), позволяя предположить наличие изменений функций данной цифровой коммуникативной площадки. Теперь это не только развлечение, но и, например, косвенное «мягкое» рекламное воздействие или политическая мобилизация. Следовательно, отдыхая и развлекаясь, используя приложение TikTok, пользователь может спонтанно и непреднамеренно подвергнуться социальному, политическому и другому влиянию, что особенно значимо в условиях реальных кризисов, от которых «отдыхают», погружаясь в контент TikTok.

Социальные медиа: TikTok

В социальных науках, концентрирующихся на социальном содержании социальных сетей, истоки самой идеи сетей видят в работах классиков – Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса и Г. Зиммеля (Сушко, 2018), а современное понимание связывают с новаторской деятельностью и интерпретациями социального психолога Я. Морено (Там же; Гриншпун, 2021): среди пользователей социальных сетей важное значение имеют характер и направленность связи внутри графа взаимодействия, нечеткость границ сети, отсутствие иерархии в отношениях, а также стремление к извлечению выгоды от сетевого взаимодействия (Ластовкина, 2020). В русскоязычной интернет-коммуникации наиболее популярной соцсетью является «ВКонтакте»³.

Что касается социальных медиа, то их функции шире, они ориентируются на другие цели: здесь важнее информация, а не продуктивность коммуникации. К социальным медиа относят интернет-ресурсы: 1) ориентированные на общение и отношения (социальные сети, блоги, сайты отзывов и знакомств и др.); 2) для совместного редактирования информации (например, «Википедия», «Яндекс.Карты» и др.); 3) мультимедийные социальные медиа (для обмена мультимедийными файлами и их комментирования) (Асташкин, Бреслер, 2018).

В этой классификации TikTok находится в третьей группе, поскольку был создан как площадка обмена короткими видеороликами (Fan, Luo, Wang, 2023), что не отрицает наличия ряда элементов традиционной социальной сети в его организации и функционировании.

Таким образом, TikTok – представитель социальных медиа, предназначенный для обмена короткими видеороликами, принадлежащий и управляемый ByteDance (китайская частная холдинговая интернет-компания, владеющая рядом популярных сервисов), ориентированный, по мнению разных исследователей, на развлечение и творческое самовыражение пользователей. Он был запущен в 2017 году и стал одной из самых скачиваемых программ в мире. Более половины его активных пользователей – молодые люди до 30 лет, использующие приложение TikTok несколько раз в день при общей продолжительности чуть менее часа. В 2019 и 2020 годах TikTok стал приложением с наибольшим количеством загрузок (Ibid.; Yang, Zhao, Ma, 2019). Его особенностью является сильная алгоритмическая техническая поддержка, управляющая поведением пользователей (Xu, Yan, Zhang, 2019; Ren, Qi, Fan, 2023).

Алгоритмы TikTok – одна из наиболее притягательных тем в его характеристике. Они управляются искусственным интеллектом, алгоритм полностью автоматический, выбирает видео без человеческого участия, однако универсальный набор правил для достижения успеха здесь отсутствует⁴. При продвижении учитываются знаки одобрения (лайки), распространение (репосты), комментарии, поиск, разнообразие контента и популярные видео⁵.

Логотип TikTok – нота-восьмушка, отсылающая к истории его создания (обмен музыкальным контентом). В настоящее время тематический круг данной социальной сети широк, захватывает острые социальные и даже политические темы. Например, в 2024 году к ним относились: «поддержка трагических событий», «забота о животных», «что нужно знать о психоактивных веществах», «борьба с ненавистью в TikTok», «мошенничество», «нарушение пищевого поведения», «ресурсы для поддержания жертв сексуального насилия», «TikTok против сексуальной эксплуатации несовершенно-

² Трамп появился в TikTok под песню American Bad Ass (2022) [Электронный ресурс], РБК, 2 июня. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2024/665c5a0c9a79470e3668bb72> (дата обращения: 09.08.2024).

³ Данные Mediascope на апрель 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 22.05.2025).

⁴ Как работает алгоритм в Тик-Ток: рекомендации по продвижению [Электронный ресурс]. URL: <https://lpmotor.ru/articles/kak-rabotaet-algoritm-tiktok-2202> (дата обращения: 09.08.2024).

⁵ TikTok: Правила сообщества [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tiktok.com/community-guidelines/ru?lang=ru> (дата обращения: 09.08.2024).

летних», «предупреждение травли», «COVID-19», «выборы», «суицид и самоповреждение», «цифровое благополучие», «онлайн-челенджи»⁶.

Политика в «неполитизированном» TikTok

Как ресурс для обмена музыкальными видео первоначально TikTok считался неполитизированной медиаплатформой. По мере обретения популярности и тематического расширения место TikTok в политической сфере изменилось, и сейчас исследования, характеризующие политическую составляющую проблем данной платформы, представляют его в двух ипостасях: как инструмент, который необходимо использовать в политике для самопродвижения; как враждебный, опасный «китайский» ресурс, который необходимо контролировать и блокировать.

На международном рынке цифровых платформ несколько американских компаний обладает культурной, экономической и политической властью, TikTok составляет реальную конкуренцию американским операторам, что вынуждает политиков и политических аналитиков концентрировать внимание на его геополитических последствиях: в США благосклонно принимают доминирование на данном рынке американских компаний и агрессивно размыивание собственной концентрированной власти на международном рынке платформ (Gray, 2021).

Другая причина высказывания опасений, связанных с TikTok, – его влияние на пользователей. Сравнивая набор его политических метаданных с аналогичным набором в YouTube, Б. Гинодо, Ф. Вотта и К. Мангер доказывают, что в среднем в TikTok больше просмотров, чем в YouTube, распределение этих просмотров сложнее смоделировать, вирусный потенциал TikTok выше. Кроме того, TikTok значительно успешнее в поощрении большинства своих пользователей, которые оставляют комментарии, создавать новые видео (Guinaudeau, Votta, Munger, 2022). Результатом признания влияния изучаемой социальной сети становится миграция на платформу известных политических медиабрендов, стремящихся продуктивно работать с потенциальными избирателями.

В то же время «неполитизированный характер» данного ресурса требует от политических акторов умений общаться в TikTok-формате, т.е. создавать такой мультимодальный контент, который бы вписывался в культуру данной медиаплощадки. Проблема адаптации политического контента к формату TikTok – одна из наиболее популярных и обсуждается в ряде научных публикаций (Гигаури, Тузова, 2021; Зуйкина, Криницына, 2023; Порецкова, Савин, 2021). Л. Серви, С. Техедор и С. Марин Льядо представляют в целом успешный кейс – продвижение в TikTok испанской партии Podemos («Мы можем») (Cervi, Tejedor, Marín Lladó, 2021). К ошибкам в продвижении партии на данной интернет-платформе исследователи относят использование цифровой коммуникативной площадки TikTok в качестве статичной витрины для политической деятельности при недостатке интерактива и развлечений, типичных для данной платформы. К позитивным находкам относят репрезентацию политического контента через игровой фрейм борьбы Добра и Зла, что подчеркивает популистское дихотомическое видение мира, усиливая эмоциональный отклик пользователей TikTok.

Российские политические партии весьма осторожно выходят на новые цифровые площадки, однако даже самые первые шаги оказались в аналитическом поле российских политологов. Так, было проведено исследование особенностей электоральной коммуникации в политическом кластере TikTok-каналов в период выборов депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VIII созыва (с 17 по 19 сентября 2021) (Зуйкина, Криницына, 2023). Согласно результатам исследования, как и в «испанском кейсе», политические партии не использовали должным образом возможности нового ресурса. Было выяснено, что «каналы провластного толка» продвигали, как правило, существующие форматы (преимущественно телевизионные), а «каналы оппозиционных кандидатов» публиковали видеообращения к пользователям от лица кандидатов. Эмоциональный и персонифицированный характер видеообращений, на первый взгляд, более релевантен коммуникации TikTok, но не выдерживает сравнения с игровым интерактивным контентом, типичным для данной платформы. Примечательно, что «народные политтехнологии», сопровождающие, например, протестное движение, более умело и адаптивно используют инструменты влияния изучаемой социальной сети (иронию, сарказм, вызов и т.д.), например, опираясь на интернет-мемы.

⁶ TikTok: темы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tiktok.com/safety/ru-ru/topics/> (дата обращения: 09.08.2024).

Умение адаптироваться и существовать в формате TikTok для современных политиков становится важным способом работы со своей аудиторией. Так, Д. Трамп в процессе президентской кампании 2024 года вслед за Дж. Байденом завел аккаунт в TikTok и выложил видео своей коммуникации с фанатами и сторонниками под семиотически нагруженное музыкальное сопровождение⁷.

Подобный интерес политиков вызван тем, что в политическом и социальном измерении цифровые коммуникативные онлайн-площадки связывают с идеей и возможностями публичной сферы (Хабермас, 2016). Публичная сфера – это некие пространства для общественного диалога, рационального обсуждения (где формируется общественное мнение – от литературы и медиа до музейных площадок), а в последние десятилетия информатизации и цифровизации социальной сферы, включая коммуникативные интернет-площадки (Товмасын, 2017). В пространствах публичной сферы в процессе обсуждения, по Ю. Хабермасу, рождается «делиберативная демократия», происходит выработка ключевых решений, значимых для общества, формирование «повестки дня» и т.д.

В то же время последние исследования ставят под сомнение делиберативные ресурсы социальных медиа, новые цифровые коммуникативные площадки не выдерживают условие (как требование) существования в формате справедливого и рационального общественного диалога (Зуйкина, Криницына, 2023; Habermas, 2022). Однако «партиципация», причастность, вовлеченность – это то, чем реально они обладают. Так, обсуждаемые ранее алгоритмы TikTok, буквально выступают в роли инструкции «вовлечения», привлекая аудиторию возможностями творить, подражать, собирать символы одобрения своего творчества.

Вовлеченность – это физическое, эмоциональное и интеллектуальное состояние, формат участия пользователей коммуникативных интернет-площадок. Изменение приоритетных тем TikTok, обживание нового пространства политическими партиями и политиками открывают возможности для пользователей увлекаться новым политическим содержанием, «вовлекаться» в новый контент. Следовательно, современные коммуникативные онлайн-площадки и социальные медиа могут выступать пространствами политической мобилизации (вовлечения в политические темы, проблемы и т.д.), осуществляемой более или менее спонтанно и естественно.

Методы и материалы исследования

Теоретическими рамками данного исследования являются представления о социальных медиа как о цифровых форматах публичной сферы Ю. Хабермаса (Хабермас, 2016; Habermas, 2022) и положения относительно социальной и политической мобилизации, согласно которым при помощи мобилизации (вовлечения) граждане получают доступ к новым политическим ролям и формам политической активности (Deutsch, 1961). Механизм вовлеченности, характерный для социальных медиа, обеспечивает политическую мобилизацию на цифровых коммуникативных площадках, если речь идет о политическом контенте.

Цель исследования – проанализировать, как изменились доминанты в репрезентациях русскоязычных пользователей TikTok до и после начала специальной военной операции (СВО).

В качестве основной гипотезы предполагалось, что проведение Российской Федерацией СВО и ограничения в доступе к TikTok могут создать условия («мобилизационные условия»), при которых контент русскоязычных тиктокеров изменится, станет более политизированным.

Материалом для анализа выступили видео, размещенные в TikTok, и их метаданные. Исследовательской группой был создан корпус мультимодальных текстов, собранный с помощью технологии веб-скрейпинга (web-scraping, скрейпинг, скрапинг) (Эшонкулов, 2021). Для настоящего исследования материал собирался автоматически с использованием компьютерных алгоритмов на языке Python 3.12.

Поскольку TikTok – международная платформа, на первом этапе был идентифицирован и извлечен контент, связанный с русским языком и кириллицей. При сборе данных использовался стохастический алгоритм в рамках направленной (преднамеренной) выборки – judgment sample (Smith, Waters, 2019), в котором с помощью подсчета количества лайков, репостов, просмотров и комментариев учитывался уровень популярности видео.

⁷ Трамп появился в TikTok под песню American Bad Ass (2022) [Электронный ресурс], *РБК*, 2 июня. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/06/2024/665c5a0c9a79470e3668bb72> (дата обращения: 09.08.2024).

На втором этапе по результатам ручного анализа контента TikTok методами интерпретативной лингвистики было выделено 508 хэштегов, релевантных для задач исследования (описывающих события, так или иначе связанные с общественно-культурной и политической жизнью). Из них 254 соответствовали временному периоду «до начала СВО» (с июля 2018 до 24 февраля 2022 г.) и 254 – «после начала СВО» (март 2022 г. – март 2024 г.). Для автоматического сбора видеороликов был создан словарь хэштегов, по которому осуществлялся поиск видео. Для реализации задачи использовались библиотеки TikTokApi⁸ и playwright⁹ (для создания сеанса и отправки запроса на сайт TikTok). Скачивание непосредственно самих видео и их метаданных производилось с помощью библиотеки pyktok¹⁰.

После сбора материала выяснилось, что отобранные хэштеги не всегда указывают на релевантные видео: для некоторых из выбранных тегов видео в полученном датасете либо отсутствуют вовсе, либо представляют собой рекламный или иной контент, не подходящий для настоящего исследования. В конечную выборку вошли 244 хэштега для временного периода до начала специальной военной операции и 187 – после начала СВО (всего 3371 видео: 2520 – по хэштегам из категории «до СВО», 851 – по хэштегам из категории «после СВО»).

Далее представлены результаты сравнительного анализа хэштегов (семантических групп) для характеристики мобилизационного потенциала TikTok и проверки гипотезы о возможностях политической мобилизации, обусловленных военными действиями и ограничениями в доступе к социальным медиа.

Вовлечение в политическую тематику на медиаплатформе TikTok: результаты исследования

TikTok как часть медиaprостранства, контролируемая из-за рубежа, после начала специальной военной операции получила особый статус: видеоконтент до СВО оказался доступным для просмотра, однако новые материалы (после февраля 2022 года) без использования VPN недоступны, что отразилось на объеме русскоязычного контента. Согласно результатам исследования, в русскоязычном сегменте TikTok после начала СВО произошли изменения. Видео, собирающих большое количество просмотров и лайков, в русскоязычном сегменте стало меньше: на один тег до СВО приходилось около десяти (10,04) популярных видео, а на один хэштег после – менее 5 (4,60) роликов.

Кроме изменений, связанных с уменьшением количества размещенных видео, изменилась и тематика контента. Поскольку гипотезы исследования были связаны со сравнительным анализом контента, все видео, входящие в первую (до СВО) и вторую (после СВО) коллекции, были классифицированы на основании семантики хэштегов.

В результате коллекция видео периода «до СВО» включила 244 хэштега, 19 групп, 2520 видео. Коллекция видео периода «после СВО» составила 187 хэштегов, 17 групп, 851 видео.

Для характеристики изменений контента был использован сравнительный анализ с опорой на объем (количество видео в %) в сформированных подгруппах до и после начала СВО (рисунок).

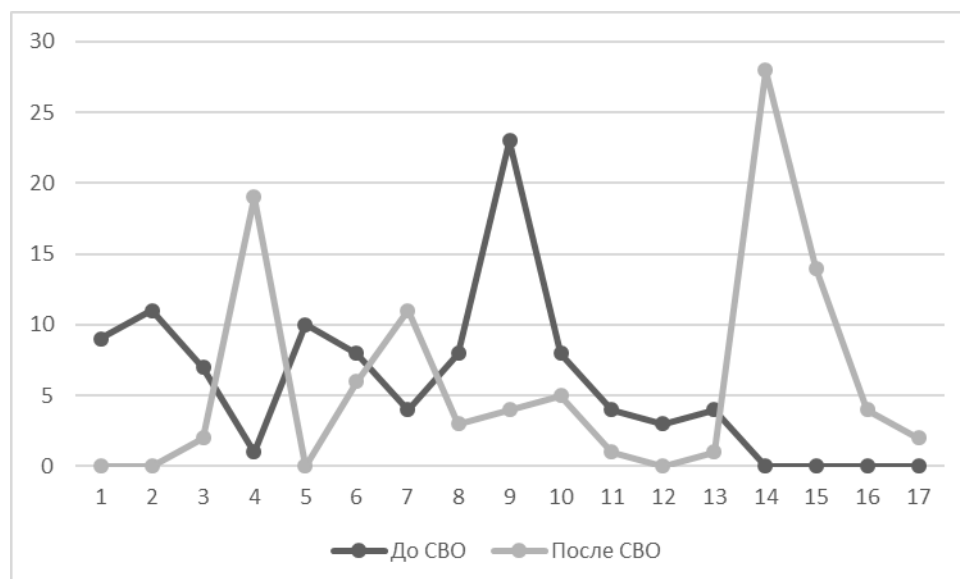
Доминирующими тематическими группами после начала СВО становятся война, лозунги и обстрелы вместо допинг, русский язык, олимпиады (в Токио и России). Стоит отметить, что из начального списка тегов для периода до СВО в собранном датасете не удалось найти релевантные видео всего для 10 хэштегов, среди них, например #славароссии. Для роликов периода после начала СВО методом преднамеренной выборки релевантных видео не обнаружилось для 67 тегов, в их числе #национализм, #сирия и пр.

В русскоязычном TikTok до СВО тематические доминанты видео вполне соответствовали содержанию невоенной жизни: среди тематических акцентов – вся культура (культура, театр, кино, живопись, сказки, литература) и русский язык, включая экзамены (что указывает на возраст тиктокеров). Например, #алфавит (17 видео), #егэрусский (9 видео), #егэрусскийязык (15 видео), #грамотность (11 видео), #могучийрусскийязык (6 видео), #невыносимыйрусскийязык (10 видео), #огэрусский (9 видео), #орфография (7 видео), #пунктуация (6 видео), #речь (10 видео), #роднойязык (6 видео), #сложныйрусскийязык (13 видео) и др.

⁸ URL: <https://pypi.org/project/TikTokApi/> (дата обращения: 09.08.2024).

⁹ URL: <https://pypi.org/project/playwright/> (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁰ URL: <https://pypi.org/project/pyktok/> (дата обращения: 09.08.2024).

Сравнительный анализ тематик видео в TikTok до и после начала СВО, %

(всего 3371 видео: 2520 – из категории «до СВО», 851 – «после СВО»).

Тематические группы видео: 1 – допинг; 2 – русский язык; 3 – национальная символика (российский флаг и российский гимн); 4 – лозунги; 5 – выборы, демократия, оппозиция в РФ; 6 – В.В. Путин; 7 – внешняя политика РФ; 8 – олимпиада; 9 – вся культура (культура, театр, кино, живопись, сказки, литература); 10 – Россия, РФ; 11 – быть русским; 12 – социальная политика РФ; 13 – песни и танцы; 14 – война; 15 – обстрелы; 16 – военные операции и города; 17 – санкции

В то же время заметное место в тематиках занимали государственная символика (российский гимн, российский флаг – 7 %), репрезентация событий, связанных с выборами, вопросами демократии, действиями оппозиции (10 %), репрезентация отношений к действиям президента РФ (8 %), а также вполне политизированная проблема допинга у спортсменов на международных соревнованиях (9 %) и другие аспекты политической жизни страны (внешняя политика РФ – 4 %; социальная политика РФ – 3 %). Получается, что «неполитизированный» TikTok и до СВО был встроен в политические дискуссии. Например, *#интервьюупутина* (6 видео), *#кремль* (12 видео), *#меркельпутин* (8 видео), *#нашпрезидент* (7 видео), *#правитмиром* (4 видео), *#прессконференция* (10 видео), *#президентроссии* (10 видео), *#прямаялиния* (10 видео), *#путин* (13 видео), *#путинмолодец* (12 видео), *#путинприкол* (17 видео), *#россияпутин* (9 видео), *#ввпутин* (15 видео), *#запутина* (9 видео).

После СВО тематические доминанты ожидаемо изменились: обсуждение военных действий (тема войны – 28 % всех видео) и событий вокруг СВО (обстрелы – 14 %, военные операции и города – 4 %, санкции против РФ – 2 %) стали направляющими в активности пользователей TikTok. Если учесть, что выход на международную площадку данной медиаплощадки, потребовала некоторой пользовательской компетентности (использование VPN), размещение видео в TikTok стало не просто повседневным действием, а реализацией «цифровой свободы», что могло отразиться на содержании постов. Например, *#сво* (5 видео), *#фронт* (7 видео), *#мир* (6 видео), *#мобилизация* (9 видео), *#пленныйВСУ* (5 видео), *#противвойны* (8 видео), *#россияагрессор* (9 видео), *#россиянепобедима* (7 видео), *#россияпобедит* (7 видео), *#россиявойна* (9 видео), *#русскиевоенные* (5 видео), *#война* (7 видео), *#война2022* (9 видео), *#войнаукраинароссия* (9 видео), *#войнаукраине* (11 видео), *#z* (8 видео), *#замир* (7 видео) и др.

Среди тем до СВО новую актуальность обрела «внешняя политика» (4 % до СВО и 11 % после ее начала), а тематическая группа «лозунги» существенно обновилась, объем девизов и лозунгов в общем поле контента значительно увеличился (1 % до СВО и 19 % после ее начала). Например (лозунги после СВО), *#чтоярусский* (6 видео), *#горжусьчтоярусский* (9 видео), *#мненестыдночтоярусский* (9 видео), *#мненестыдночтоярусский* (10 видео), *#мырусскиеснамибог* (7 видео), *#нетнацизму* (7 видео), *#нетвойне* (7 видео), *#нетвойнероссиииукраины* (8 видео), *#победабудетзанами* (8 видео), *#победазанами* (8 видео), *#работайтебратья* (5 видео), *#ягоржусьчтоярусский* (8 видео), *#ягоржусьроссией* (8 видео), *#занаших* (6 видео) и др.

Действительно, в русскоязычном сегменте TikTok после СВО изменилось содержание политического контента (например, от формулирования своей позиции в отношении демократии, репре-

зентаций в русле национальной символики и знаков, связанных с силой культуры, тиктокеры перешли к обсуждению военных действий и результатов военных операций). Относительные объемы политизированного пространства также увеличились: если до СВО политизированного контента была примерно половина, то после СВО содержание размещенных видео преимущественно связано с политической ситуацией, включая военные действия. В данном исследовании не используются инструменты статистики для доказательства статистической значимости идентифицированных различий (в силу разных причин: например, из-за сложности однозначной трактовки, насколько политизированной является тематическая группа «вся культура», и т.п.). С другой стороны, содержание постов в TikTok по-прежнему сконцентрировано на репрезентации повседневности; повседневность изменилась – изменились и ее репрезентации.

Значимым и заметным качественным критерием политизированности русскоязычного сегмента TikTok после начала СВО, с нашей точки зрения, может выступать существенное (в 19 раз) увеличение тематической группы с лозунгами и девизами. Так же, как потерявший здоровье человек начинает ценить его и включает ценность здоровья в свои девизы и лозунги, сама потребность в лозунгах и девизах (в подбадривании) выступает маркером особого состояния общественного сознания. Лозунги и девизы (мотиваторы) продуцируются тогда, когда возникает необходимость себя воодушевить и усилить. Следовательно, в TikTok после начала СВО наступил именно такой период.

Стал ли TikTok более политизированным после начала СВО? Обсуждение результатов исследования

Роль социальных медиа в политической мобилизации трудно переоценить (Порецкова, Савин, 2021; Kharel, 2024), поскольку к мобилизации относятся и размещение постов, и репосты, и комментарии, и даже обычное одобрение (проставление лайков, создающих правила, формирующих лидерские позиции для определенных мнений) (Радина, 2018).

Поскольку TikTok – относительно новая цифровая коммуникативная площадка, исследования о том, как она устроена и работает в социальном контексте, по-прежнему актуальны. TikTok популярен в разных странах независимо от ограничений, которые накладываются на его использование. Например, в самом Китае его место занимает «Доуин» (DouYin; также принадлежит ByteDance), но при сравнении с видеоконтентом TikTok в США выясняется, что пользователи в обеих странах демонстрируют много общего, например: и в США, и в Китае любят танцевать и водить машину (Sun, Zhang, Zhang, Luo, 2020). К различиям относят способы репрезентации жизни: считается, что в TikTok-видео (в США) снимают более разнообразные предметы, а в видео «Доуин» доминируют семейные события.

На базе анализа материала, продуцируемого белорусскими пользователями, подчеркивается, что платформа TikTok является прежде всего пространством для экспериментов, а наиболее популярными в его белорусском пространстве называют новостные и развлекательные паблики (Градюшко, 2021).

Разъяснения о том, что снимают и какое видео выкладывают на разных сегментах TikTok, помогает лучше понять общественную жизнь изнутри, включая скрытые правила, которые проявляются в поведении пользователей социальных медиа. Значима идентификация как общего, так и различного: например, констатация, что и в США (в TikTok), и в Китае (в «Доуин») выкладывают видео с танцами и вождением автомобиля, говорит в пользу репрезентаций повседневности в социальных медиа (Sun, Zhang, Zhang, Luo, 2020).

В представленном исследовании изменения в тематиках видео при сравнении двух временных периодов также можно связать с трансформациями повседневности. Жизнь до СВО включала политический контент настолько, насколько это было релевантно для молодежной аудитории TikTok, в «молодежном формате» (посты о демократии, президенте, оппозиции и т.д.). Изменившаяся реальность переозначила повестку дня: значимыми для видеорепрезентаций в сфере общественно-политической жизни стали сюжеты об отношении к СВО, населенных пунктах, страдающих от обстрелов.

Алгоритмы TikTok не поощряют «патриотический» или «непатриотический» контент, однако для продвижения на данной социальной платформе важны лайки, поддержка, одобрение других пользователей. Цифровое одобрение в принципе значимо для онлайн-коммуникаций: лайки закрепляют поддерживаемое аудиторией поведение, создают правила онлайн-коммуникации (Радина, 2019). Пользователи TikTok, размещая видео с политическим содержанием, претендуют на то, чтоб закреп-

пить свое видение мира (утвердить свою повестку), получить поддержку (в виде лайков) и лидерские позиции. Поэтому другим объяснением очевидных изменений в содержании популярных русскоязычных видео в TikTok после начала СВО становятся намерения пользователей медиа. Пользователи, использующие VPN для входа в закрытый TikTok, совершают данное действие не просто для развлечения, а для утверждения своей позиции. На это объяснение работает значительное увеличение числа видео с лозунгами и девизами воодушевляющего содержания: тиктокеры, используя технические приемы для обхода блокировки, стремятся на онлайн-площадку, чтобы донести внешнему – опасному, возможно, враждебному миру, от которого защищает блокировка, – свой «гражданский манифест».

Таким образом, российский сегмент TikTok и до СВО не был чужд репрезентации политических проблем, однако после ее начала изменилось не только количество видео, связанных с политической проблематикой, но и содержание репрезентаций, относящихся к политике. Эти изменения могут быть обусловлены как обычной практикой репрезентации повседневности в социальных медиа (какая жизнь – такие и видео), так и изменившимся составом тиктокеров, использующих VPN для входа на закрытые сегменты социальной сети, пользователей с более активными установками и намерениями в политической сфере.

Выводы

Проведенное исследование предполагало выявить изменения в содержании русскоязычного сегмента TikTok, заблокированного на территории России после начала специальной военной операции и доступного при использовании VPN. Согласно гипотезе исследования, факт начала СВО и ограничения в доступе к изучаемой социальной сети создали мобилизационные условия, при которых контент российских тиктокеров мог измениться, стать более политизированным.

Материалами выступили 3371 видео, идентифицированные и извлеченные с опорой на словарь хештегов, с разными показателями одобрения и популярности, до и после начала СВО. В результате проведенного анализа выяснилось, что русскоязычный сегмент TikTok и до начала специальной военной операции содержал контент политического содержания – видео, посвященные проблемам демократии, выборов, действий оппозиционных правительству сил, внешней политики РФ и т.д. Фиксация «политизированного контента» TikTok – своеобразный оксюморон: данная цифровая платформа создавалась для неполитических коммуникаций и неполитического контента. «Вторжение политического» в TikTok, согласно исследованиям, может быть результатом использования политтехнологий, направленных на молодежь (политтехнологи «заходят» на цифровые молодежные площадки в поиске необходимой аудитории).

Однако после начала СВО и блокировки русскоязычного сегмента молодежная аудитория TikTok трансформировалась: затруднения при обычном использовании приложения сузили аудиторию, в активных пользователях остались относительно технологически продвинутые и заинтересованные тиктокеры. В то же время многие видео, размещенные на русскоязычном сегменте, оказались обращены к политической проблематике (о военных действиях, отношении пользователей к СВО и т.д.). Подобную политизированность, на наш взгляд, невозможно объяснить исключительно гипотетической работой политических технологов, а популярность видео обусловлена включенностью в производство контента со стороны обычных пользователей.

Подтверждение гипотезы мы связываем с внешними условиями, изменениями в повседневной жизни россиян, использующих TikTok: больше военных действий и политики – больше видео о военных действиях и политике. При этом мотивирующая роль данных видео не только в отражении. Так, видео-мотиваторы эмоционально поддерживают пользователей и содействуют принятию тревожной реальности военного конфликта. Вероятно, компьютерные инструменты обхода блокировки TikTok используют те, кто активны, готовы продвигать свою гражданскую позицию, размещая видео с лозунгами и мемами с политическим подтекстом.

Открытым остается фуконианский вопрос о том, как, когда и почему нечто неполитическое (коммуникативные пространства, неполитическое содержание, цифровые платформы и т.п.) превращается в политическое и сохраняет устойчивость в новых «политических границах».

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00204, <https://rscf.ru/project/24-28-00204/>.

Список литературы / References

- Асташкин, А. Г., Бреслер, М. Г. (2018) 'Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации', *Ученые записки казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, 160(4), сс. 814–822. [Astashkin, A. G., Bresler, M. G. (2018) 'Social Media in the Structure of Modern Network Communication' [Social'ny'e media v strukture sovremennoj setевой kommunikacii], *Ucheny'e zapiski kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarny'e nauki*, 160(4), pp. 814–822. (In Russ)].
- Гигаури, Д. И., Тузова, П. Р. (2021) 'Виртуальная идентичность в социальных сетях и видеоблогах: обзор политического контента в TikTok', *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*, 6, сс. 47–69. [Gigauri, D. I., Tuzova, P. R. (2021) 'Virtual identity in the modern media space of Russian politics: a survey on political contents on TikTok' [Virtual'naya identichnost' v social'ny'x setyax i videoblogax: obzor politicheskogo kontenta v TikTok], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, 6, pp. 47–69. (In Russ)].
- Градюшко, А. А. (2021) 'Платформы Instagram и TikTok в цифровом пространстве: сравнительный аспект', *Труды БГТУ. Сер. 4, Информационные системы и медиатехнологии*, 1(243), сс. 12–19. [Gradziushko, A. A. (2021) 'Instagram and TikTok platforms in digital space: a comparative aspect' [Platformy' Instagram i TikTok v cifrovom prostranstve: sravnitel'ny'j aspekt], *Trudy' BGTU. Ser. 4, Informacionny'e sistemy' i media-technologii*, 1(243), pp. 12–19. (In Russ)].
- Гриншпун, И. Б. (2021) *Идеи Джейкоба Леви Морено в контексте развития западноевропейской и североамериканской психологии XX столетия*. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. 175 с. [Grinshpun, I. B. (2021) *The ideas of Jacob Levy Moreno in the context of the development of Western European and North American psychology of the twentieth century* [Idei Dzhekoba Levi Moreno v kontekste razvitiya zapadnoevropejskoj i severoamerikanskoj psixologii XX stoletiya]. М.: FGBOU VO MGPPU. 175 p. (In Russ)].
- Зуйкина, К. Л., Криницына, Н. С. (2023) 'Сервис TikTok в электоральной коммуникации: опыт использования в России на примере выборов в Госдуму 2021 года', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*, 19(1), сс. 101–122. [Zuykina, K. L., Krinitsyna, N. S. (2023) 'TikTok in electoral communication: the case of Russian State Duma elections 2021' [Servis TikTok v e'lektoral'noj kommunikacii: opy't ispol'zovaniya v Rossii na primere vy'borov v Gosdumu 2021 goda], *Political Expertise: POLITEX*, 19(1), pp. 101–122. (In Russ)].
- Ластовкина, Д. А. (2020) 'Социальные сети в контексте социального капитала: обзор зарубежных теоретических подходов'. *Социальные, культурные исследования и безопасность*, 3, сс. 146–166. [Lastovkina, D. A. (2020) 'Social networks in the context of social capital: a review of foreign theoretical approaches' [Social'ny'e seti v kontekste social'nogo kapitala: obzor zarubezhny'x teoreticheskix podxodov] *Social'ny'e, kul'turny'e issledovaniya i bezopasnost'*, 3(3), pp. 146–166. (In Russ)].
- Порецкова, А. А., Савин, Н. Ю. (2021) 'Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok)', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 6, сс. 76–96. [Poretskova, A. A., Savin, N. Y. (2021) 'Memes as Consolidation Tool of the Protest Movement (Evidence from Short Videos on the Social Network TikTok)' [Memy' kak instrument konsolidacii protestnogo dvizheniya (na primere korotkix video social'noj seti TikTok)], *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny*, 6, pp. 76–96. (In Russ)].
- Радина, Н. К. (2019) 'Конструирование правил онлайн-дискуссии: роль «лайков»', *Социальная психология и общество*, 10(4), сс. 58–76. [Radina, N. K. (2019) 'Designing the rules of the online discussion: the role of "likes"'. [Konstruirovaniye pravil onlajn-diskussii: rol' «lajkov»], *Social'naya psixologiya i obshchestvo*, 10(4), pp. 58–76. (In Russ)].
- Радина, Н. К. (2018) 'Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях', *Полис. Политическая экспертиза*, 18(4), сс. 101–112. [Radina, N. K. (2018) 'Digital political mobilization of online commentators of materials of mass media about politics and international relations', *Polis. Political Expertise*, 18(4), pp. 101–112. (In Russ)].

- тические исследования, 2, сс. 115–129.
- [Radina, N. K. (2018) 'Digital Political Mobilization of Online Commenters on Publications about Politics and International Relations' [Cifrovaya politicheskaya mobilizatsiya onlajn-kommentatorov materialov SMI o politike i mezhdunarodny`x otnosheniyax], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 115–129. (In Russ)].
- Сушко, В. А. (2018) 'Сетевой подход и социометрические исследования: методологические основания и практика использования', *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2(50), сс. 98–108. [Sushko, V. A. (2018) 'Network approach and sociometric studies: methodological grounds and application practice'. [Setevoy podxod i sociometricheskie issledovaniya: metodologicheskie osnovaniya i praktika ispol'zovaniya], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki*, 2(50), pp. 98–108. (In Russ)].
- Товмасын, Н. Т. (2017) 'Публичная сфера: контуры теоретического образа', *Идеи и Идеалы*, 3(33), сс. 53–64. [Tovmasyan, N. T. (2017) 'Public sphere: the outline of theoretical image' [Publichnaya sfera: kontury` teoreticheskogo obraza], *Idei i Idealy*, 3(33), pp. 53–64. (In Russ)].
- Хабермас, Ю. (2016) *Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества*. М.: Весь Мир. 344 с. [Habermas, Y. (2016) *Structural change in the public sphere: research on the category of bourgeois society* [Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery`: issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva], Moscow: Ves' Mir. 344 P. (In Russ)].
- Эшонкулов, Х. И. (2021) 'Проблемы автоматизированного сбора информации', *Вестник науки и образования*, 11-2(114), сс. 38–41. [Eshonkulov, H. I. (2021) 'Problems of automated information collection' [Problemy` avtomatizirovannogo sbora informacii], *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 11-2(114), pp. 38–41. (In Russ)].
- Cervi, L., Tejedor, S., Marín Lladó, C. (2021) 'TikTok and the new language of political communication: the case of Podemos', *Cultura, Lenguaje y Representación*, V. XXVI, pp. 267–287.
- Deutsch, K. W. (1961) 'Social Mobilization and Political Development', *The American Political Science Review*, 55(3), pp. 493–514.
- Fan, X., Luo, J., Wang, X. (2023) 'Understanding TikTok Usage: Communication Strategy of ByteDance Based on the Background of New Media B', *Proceedings of the 2022 4th International Conference on Literature, Art and Human Development*, pp. 226–236.
- Gray, J. E. (2021) 'The geopolitics of "platforms": the TikTok challenge', *Internet Policy Review*, 10(2), pp. 1–26.
- Guinaudeau, B., Votta, F., Munger, K. (2022) 'Fifteen Seconds of Fame: TikTok and the Supply Side of Social Video', *Computational communication research*, 4.2, pp. 463–485.
- Habermas, J. (2022) 'Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Berlin: Suhrkamp'. 108 p. (In German).
- Kharel, A. B. (2024) 'Cyber-Politics: Social Media's Influence on Political Mobilization', *Journal of Political Science*, 24(1), pp. 103–115.
- Ren, Yu., Qi, W., Fan, M. (2021) 'The Development of Tik Tok's Global Market. Advances in Economics, Business and Management Research', *Proceedings of the 2021 3rd International Conference on Economic Management and Cultural Industry*, 203, pp. 2779–2784.
- Smith, N., Waters, C. (2019) 'Variation and change in a specialized register: A comparison of random and sociolinguistic sampling outcomes in Desert Island Discs', *International Journal of Corpus Linguistics*, 24(2), pp. 169–201.
- Sun, L., Zhang, S., Zhang, H., Luo, J. (2020) 'Content-based Analysis of the Cultural Differences between TikTok and Douyin', *IEEE International Conference on Big Data*, pp. 4779–4786.
- Xu, L. Yan, X., Zhang, Z. (2019) 'Research on the Causes of the "TikTok" App Becoming Popular and the Existing Problems', *Journal of Advanced Management Science*, 7(2), pp. 59–63.
- Yang, Sh., Zhao, Yu., Ma, Y. (2019) 'Analysis of the Reasons and Development of Short Video Application – Taking Tik ok as an Example', *Proceedings of the 9th International Conference on Information and Social Science*, pp. 340–343.

Статья поступила в редакцию: 28.05.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

POLITICAL MOBILIZATION ON TikTok: RUSSIAN-SPEAKING USERS BEFORE AND DURING THE SPECIAL MILITARY OPERATION

N. Radina, A. Khomenko

Nadezhda Radina, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia, senior research fellow, Laboratory of Theory and Practice of Decision-Making Support Systems, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: rasv@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-8336-1044. ResearcherID: L-6641-2015).

Anna Khomenko, Candidate of Sci. (PhD), senior research fellow, Centre for Language and Brain Studies, research fellow, Laboratory of Theory and Practice of Decision-Making Support Systems, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: akhomenko@hse.ru (ORCID: 0000-0003-3564-6293. ResearcherID: U-4488-2017).

Abstract

This research examines changes in TikTok content following the start of the Russian Federation's special military operation and the platform's blockade in Russia, suggesting that these events created "mobilization conditions" that led to increased politicization of Russian-speaking content. The study analyzed videos and their metadata, including hashtags, using two datasets: one from the period before the special military operation (244 hashtags, 19 thematic groups, 2,520 videos) and one from after (187 hashtags, 17 groups, 851 videos). The Russian-language segment of TikTok contained political content even before the special military operation, including videos on democracy issues, elections, actions by opposition forces, etc. After the start of the special military operation, most highly viewed and liked videos in the Russian-language TikTok segment analyzed focused on political issues, primarily military. The researchers associate the obtained results with changes in the everyday life of Russian TikTok users: the videos reflect relevant issues. Another explanation for the politicization of video content may be connected with the change in users structure in blocked TikTok: tools for bypassing the blocking were used specifically by those TikTokers who were ready to promote their civic position on the Internet.

Keywords: social media; TikTok; political mobilization; digital processing; participation.

Financial support: This work was supported by the Russian Science Foundation under grant no. 24-28-00204, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00204/>.

УДК-323:316.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-51-60

СТЕРЕОТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА СМОЛЕНЩИНЫ КАК ЦЕНТРА ЗАПАДНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ

В. В. Двойнев, О. А. Кажанов, Е. Е. Сухова

Двойнев Василий Владиславович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и философии,

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

E-mail: vassilidvoinev@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8931-3382. ResearcherID: DMBG-5623-2025).

Кажанов Олег Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и философии,

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

E-mail: kazhanov@bk.ru (ORCID: 0009-0008-1107-3391. ResearcherID: HTN-7245-2023).

Сухова Елена Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета,

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.

E-mail: elena-suchova@mail.ru (ORCID: 0000-0003-1351-5479. ResearcherID: A-8983-2016).

Аннотация

Статья представляет результаты социологического исследования политического сознания и поведения студенческой молодежи Смоленской области, выявленных в ходе определения ее ценностных ориентаций, установок, а также мотивов выражения гражданской позиции. Специфика объекта исследования обусловлена особым географическим положением региона на западной границе Российской Федерации, которая в контексте современной политической науки может рассматриваться в качестве «фронта», и оказывает влияние на отношение к власти, жизненные стратегии молодежи, вовлеченность студенчества в различные политические процессы. Реализованная в рамках исследования выборочная совокупность является репрезентативной. Полученная социологическая информация сравнивалась с результатами более ранних исследований, проведенных в регионе, а также с данными серии общероссийских опросов. Согласно полученным данным, в целом политические ценности и установки студенчества Смоленщины как центра западного приграничья укладываются в общероссийские тренды политического сознания и поведения молодежи. Вместе с тем выявлены и описаны специфичные черты, отличающие в этом плане установки и мотивы поведения смоленских студентов от общероссийских показателей. Анализ политических стереотипов позволил дать типологическую характеристику политико-культурной идентичности смоленского студенчества.

Ключевые слова: студенчество; политическое сознание; политическое поведение; приграничные регионы России; Смоленщина.

Введение и постановка проблемы

Своеобразие современного политического процесса заключается в усложнении задач, которые необходимо решать российскому обществу и государству. Радикальная трансформация традиционного миропорядка сопровождается усугублением социальных противоречий, обострением различных конфликтов вплоть до крайних форм проявления, что бросает вызов политической стабильности в стране, испытывает на прочность занимаемые ею позиции на международной арене. Существенную роль в решении стоящих перед Россией проблем играет молодежь как особая социально-демографическая группа. Такие качества, как мобильность, инициативность, восприимчивость к инновационным изменениям, способность противодействовать негативным вызовам, позволяют видеть

в этой части населения потенциальную силу, способную не только определять перспективы развития страны в будущем, но и выступать органичной частью современного общества, влияя на его состояние (Попов, 2022: 30). Отдельной частью этой социально-возрастной группы является студенческая молодежь. Она выступает как важный источник пополнения интеллигенции, представители которой играют существенную роль в социальном развитии страны. Молодые люди, получающие высшее образование, чувствуют потребность и осознают свои возможности играть активную роль в социальной, экономической и других сферах жизни общества и государства, а также являются «основным интересантом модернизации всех сфер общественной жизни, ищут новые смыслы в глобальном мире» (Рас-торгуев, 2023: 127). Не является исключением и сфера властных отношений.

Молодежь, в том числе и студенчество, – предмет пристального внимания действующей российской власти, стремящейся добиться ее лояльности. Так, выступая на XX съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» 19 июня 2021 года Президент РФ В.В. Путин акцентировал внимание на том, что «...лидерство политической силы в огромной степени зависит от того, насколько ее программа, программа партии, насколько ее дела привлекательны, интересны, полезны для молодежи, созвучны ее устремлениям»¹. Интерес государства вызывает и высшая школа как важный институт гражданско-правовой социализации личности, способный содействовать становлению молодежи в качестве субъекта политических отношений, способного делать сознательный политический выбор и нести за него ответственность (Островкин, Сандлер, 2024: 72–74).

Разобраться в особенностях политического сознания и поведения современного студенчества позволяет изучение ценностей и установок этой части российской молодежи. Мы исходим из того, что политическое сознание и поведение являются элементами политической культуры как системы исторически сложившихся, относительно устойчивых политических ориентаций и моделей политического поведения, на основе которых строится поведение индивидов и групп. Оно основывается на психологическом понимании структуры политической культуры, включающей в себя существующие в сознании граждан ценности, представления, образы и обусловленные ими поведенческие ориентации и особенности политической активности людей, а также акцентирует внимание на ее исторической детерминированности (Евгеньева и др., 2021: 64). Такой подход позволяет выявить специфические черты политического сознания и поведения студенчества, типологические модели вовлеченности представителей этого отряда отечественной молодежи в политические процессы, анализировать их динамику.

Политическая культура в целом и политическая культура студентов России в частности являются объектом исследования многих социально-гуманитарных наук (политических, культурологических, педагогических, психологических и т.д.) (Рылкина, 2009: 168–172; Гребенникова, 2021: 128–136; Селезнева, 2022; Воробьев и др., 2021: 162–171; Слабая, 2023: 40–47; Бугайчук, Коряковцева, 2023: 33–51). Возрастает и роль социологических, а точнее – политико-социологических, исследований в этой объектной сфере. Методология социологических исследований концепта политической культуры определяется рядом принципов. Во-первых, политическая культура представляет собой фактор, определяющий характер и направленность социальных действий индивида. Во-вторых, политическая культура интересна как детерминанта лишь тех социальных действий, которые индивиды совершают в сфере распределения и реализации политической власти. В-третьих, политическая культура понимается именно как внеприродная детерминанта социальных действий (Руденкин, 2015: 26–29). Другими словами, в рамках данного научного подхода исследователь анализирует воздействие социальных факторов на характер политического сознания и поведения представителей российского студенчества.

В то же время в современных отечественных исследованиях наблюдается устойчивый научный интерес к проблематике приграничных территорий, что обусловлено тенденциями государственного и межкультурного взаимодействия (Симонян, 2018: 82–89). Сочетание общего и особенного в развитии таких территорий сказывается и на специфике политико-культурных реалий населения, в том числе студенческой молодежи. Здесь мы исходили из того, что приграничный регион представляет собой «единицу культурного пространства страны», а региональная культура (в том числе политическая) выступает «как своеобразный вариант национальной культуры», характеризующийся «осознанием “связи с местом”, восприятием конкретной территории как “своей родины” и ощущением жителями региона собственной значимости, стремлением, не представляя себя вне “большого целого”, влиять на судьбу “целого”» (Пылкова, 2004: 13–14).

¹ Официальные сетевые ресурсы Президента России. События (2023) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65886> (дата обращения: 05.10.2024).

Смоленская область – центр западного приграничья страны, который, с одной стороны, соседствует с рядом областей Республики Беларусь, с другой – расположен относительно недалеко от столицы России. Это обуславливает специфику миграционных процессов в регионе: основной отток населения осуществляется в Москву и Московскую область, а прибывают на постоянное место жительства в большей степени иммигранты из Белоруссии. Удобное географическое расположение регионального центра в условиях усиливающихся государственных и межкультурных взаимодействий России и Белоруссии делает Смоленск потенциальным претендентом на статус столицы Союзного государства. Данный факт подтверждает описанную в работе А.А. Пылковой картину: «границы приходят в движение, когда они становятся мобильными», в свою очередь, «граница в движении становится переходной областью – “фронтиром”, а взаимодействующие объекты выступают основными агентами фронтира», таким образом, российско-белорусскую границу в районе Смоленской области можно назвать «фронтиром благодаря связям с другими регионами и вовлеченности в различного рода транснациональные группировки» (Пылкова, 2004: 20).

Вместе с тем в социально-экономическом плане Смоленщина – дотационный регион, развитие которого сильно зависит от помощи федерального центра, а политика региональной власти во многом ориентирована на установление и развитие тесных управленческих взаимосвязей с российской государственной властью. В этом плане изучение политического сознания и поведения смоленского студенчества, несомненно, обладает определенной актуальностью, тем более что серьезных научных исследований этой проблемы нам найти не удалось.

Эмпирическая база и методика исследования

Эмпирической базой исследования являются результаты опроса студентов смоленских вузов, проведенного в апреле – мае 2023 года в рамках всероссийской серии опросов Центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН, направленных на изучение жизненного мира, социальных и политических ориентаций студенческой молодежи «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», под руководством Н.М. Великой. Цель настоящего исследования – проанализировать особенности политического сознания и поведения смоленского студенчества, дав типологическую характеристику этих явлений. Использовалась многоступенчатая квотная выборка по полу, возрасту, уровню получаемого образования и направления подготовки высшего образования. Расчет выборочной совокупности осуществлялся с целью достижения репрезентативности по отношению к генеральной совокупности и ее характеристикам. Всего в исследовании приняли участие 239 студентов смоленских вузов.

Результаты

Политическое сознание смоленского студенчества раскрывается путем определения места политических установок в системе ценностных ориентаций и жизненных стратегий опрошенных. Согласно полученным данным, власть, возможность организовывать работу, распоряжаться и управлять другими и связанное с этим достижение высокой должности оказались в иерархии ценностных ориентаций на самом последнем месте (средний балл – 3,1)². Первостепенное значение, наряду с традиционными для молодежи ценностями, связанными с ближним окружением (семья, друзья) и материальным благополучием, имеют психологический комфорт и саморазвитие. Наиболее высокий средний балл среди жизненных приоритетов получили устойчивость семьи и эмоциональная связь с ее членами (средний балл – 4,1), наличие своего круга общения, друзей, с которыми можно проводить свободное время (4,0 баллов), интересная работа (4,0 баллов), материальный достаток (4,0 баллов), а также личный покой, отсутствие волнений, неприятностей и обязательств (4,0 баллов). Выявленные доминанты тесно связаны и, судя по всему, основываются на стремлении молодежи получить качественное образование, стать профессионалами, обрести самостоятельность и независимость, а также жить в соответствии со своими принципами (средний балл соответственно равен по 3,9).

Вышеописанная значимость власти как стремления навязывать другим свою волю прослеживается и при определении ценностной структуры успеха. Средние оценки ответов респондентов показывают, что студенты не только не связывают достижение высоких результатов и их признание с властью, фактически закрепив ее на последней позиции в ценностной структуре успеха, но и ставят власть на один уровень с везением / удачей / счастливым случаем (соответственно по 3,4 балла).

² Здесь и далее: оценка осуществлялась по 5-балльной шкале.

Более того, при ранжировании развернутого перечня ответов на вопрос о том, что делает молодых людей счастливыми, установлено, что власть среди всех составляющих счастья оказалась на самом последнем месте: только 5,9 % опрошенных отметили ее в своих ответах, т.е. власть не является для молодежи фактором достижения успеха и благополучия. В целом же субъективное благополучие студентов обусловлено в первую очередь такими ценностями, как семья (50,6 % ответов), любовь (48,5 %), самостоятельность (46,0 %), здоровье и удовольствия (соответственно по 41,0 %). При этом наличие друзей (39,3 %), материальный достаток (37,7 %), интересный досуг (36,4 %), гармония и взаимопонимание (34,4 %), успехи в профессии (30,5 %) уходят на второй план.

В свою очередь, образ желаемого будущего обучающихся в смоленских вузах складывается прежде всего из материального благополучия (51,1 % ответов), которое респонденты связывают с наличием постоянной работы (49,8 %) и необходимостью занять прочное профессиональное положение (40,6 %). При этом заключение брака, регистрация собственной фирмы и занятие руководящей должности отодвигаются в жизненных стратегиях студенчества на второй план (соответственно 27,6; 22,6 и 19,3 %), что может быть связано не столько с их меньшей значимостью, сколько с более отдаленной перспективой достижения таких целей. Доля тех, кто связывает свое будущее с властью, невысока, причем возможность занять высокое положение в структуре государственной власти оказалась более привлекательной по сравнению с местной, а также перспективой проявить себя в политике, деятельности политических партий / общественных организаций (11,5 % опрошенных против соответственно 4,6 и 6,7 %). Таким образом, доминирующие жизненные стратегии студенчества практически никак не связаны с политической деятельностью.

Сравнение иерархии приоритетов в целеполагании учащейся молодежи, выявленной в нашем исследовании, с результатами опроса смоленского студенчества в 2016 году показывает, что как в ценностных ориентациях, так и в образе желаемого будущего сохраняется некая политическая индифферентность студенчества Смоленщины: по данным опроса в 2016 году, доля респондентов, выразивших намерение реализовать себя в общественной и политической сферах была также минимальна (3,6 %). Вместе с тем зафиксировано смещение доминанты с создания семьи и воспитания детей (65,6 % опрошенных в 2016 году) в пользу материального благополучия (51,1 % респондентов в 2023 году), которое рассматривается уже как некий результат профессиональной деятельности (Егоров, Сухова, 2016: 52–58).

Немногим более половины смоленских студентов, принявших участие в исследовании, называют Россию своей родиной, независимо от того, где жить лучше (51,5 %). Более одной десятой опрошенных хотели бы считать Россию своей родиной, при условии что жить в ней будет лучше, чем в других странах (12,6 %). Почти одна пятая респондентов придерживается мнения, что родина находится там, где комфортно и хорошо жить, а не там, где родился (18,4 %). Здесь обращает на себя внимание несколько более прагматичное отношение к родине смоленских студентов по сравнению с данными общероссийского опроса, где доля сторонников безусловной любви выше (60,6 %), а условной – ниже (7,6 %) при одинаковых значениях иждивенческого отношения к родине (17,0 %) (Сащенко, 2024: 159–160). Вместе с тем в исследовании, проведенном в Республиках Башкортостан, Татарстан, Алтайском крае и Белгородской области в 2020 году, «конструирование концепта “Родина” через призму индивидуальных интересов и потребностей» было характерно почти для каждого третьего опрошенного (Поколение Z, 2021: 119–120). Снижение этого показателя к 2023 году может объясняться изменением геополитической и внутривнутриполитической ситуации (Соснов, Завирюхин, 2023: 56).

Оценка респондентами событий и явлений внешней и внутренней политики, вызывающих беспокойство и тревогу, показала следующие результаты. Политические процессы, такие как деятельность «пятой колонны» (средний балл оценок – 3,0) и распространение политического / религиозного экстремизма (3,2 баллов), гораздо в меньшей степени вызывают беспокойство у студентов по сравнению с высоким уровнем коррупции, бюрократии (3,6 баллов) и ограничением прав и свобод, включая свободу слова (3,5 баллов). При этом наиболее высокий уровень тревожности обусловлен экономическими проблемами, в частности ростом цен на товары и услуги (3,8 баллов), проведением специальной военной операции (3,6 баллов) и сопутствующими ей мобилизацией (3,7 баллов) и высоким уровнем террористической опасности (3,6 баллов). Наряду с этими событиями, озабоченность молодежи вызывают и социальные проблемы, как то: невозможность получения квалифицированной медицинской помощи (3,6 баллов), проблемы трудоустройства и ухудшения экологической обстановки (по 3,5 баллов).

Проблемное поле ограничения политических прав и свобод приобретает более четкие очертания при оценке выполнения государством обязанностей по гарантии различных видов прав и свобод граждан. Наиболее низкий средний балл здесь получили свобода СМИ (средний балл – 2,9), свобода мысли и слова (3,0 балла), свобода политического выбора, равенство перед законом и судом (по 3,1 балла) и право на свободу собраний (3,2 балла). Наряду с этим, достаточно высокую оценку получили защита государством материнства и детства, а также право на выбор профессии (по 3,7 баллов), право на получение информации и право на отдых (по 3,6 баллов). Несмотря на достаточно высокий уровень тревожности по поводу коррупции, бюрократии и обозначенных выше ограничений политических прав и свобод, доля радикально настроенной молодежи невысока: только 9,0 % опрошенных смолян не устраивает политическая система нашего общества; 42,0 % респондентов, признавая наличие ее недостатков, убеждены в том, что их можно устранить путем постепенных реформ, а каждого пятого опрошенного политическая система в нашей стране полностью устраивает (20,0 %). Таким образом, у смолян зафиксировано более сдержанное отношение к политической системе, чем в целом по стране (в общероссийском исследовании 16, 50 и 20 % соответственно) (Как живешь, Россия?, 2023: 11–12). В доминантах тревожности так же, как и в вышеописанных характеристиках российской идентичности, прослеживается ориентация студенчества на благоприятные условия жизни.

Представления смоленских студентов о политическом устройстве нашей страны следующие: три четвертых опрошенных убеждены в том, что России нужны твердая рука и порядок (75,3 %) при наличии политических свобод и демократии (73,6 %), а также многопартийность (65,7 %) и независимая оппозиция как неперемненное условие развития политической демократической системы (59,4 %). Более того, присутствует довольно ярко выраженный политический скептицизм: практически каждый второй участник опроса полагает, что не важно, какая партия приходит к власти: для простого человека все равно ничего не изменится (47,3 %). Причем более половины респондентов считают, что при всех недостатках нынешнюю власть следует поддерживать (63,2 %), что страна больше нуждается в стабильности, чем в переменах (59,0 %).

Мнение большинства опрошенных относительно того, что России нужна твердая рука, проявляется и в степени доверия к действующим в стране институтам власти и общественным структурам: наиболее высокий уровень доверия зафиксирован к президенту РФ и армии (соответственно 56,1 и 52,3 %). Наиболее важными ценностями в сфере государственной политики, по мнению смоленских студентов, должны стать права человека, справедливость и свобода. При этом студенческая молодежь пока не сформировала четкого отношения к форме государственного правления, колеблясь между парламентской (39,3 %) и президентской (23,8 %) республиками.

Оценивая социально-экономические, политические и культурные трансформации в России за последние тридцать лет, студенты смоленских вузов задали направления основным процессам социальных изменений. Большинство респондентов уверены в том, что изменения однозначно в лучшую сторону происходят лишь в области разработки отечественных технологий (60,9 %). Согласно данным общероссийского опроса, позитивные сдвиги в технологическом развитии страны ощутимы для 68 % студентов (Там же: 51), что также может быть связано с неравномерностью развития территорий. Относительно развития других сфер жизни и социальных институтов российского общества у смолян единого мнения не сложилось. Примерно равные доли опрошенных демонстрируют прямо противоположные точки зрения: одна часть респондентов считает, что экономический потенциал страны меняется в лучшую сторону (34,1 %), в то время как другие утверждают обратное (36,3 %). Выявленные расхождения во мнениях смоленского студенчества (для сравнения: по данным общероссийского опроса, 49 % опрошенных наблюдают положительную динамику, а 24 % – отрицательную (Там же)) могут объясняться тем, что респонденты при ответе на этот вопрос могли оценивать ситуацию в стране через призму домашнего региона, который, с одной стороны, демонстрирует признаки роста, а с другой стороны, постоянно сравнивается местными жителями с соседней московской агломерацией, которая занимает лидирующие позиции и продолжает весьма успешно развиваться.

Отношение смоленского студенчества к политическому будущему России оказалось крайне неоднозначным: 38,1 % видят ее в нынешних границах, 31,0 % считают, что вокруг России рано или поздно начнется объединение народов. Вместе с тем здесь выявлена более сдержанная позиция относительно приращения территорий по сравнению с общероссийскими данными, где такого мнения придерживается 43 % респондентов студентов (Там же: 58). Доля тех, кто предполагает распад России как государства, незначительна – 3,3 %, что соответствует общероссийским данным.

Большинство студентов смоленских вузов уверены в том, что России необходима общенациональная идея, которая сплотила бы граждан страны, независимо от их национальности, вероисповедания, социального статуса и достатка (61,5 %), и только 14,6 % респондентов считают, что в такой идее нет необходимости. В качестве такой общенациональной идеи участники исследования чаще всего называли идею единения народов России в целях возрождения страны как великой державы (31,8 %). Второй по популярности стала идея правового государства и равенства всех граждан перед законом (24,7 %). Идея внутренней солидарности оказалась очень близка смоленскому студенчеству. Большинство респондентов (80 %) считают, что все народы России должны обладать равными правами и никто не должен иметь никаких преимуществ, однако многие из них (61,5 %) признают также, что в такой многонациональной стране, как Россия, коренные и малые народы могут рассчитывать на дополнительные меры поддержки.

Размышляя о наиболее приемлемом для страны пути развития, респонденты высказывали различные точки зрения. Более четверти участников опроса считают, что это должен быть особый путь (27,6 %), около одной пятой выступили за формирование в стране социально-ориентированной экономики (18,0 %). Еще две примерно равные группы респондентов вступили в противостояние, где одни ратуют за создание рыночной экономической системы (14,2 %), а их оппоненты настаивают на построении экономики с преобладанием государственных форм собственности (14,6 %). Примечательно, что четверть опрошенных пока не сформировала для себя четких представлений о том, в каком направлении должна развиваться страна (25,6 %).

Политическая незрелость и индифферентность проявляются не только в политических представлениях, оценках и установках молодежи, но и в ее политическом поведении. Однако, прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению стереотипов политического поведения смоленского студенчества, стоит отдельно остановиться на ее идеологических и партийных предпочтениях. Результаты нашего исследования показывают, что весомая доля опрошенных (43,1 %) не имеет каких-либо устойчивых политических взглядов. При этом более четверти респондентов определили свои политические взгляды как демократические (28,9 %); незначительна доля тех, кто придерживается либеральных и консервативных установок (соответственно 8,4 и 7,5 %).

Политические взгляды и вовлеченность опрошенных в деятельность политических партий демонстрируют не только крайне слабый интерес студенческой молодежи к политике, но и ярко выраженную партийную индифферентность: практически три четвертых опрошенных (72,0 %) вообще не ассоциируют себя с какой-либо политической партией. В то же время не наблюдается и радикализма, а среди политически активных опрошенных доминируют приверженцы доминирующей политической партии. Сторонниками «Единой России» являются 17,2 % опрошенных; 4,6 % – ЛДПР; 2,1 % – партии «Новые люди»; 1,7 % – КПРФ. Вовлеченность респондентов в деятельность иных партий незначима и сводится к единичным случаям.

Политическая активность молодежи выявлена только в индивидуальной форме ее проявления, такой как выборы, в которые в разной степени вовлечено около половины опрошенных студентов (52,7 %), в то время как деятельность в политической партии и участие в проведении избирательных кампаний не свойственны молодежи (соответственно 78,7 и 72,4 % респондентов не имеют такого опыта). Политическая пассивность студенчества зафиксирована и в рамках общероссийского опроса, который показал, что регулярное участие учащейся молодежи в вышеописанных формах гражданской активности составляет менее 14 % (Сащенко, 2024: 167).

Среди причин участия студентов в выборах – намерение поддержать понравившихся кандидатов (20,5 %), одну из партий (12,6 %) или власть в целом (9,2 %). Активную позицию занимают только 12,1 % студентов, которые участвовали в выборах для того, чтобы выразить свое отношение к происходящему в стране, а в целом по стране этот показатель оказался выше – 20 % (Там же).

Гражданская активность обучающихся значительно более выражена по сравнению с политической, причем проявляется она преимущественно в тех формах, которые напрямую связаны с университетской деятельностью и студенческой жизнью. Практически каждый второй опрошенный на регулярной основе или время от времени принимает участие в волонтерской работе (59,0 %), благотворительных акциях (47,3 %) и таких массовых мероприятиях, как олимпиады, универсиады, городские праздники и т.п. (46,9 %). В готовности к защите своих интересов также проявляется политическая пассивность учащихся. В частности, обратиться к власти через Интернет и подписать обращение готовы только 8,8 и 5,4 % смолян, а в целом по России этот показатель выше – соответственно 15 и 23 %. Доля же тех, кто готов к участию в активных формах протестного поведения, среди смолян ничтожно мала: 2,1 % из них могут принять участие в забастовках, акциях протеста; 1,7 % – выйти на

митинг или демонстрацию, а в целом по стране она выше и равна соответственно 8 и 7 % (Как живешь, Россия?, 2023: 58). Причем связано это как с общей неготовностью смоленских студентов отстаивать свои интересы (30,1 % смолян и 18 % в целом по стране), так и с более лояльным отношением к власти, проявляющимся в их уверенности в защите своих прав (31,8 % смолян и 19 % в целом по стране) (Там же: 68).

Выводы

Анализ результатов проведенного социологического исследования позволяет заключить, что система стереотипов политического сознания и поведения учащихся вузов Смоленщины развивается в общем русле политико-культурной идентичности российского студенчества. Как в стране, так и в регионе прослеживается переход от традиционалистской (этатистской) к индивидуалистической модели, что выражается в сочетании элементов патернализма и жизненного прагматизма. Учащаяся молодежь признает ведущую роль государства в регулировании общественной жизни, формирует ориентации на политический конформизм, в то же время отказываясь от ценностей социального иждивенчества, рассматривая политику как рынок конкурирующих индивидуальных интересов, сосредотачиваясь на решении частных проблем в ущерб общезначимым интересам. Наблюдается определенная «размытость» в оценке студентами реальных и перспективных политических процессов, характерных для страны.

В то же время региональные особенности Смоленщины формируют определенную специфику политико-культурной идентичности студенческой молодежи по отношению к общероссийским тенденциям. Приграничный характер территории, близость такого мегаполиса, как Москва, дотационное положение области и ряд других характеристик сказываются на формировании ценностных ориентаций и настроений в политике, уровня доверия к политическим институтам, мотивов политического поведения. В частности, специфичным для молодежи смоленского приграничья является гораздо более прагматичное восприятие родины. При этом, в отличие от общероссийской картины, где имеет место выявленная Н.П. Сашенко зависимость потребительского отношения к родине от эмиграционных настроений молодежи (Сашенко, 2024: 160), мотивация смоленских студентов имеет, на наш взгляд, несколько иную направленность. В небескорыстном принятии России прослеживается не столько ее отрицание, проявляющееся в виде стремления покинуть страну и реализоваться за ее пределами, сколько потребность в более благоприятных условиях внутри России, которые ассоциируются преимущественно с российскими мегаполисами, предлагающими более высокое качество жизни по сравнению с домашним регионом, тем более что пример соседней Республики Беларусь демонстрирует возможность более равновесного социально-экономического развития центра и периферии.

По сравнению с общероссийскими трендами политического поведения молодежи смоленское студенчество характеризуется гораздо более выраженной гражданской пассивностью и общей неготовностью отстаивать свои интересы. Такая ситуация обусловлена более лояльным отношением студентов западного приграничья к власти, на которую возлагаются надежды на позитивные сдвиги в социально-экономическом развитии Смоленщины, с одной стороны, и миграционными планами переезда в более экономически благоприятные регионы России тех, кто не готов ждать и рассчитывает прежде всего на себя, с другой стороны.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реалии существующей политической культуры смоленского студенчества далеки от формирования гражданской модели консенсусного типа. Эта модель предполагает преодоление отчуждения гражданина от власти и управления, ориентирует его на активное участие в политической и общественной деятельности в рамках существующего правового поля. Для решения этой задачи необходима активизация участия властных структур, общественно-политических объединений, административных органов вузов региона в процессе политической социализации учащейся молодежи, интеграция их действий в рамках политического просвещения, вовлечения в политическую деятельность представителей будущей интеллигенции.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследования Центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Руководитель проекта – доктор политических наук Н. М. Великая.

Список литературы / References

- Бугайчук, Т. В., Коряковцева, О. А. (2023) 'Проблемные аспекты формирования гражданской идентичности (на примере студенческой молодежи Ярославской области)', *Среднерусский вестник общественных наук*, 3, сс. 33–51. [Bugajchuk, T. V., Koryakovceva, O. A. (2023) 'Problematic aspects of the formation of civil identity (on the example of student youth of the Yaroslavl region)' [Problemnye aspekty formirovaniya grazhdanskoj identichnosti (na primere studencheskoj molodezhi YAroslavskoj oblasti)], *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 3, pp. 33–51. (In Russ.)].
- Воробьев, А. П., Константинова, М. В., Еременко, М. С. (2021) 'Политическая культура молодежи: гражданственность в политическом сознании и поведении', *Вестник Томского государственного университета, Философия. Социология. Политология*, 63, сс. 162–171. [Vorob'ev, A. P., Konstantinova, M. V., Eremenko, M. S. (2021) 'Political culture of youth: citizenship in political consciousness and behavior' [Politicheskaya kul'tura molodezhi: grazhdanstvennost' v politicheskom soznanii i povedenii]', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 63, pp. 162–171. (In Russ.)].
- Гребенникова, В. М., Мальков, А. А., Ус, О. А. (2021) 'Образовательные институты в формировании политической культуры и гражданских ценностей современной Российской молодежи: роль и значение', *ЦИТИСЭ*, 3, сс. 128–136. [Grebennikova, V. M., Mal'kov A. A., Us, O. A. (2021) 'Educational institutions in the formation of political culture and civic values of modern Russian youth: role and significance' [Obrazovatel'nye instituty v formirovanii politicheskoy kul'tury i grazhdanskih cennostej sovremennoj Rossijskoj molodezhi: rol' i znachenie], *CITISE*, 3, pp. 128–136. (In Russ.)].
- Евгеньева, Т. В., Антонов, Д. Е., Селезнева, А. В. (2021) 'Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты', *Гуманитарные науки, Вестник Финансового университета*, 2, сс. 63–71. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71>. [Evgen'eva, T. V., Antonov, D. E., Selezneva, A. V. (2021) 'Political culture of Russian student youth: value, figurative-symbolic and behavioral aspects' [Politicheskaja kul'tura rossijskoj studencheskoj molodezhi: cennostnye, obrazno-simvolicheskie i povedencheskie aspekty], *Gumanitarnye nauki, Vestnik Finansovogo universiteta*, 2, pp. 63–71. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71>. (In Russ.)].
- Егоров, А. Г., Сухова, Е. Е. (2016) 'Ценностные ориентиры российского и белорусского студенчества', *Социальные трансформации*, 26, сс. 52–58. [Egorov, A. G., Suhova, E. E. (2016) 'Value orientations of Russian and Belarusian students' [Cennostnye orientiry rossijskogo i belorusskogo studenchestva], *Social'nye transformacii*, 26, pp. 52–58. (In Russ.)].
- Как живешь, Россия? (2023), 91 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023. [How are you, Russia? (2023) [Kak zhivesh', Rossiya?], 91 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023. (In Russ.)].
- Островкин, Д. Л., Сандлер, Д. Г. (2024) 'Молодежная политика и ее роль в стратегическом развитии университета', *Вестник Московского университета, Серия 21, Управление (государство и общество)*, 4, сс. 70–92. [Ostrovkin, D. L., Sandler, D. G. (2024) 'Youth policy and its role in the strategic development of the university' [Molodezhnaya politika i ee rol' v strategicheskom razvitii universiteta], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 21, Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 4, pp. 70–92. (In Russ.)].
- Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения (2021), Уфа, 228 с. DOI 10.14258/genz.2021. [Generation Z: Diversity of Identities, Orientations, Behavior (2021) [Pokolenie Z: mnogoobrazie identichnostej, orientacij, povedeniya], Ufa, 228 p. DOI 10.14258/genz.2021. (In Russ.)].
- Попов, П. В. (2022) 'Политическая активность молодежи в современной России', *Проблемы национальной стратегии*, 3, сс. 28–46. [Popov, P. V. (2022) 'Political activity of youth in modern Russia' [Politicheskaya aktivnost' molodyozhi v

- sovremennoj Rossii], *Problemy nacional'noj strategii*, 3, pp. 28–46. (In Russ.).
- Пылкова, А. А. (2004) 'Приграничье как феномен культуры (на примере Дальнего Востока России): специальность 24.00.01 "Теория и история культуры": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии', 26 с. <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002849684?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 23.05.2025). [Pyolkova, A. A. (2004) 'Borderland as a cultural phenomenon (using the Russian Far East as an example)' [Prigranich'e kak fenomen kul'tury (na primere Dal'nego Vostoka Rossii)], special'nost' 24.00.01 "Teoriya i istoriya kul'tury": avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii, 26 p. (In Russ.).]
- Расторгуев, С. В. (2023) 'Политическая идентичность и политическая культура современной российской молодежи', *Власть*, 4, сс. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9702>. [Rastorguev, S. V. (2023) 'Political identity and political culture of modern Russian youth' [Politicheskaya identichnost' i politicheskaya kul'tura sovremennoj rossijskoj molodezhi], *Vlast'*, 4, pp. 126–131. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9702>. (In Russ.).]
- Руденкин, Д. В. (2012) 'Концепт политической культуры: основания социологического подхода', *Социум и власть*, 5, сс. 26–29. [Rudenkin, D. V. (2012) 'The concept of political culture: the foundations of the sociological approach' [Koncept politicheskoy kul'tury: osnovaniya sociologicheskogo podhoda], *Socium i vlast'*, 5, pp. 26–29. (In Russ.).]
- Рылкина, А. П. (2009) 'Политическая культура студенческой молодежи России: анализ отечественных диссертационных работ', *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология*, 1, сс. 168–172. [Rylkina, A. P. (2009) 'Political Culture of Russian Student Youth: Analysis of Domestic Dissertations' [Politicheskaja kul'tura studencheskoj molodezhi Rossii: analiz otechestvennyh dissertacionnyh rabot], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologija*, 1, pp. 168–172. (In Russ.).]
- Сащенко, Н. П. (2024) 'Множественная идентичность сквозь призму гражданственности российского студенчества (по итогам социологического исследования)', *PolitBook*, 3, сс. 149–171. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-3-149-171. [Sashchenko, N. P. (2024) 'Multiple Identity through the Prism of Citizenship of Russian Students (Based on the Results of a Sociological Study)' [Mnozhestvennaya identichnost' skvoz' prizmu grazhdanstvennosti rossijskogo studenchestva (po itogam sociologicheskogo issledovaniya)], *PolitBook*, 3, pp. 149–171. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-3-149-171. (In Russ.).]
- Селезнева, А. В. (2022) *Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи*. Москва: Аквилон. 288 с. [Selezneva, A. V. (2022) *Russian youth: a political and psychological portrait against the backdrop of the era* [Rossijskaya molodezh': politiko-psihologicheskij portret na fone epohi]. Moskva: Akvilon. 288 p. (In Russ.).]
- Симонян, Р. Х. (2018) 'Студенческая молодежь приграничных регионов России', *Социологические исследования*, 4, сс. 82–89. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518040098>. [Simonjan, R. H. (2018) 'Student youth of the border regions of Russia' [Studencheskaja molodezh' prigranichnyh regionov Rossii], *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, pp. 82–89. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518040098>. (In Russ.).]
- Слабкая, Д. Н. (2023) 'Особенности политической социализации молодежи России', *Теории и проблемы политических исследований*, 12, сс. 40–47. [Slabkaya, D. N. (2023) 'Peculiarities of political socialization of Russian youth' [Osobennosti politicheskoy socializacii moloezhi Rossii], *Teorii i problemy politicheskix issledovanij*, 12, pp. 40–47. (In Russ.).]
- Сосунов, Д. В., Завирюхин, Д. В. (2023) 'Политическая самоидентификация молодежи в контексте образа будущего России', *Россия и АТР*, 4, сс. 50–63. [Sosunov, D. V., Zaviryuhin, D. V. (2023) 'Political self-identification of youth in the context of the image of the future of Russia' [Politicheskaya samoidentifikacija molodezhi v kontekste obraza budushchego Rossii], *Rossiya i ATR*, 4, pp. 50–63. (In Russ.).]

Статья поступила в редакцию: 07.02.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 28.05.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

STEREOTYPES IN POLITICAL CONSCIOUSNESS AND STUDENT BEHAVIOR IN THE SMOLENSK REGION, RUSSIA'S WESTERN BORDERLAND

V. Dvoinev, O. Kazhanov, E. Sukhova

Vasily Dvoinev, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Philosophy,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia.

E-mail: vassilidvoinev@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8931-3382. ResearcherID: DMBG-5623-2025).

Oleg Kazhanov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Philosophy,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia.

E-mail: kazhanov@bk.ru (ORCID: 0009-0008-1107-3391. ResearcherID: HTN-7245-2023).

Elena Sukhova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Sociology,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia.

E-mail: elena-suchova@mail.ru (ORCID: 0000-0003-1351-5479. ResearcherID: A-8983-2016).

Abstract

The article presents findings from a sociological study on the political consciousness and behavior of student youth in the Smolensk region, focusing on their values, attitudes, and motives for civic engagement. The region's unique location on Russia's western border, viewed as a 'frontier' in modern political science, shapes youth attitudes toward power, life strategies, and political engagement. The sample implemented within the research framework is representative. The sociological data obtained were compared with the results of previous studies conducted in the region, as well as with data from a series of nationwide surveys. According to the data, the political values and attitudes of students in the Smolensk region, situated at the western border, generally align with all-Russian trends in youth political consciousness and behavior. At the same time, specific features that distinguish the attitudes and motives of Smolensk students' behaviour from the all-Russian indicators have been identified and described. The analysis of political stereotypes allowed us to characterize the political and cultural identity of Smolensk students typologically.

Keywords: students; political consciousness; political behavior; border regions of Russia.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the research of the Centre for Political Science 'Students of Russia: civic culture and life strategies'. The project leader is Doctor of Political Sciences, Professor N.M. Velikaya

УДК-324:328

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-61-70

ВЛИЯНИЕ МАССОВОГО РЕДИСТРИКТИНГА НА ДОЛЮ ГОЛОСОВ ЗА ИНКУМБЕНТА НА ВЫБОРАХ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЯ

В. Ю. Девятников

Девятников Вадим Юрьевич, аспирант аспирантской школы по политическим наукам, стажер-исследователь Международного центра изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: vdevyatnikov@hse.ru; vadia-9@yandex.ru (ResearcherID: Y-4839-2018).

Аннотация

Редистриктинг как процесс пересмотра границ избирательных округов может оказывать серьезное влияние на электоральные процессы, в том числе в автократических режимах с электоральными институтами. Так, предметом исследования настоящей статьи стали политические последствия электоральной реформы, проведенной в ряде регионов России за последние несколько лет. С помощью разработанного автором алгоритма по парсингу сайтов в государственной автоматизированной системе (ГАС) «Выборы» были собраны данные о результатах голосования на выборах в региональные законодательные собрания шестнадцати регионов. В этих регионах с 2019 по 2023 год было увеличено количество мандатов, распределяемых по мажоритарной избирательной системе, что потребовало массового редистриктинга для создания новых избирательных округов. Это создало благоприятные условия для изучения политических последствий массового пересмотра границ избирательных округов. С использованием данных о результатах выборов в региональные парламенты удалось оценить степень влияния массового редистриктинга на электоральные результаты инкубентов, которая оказалась статистически значимой, но незначительной и неспособной повлиять на результат выборов, из чего следует, что редистриктинг не оказал заметного влияния на электоральную стабильность инкубентов-парламентариев.

Ключевые слова: редистриктинг; эффект инкубента; электоральные исследования; региональные выборы; электоральная автократия.

Введение

На сегодняшний день большинство недемократических режимов в мире являются режимами с ограниченной электоральной конкуренцией, которые на регулярной основе проводят выборы разных уровней (Miller, 2017). Последние несколько десятилетий исследователи пытаются ответить на вопрос о том, зачем таким режимам нужны выборы? В литературе на этот счет приводится множество гипотез. Некоторые исследователи указывают на то, что электоральные процедуры позволяют повысить стабильность автократий с выборами и увеличить их выживаемость (Geddes, 1999; Gandhi, 2008), также выборы могут использоваться для демонстрации силы инкубента (Boix, Svolik, 2013) и деморализации оппозиции (Simpser, 2005), предотвращения перехода на сторону оппозиции национальных, региональных и местных элит (Gandhi, Lust-Okar, 2009), награждения сторонников выборами должностями (Boix, Svolik, 2008), решения проблемы принципал-агентских отношений (Blaydes, 2008), но все они сходятся на том, что для достижения стабилизационного эффекта необходимо найти баланс между конкурентностью и контролируемостью выборов. Существует много нелегальных инструментов, позволяющих добиться этого баланса, включая преследование оппозиции, создание помех ее работе и даже банальные фальсификации на выборах (Schedler, 2006). Однако некоторые способы нелегальной борьбы создают серьезные риски дестабилизации политической ситуации (Beaulieu, 2014). В этом контексте редистриктинг может оказаться эффективным средством в силу двух причин: во-первых, сам по себе он является легальной процедурой; во-вторых, по большей части сокрыт от глаз рядового избирателя за бюрократией избирательных комиссий (Wong, 2019). Таким образом изучение практик и последствий редистриктинга в электоральных автократиях пред-

ставляет значительный интерес и обещает пролить свет на то, как и насколько успешно электоральные автократии управляют электоральной конкуренцией с помощью этого инструмента.

В текущей статье предпринята попытка оценить влияние редистриктинга на электоральные результаты инкубентов. Для этого используются данные из российских регионов, в которых недавно произошла электоральная реформа, изменившая соотношение мандатов, распределяемых по мажоритарной и пропорциональной системам. В восемнадцати регионах это было достигнуто с помощью увеличения количества одномандатников, что потребовало сформировать новые избирательные округа. Такой массовый пересмотр границ избирательных округов сразу в нескольких регионах за короткий промежуток времени создал массив данных, достаточный для получения оценки влияния редистриктинга на электоральные результаты инкубентов.

Политические последствия редистриктинга

Редистриктинг представляет собой изменение границ избирательных округов. Зачастую это регламентированная соответствующими официальными документами процедура, которая проводится регулярно с целью выравнивания репрезентативности избирательных округов, то есть с целью выравнивания количества избирателей в каждом из них. При этом редистриктинг может использоваться для достижения электоральных целей тем, кто контролирует процесс перенарезки округов. Самый очевидный способ повлиять на результаты выборов посредством редистриктинга – джерримендеринг, то есть преднамеренное и несправедливое манипулирования границами округов в целях предоставления преимущества одному участнику выборов над другим. Существуют два базовых способа добиться снижения доли оппозиционных депутатов в парламенте посредством джерримендеринга: уплотнение (*packing*) и раскол (*cracking*) (Grofman, 1985). Первый из них предполагает формирование избирательных округов преимущественно из территорий, на которых сильные результаты показывают оппозиционные партии и кандидаты. Это приводит к тому, что в этих округах для оппозиции максимизируется доля *wasted votes*, то есть голосов, которые были поданы за оппозиционного кандидата сверх необходимого минимума для победы. Вторая стратегия, наоборот, предполагает распределение симпатизирующих оппозиции территорий по округам с сильными кандидатами от доминирующей партии таким образом, чтобы ни в одном из таких округов оппозиции не удалось избрать своего кандидата. Необязательно, чтобы отвечающие за пересмотр границ избирательных округов официальные лица придерживались лишь одной из этих стратегий, их комбинация может оказаться вполне эффективной.

Но даже при отсутствии целенаправленного джерримендеринга одно лишь изменение границ избирательных округов способно подорвать шансы оппозиционных кандидатов и партий на электоральный успех. Это связано с тем, что редистриктинг может использоваться не только для усиления электорального преимущества действующих инкубентов, но и для подрыва электоральных перспектив оппозиционных инкубентов (Cox, Katz, 1996). Так, исследователи из США обнаружили: когда одна партия контролирует редистриктинг, члены Конгресса США от оппозиционной партии с меньшей вероятностью пойдут на переизбрание (Yoshinaka, Murphy, 2011). Это связывается с высокой неопределенностью (Fenno, 1978) и увеличением издержек на проведение кампании на новых территориях (Gelman, King, 1994).

Сложность избирательной кампании инкубента на новых территориях обусловливается низкой по сравнению со старыми территориями узнаваемостью и отсутствием репутации. Действительно, избиратели со старых территорий имеют опыт взаимодействия с инкубентом. Возможно, им удалось побывать на встрече с ним, кто-то обращался в его приемную, кому-то он помог в решении своих проблем. Всего этого лишены избиратели на новых территориях (Ansolabehere et al., 2000). Это та часть эффекта инкубента, которую в силу своей природы нельзя быстро перенести на новые избирательные участки, в отличие от обилия финансовых и организационных ресурсов, поддержки местных властей и других привилегий, которыми в электоральных автократиях могут пользоваться действующие депутаты от доминирующей партии. Поэтому вполне можно ожидать, что, несмотря на иной институциональный контекст, обнаруженный на данных из устоявшихся демократий немасштабируемый эффект инкубента будет присутствовать и в политических режимах с ограниченной электоральной конкуренцией, а значит, редистриктинг может создавать сложности действующим депутатам, в том числе депутатам от доминирующей партии.

Еще один эффект редистриктинга может выражаться в снижении явки на выборах. Например, в штате Техас редистриктинг привел к снижению явки на выборах в Конгресс США в 2004 и 2006

годах, размер эффекта составил от 3 до 7 % (Hayes, McKee, 2018). В Японии изменение границ избирательных округов на выборах в верхнюю палату парламента привело к снижению явки на 10,3 % (Fujimura, 2022). Причины этого кроются в повышении информационных издержек для избирателей, которые лишились своего инкумбента, а может быть, и других кандидатов, которые избирались в их округе в последние несколько циклов. Кроме того, влияние на явку может оказывать политическая среда новых избирательных округов (Hunt, 2018).

Данные

Для получения оценки влияния редистриктинга на электоральные результаты инкумбентов были собраны данные о результатах выборов на уровне участковых избирательных комиссий (УИК) в ряд региональных парламентов, в которых увеличилось число мандатов, распределяемых по мажоритарной избирательной системе. Данные были получены методом скрейпинга и парсинга сайтов региональных избирательных комиссий в ГАС «Выборы». Для этого был написан скрипт на языке Python, который способен получить данные по любым выборам в региональные парламенты за любой период времени при единственном условии – если данные по этим выборам присутствуют в ГАС «Выборы». На основе собранных данных были сформированы три выборки (табл. 1).

Таблица 1

Описание выборок

Показатель	Выборка № 1	Выборка № 2	Выборка № 3
Количество округов	103	103	70
Количество кандидатов	105	419	82
Средний «резерв победы», %	49	49	40,6
Кандидатов от «ЕР»	88	13	2
Кандидатов не от «ЕР»	17	406	80
Инкумбентов от «ЕР»	88	0	0
Инкумбентов не от «ЕР»	17	0	0
Доля «новых» УИК, %	37,2	37,4	47,9
Доля «новых» избирателей, %	34,1	33,7	43,9

Примечание. «ЕР» – «Единая Россия».

Первая выборка состоит из электоральных результатов тех инкумбентов и выдвинувших их партий, которые в период после проведения электоральной реформы получили в свои округа по крайней мере одну новую УИК, при этом в их округе осталась как минимум одна старая участковая избирательная комиссия. Эти требования необходимы, чтобы мы могли оценить разницу в результатах голосования на новых и старых территориях для каждого инкумбента. Таким образом, в эту выборку не попадут результаты инкумбентов, которые пошли в совершенно новые для себя округа или же остались с прежним, пусть и урезанным, набором УИК. На основе этой выборки будет получена оценка влияния редистриктинга на электоральные результаты инкумбентов.

Вторая выборка состоит из результатов выборов тех неинкумбентов и выдвинувших их партий, которые баллотировались в избирательных округах инкумбентов из первой выборки. Таким образом, если в некотором избирательном округе есть инкумбент, попавший в выборку № 1, то все результаты других кандидатов, обязательно выдвинутых некоторой партией, попадают в выборку № 2. С ее помощью удастся оценить влияние редистриктинга на конкурентов инкумбента, которые, как ожидается, получают более сильные результаты на новых для инкумбента округах в сравнении со старыми.

Третья выборка формируется аналогично первой, только в нее попадают неинкумбенты, а единственным дополнительным условием является отсутствие инкумбента в избирательном округе на выборах после реформы. Таким образом, выборка № 3 состоит из результатов выборов тех кандидатов, которые участвовали в последних перед реформой выборах, но не выиграли их и решили вновь

баллотироваться после реформы, попав в округ без инкумбента. Она позволит оценить, в какой степени редистриктинг влияет на результаты обычных кандидатов, которые не избираются в одном округе с инкумбентом. Ключевая идея здесь заключается в том, что редистриктинг может негативно влиять не только на инкумбентов, но и вообще на любых кандидатов, которые уже успели поучаствовать в выборах и получить какую-то известность или узнаваемость, так как на новых для себя территориях они будут лишены этих преимуществ. Отсутствие инкумбента необходимо для того, чтобы эффекты для инкумбентов и неинкумбентов не смешивались. Благодаря этому на выборке № 3 удастся сравнить электоральные результаты неинкумбентов на новых и старых для себя УИК, а полученные показатели использовать для сравнения с результатами инкумбентов из первой выборки, что позволит установить, насколько отличается влияние реформы на инкумбентов и обычных кандидатов.

В первых двух выборках представлены данные из 16 регионов России. Это Республика Удмуртия, Краснодарский край, Сахалинская область, Саратовская область, Владимирская область, Ивановская область, Ростовская область, Смоленская область, Ярославская область, Костромская область, Тульская область, Хабаровский край, Республика Алтай, Новгородская область, Приморский край, Республика Марий Эл. В Сахалинской области не нашлось наблюдений для третьей выборки, потому данные из этого региона в ней отсутствуют.

Дизайн исследования

Для получения оценки размера влияния редистриктинга на электоральные результаты инкумбентов используется модель линейной регрессии, оцененная с помощью МНК (метода наименьших квадратов). Ключевая идея этой модели заключается в сравнении между старыми и новыми участковыми избирательными комиссиями отклонения доли голосов за некоторого кандидата от доли голосов за партию, которая его выдвинула, что основано на представлении о том, что избиратель в первую очередь определяет, какая из партий ему ближе, и лишь потом учитывает индивидуальные характеристики кандидатов. Таким образом, предполагается, что доля голосов за кандидата в значительной степени определяется популярностью выдвинувшей его партии, в пользу чего говорит высокий коэффициент корреляции между долей голосов за кандидата и его партию. Персональные черты кандидатов: их известность и популярность, опыт и эффективность избирательной кампании – могут увеличивать или уменьшать долю голосов кандидата по сравнению с его партией. В данной статье предполагается, что часть персональных черт может иметь одинаковый эффект в новых и старых участковых избирательных комиссиях, например, опыт кандидата или внешняя привлекательность, которые одинаковы для всякой УИК. Такие факторы будут учитываться с помощью фиксированных эффектов на кандидата. Тем не менее часть персональных черт будет оказывать большее влияние на выбор избирателей в старых УИК, например, известность и репутация. В связи с этим предполагается, что кандидаты, уже участвовавшие в выборах до этого и имеющие в своих округах знакомые им территории, будут показывать на них более сильные результаты по сравнению с новыми участковыми избирательными комиссиями. Это в особенности справедливо для инкумбентов в силу эффекта инкумбента, часть которого не масштабируется на новые территории.

Как было отмечено выше, проведение электоральных реформ в ряде регионов сопровождалось увеличением количества мандатов, распределяемых по мажоритарной системе и перенарезкой избирательных округов. Действительно, из-за повсеместных изменений границ избирательных округов оказалось возможным найти участковые избирательные комиссии, которые в период до проведения реформы являлись частью одного избирательного округа, а после нее оказались в разных округах. Также оказалось возможным найти избирательные комиссии, в которых избирались инкумбенты, не избиравшиеся здесь в предыдущий электоральный цикл. Благодаря этому мы можем сравнить результаты инкумбента в его старых УИК с его результатами в новых. Для этого необходимо оценить следующую модель линейной регрессии:

$$\text{cand\_vote}_{ij} = \text{prop\_vote}_{ij} + \text{cand\_id}_{ij} + \text{treatment}_{ij}, \quad (1)$$

где индекс i обозначает принадлежность наблюдения к уникальной комбинации УИК – регион, а j – принадлежность к одному из кандидатов; cand_vote_{ij} – доля голосов за j -го кандидата в i -й УИК; prop_vote_{ij} – доля голосов за партию j -го кандидата в i -й УИК; cand_id_{ij} – значение дамми-переменной для j -го кандидата в i -й УИК; treatment_{ij} – бинарная переменная, принимающая значение 1 в случае,

если j -й кандидат не участвовал в выборах в i -й УИК в прошлом электоральном цикле. Необходимо заметить, что значения переменной $treatment_{ij}$ для наблюдений из второй выборки формируются отличным от вышеописанного способом. Так, во второй выборке данная переменная принимает значение 1 в случае, если инкумбент в округе j -го кандидата не принимал участие в выборах в i -й УИК в прошлом электоральном цикле. Иными словами, в случае второй выборки мы пытаемся понять, как на результат конкурента инкумбента сказывается то, что для инкумбента это новая УИК.

Вполне может быть, что степень влияния партийного голосования на долю голосов кандидата варьируется от кандидата к кандидату. Включение в формулу переменной взаимодействия между $cand\_id_{ij}$ и $prop\_vote_{ij}$ позволяет учесть эти различия, так как разрешает не только разные точки пересечения регрессионных прямых с осью Y , но и разные наклоны этих прямых для разных кандидатов. Для этого вместо уравнения (1) будет оценено следующее уравнение:

$$cand\_vote_{ij} = prop\_vote_{ij} + cand\_id_{ij} + prop\_vote_{ij} \cdot cand\_id_{ij} + treatment_{ij}. \quad (2)$$

Коэффициент при переменной $treatment_{ij}$ представляет наибольший интерес: он указывает на разницу между долей голосов за j -го кандидата в новой и старой для него УИК при прочих равных. Ожидается, что этот коэффициент будет отрицательным для инкумбентов в силу того, что на новых участковых избирательных комиссиях они лишаются немасштабируемой части своего преимущества как инкумбента. Однако вполне можно предположить, что и для других кандидатов, ранее участвовавших в выборах и успевших познакомить избирателей с собственной кандидатурой, этот коэффициент окажется отрицательным. Таким образом, любые факторы, влияющие на электоральный результат кандидата, не связанные с его партийной принадлежностью и варьирующиеся в зависимости от новизны УИК, будут отражены в коэффициенте при переменной $treatment$. Набор таких факторов может быть велик, и данная модель не подходит для их исследования. Она призвана просто отразить разницу их сумм между новыми и старыми территориями.

Результаты

Результаты оценки моделей представлены в табл. 2. Она содержит результаты оценки коэффициентов в разных моделях, причем цифра в номере модели указывает на выборку, на которой она была оценена, а «В» означает, что она была оценена по формуле (2), в то время как отсутствие данной буквы указывает на оценку по формуле (1). Например, первый и второй столбцы содержат информацию о значении коэффициентов при переменных $prop\_vote$ и $treatment$ в моделях, оцененных на первой выборке; модель в первом столбце оценена по формуле (1), а модель во втором столбце – по формуле (2). Необходимо заметить, что в моделях с литерой «В» отсутствуют коэффициенты при $prop\_vote$ в силу того, что они разные для каждого кандидата в выборке. Аналогично третий и четвертый столбцы содержат информацию о коэффициентах в моделях, полученных на второй выборке, а пятый и шестой – на третьей.

Таблица 2

Результаты оценки моделей

	Модель №1	Модель №1В	Модель №2	Модель №2В	Модель №3	Модель №3В
$prop\_vote$	0.8631*** (0.011)	-	0.8160*** (0.022)	-	0.7844*** (0.036)	-
$treatment$	-0.0401*** (0.003)	-0.0408*** (0.003)	0.0098*** (0.001)	0.0098*** (0.001)	-0.0283*** (0.002)	-0.0236*** (0.002)
N	5353	5353	20378	20378	3159	3159
R^2	0.879	0.893	0.792	0.819	0.772	0.809
Adj. R^2	0.876	0.889	0.788	0.811	0.766	0.798
F-статистика	1021***	704.4***	319.8***	246.0***	112.0***	100.5***

Уровни значимости: *** 0.001, ** 0.01, * 0.05

Первое, что можно отметить, – это высокое значение R^2 , указывающее на то, что такая простая модель объясняет почти 90 % дисперсии. Это может свидетельствовать о высоком уровне взаимосвязанности выбора партии и кандидата на региональных парламентских выборах. Можно заметить, что во всех моделях без взаимодействия коэффициент при prop_vote близок к значению 0,8. Это означает, что при прочих равных рост доли голосов за партию на 1 % увеличивает долю голосов за кандидата от этой партии на 0,8 %. Из приведенных результатов (модели № 1, 1В) также следует, что в новых УИК инкубенты показывают результаты примерно на 4 % хуже, чем если бы эти же УИК входили в их избирательный округ в прошлом избирательном цикле.

Аналогичные результаты можно наблюдать в моделях, построенных на данных из третьей выборки (модели № 3, 3В). Так, уже участвовавшие в выборах неинкубенты получили бы в новых УИК примерно на 2,5 % больше, если бы они избирались на них на предыдущих выборах. Некоторый интерес представляют результаты оценки моделей № 2 и 2В, в которых коэффициент при переменной treatment оказался положительным. Это может свидетельствовать о том, что конкуренты инкубентов показывают более сильные результаты в новых для инкубента УИК, что может оказывать дополнительное влияние на электоральные результаты инкубентов. Действительно, изменение статуса участковой избирательной комиссии по отношению к инкубенту со старого на новый дает прибавку конкурентам инкубента в виде примерно 1 %.

Для проверки устойчивости результатов также были оценены модели только для кандидатов от «Единой России». Результаты оценки можно увидеть в табл. 3. Заметим, что названия этих моделей имеют дополнительно литеры «ЕР», указывающие на то, что они были оценены на выборках с кандидатами от «Единой России». Как можно заметить, результаты оценки моделей № 1 и 1В с одной стороны и моделей № 1ЕР и 1ВЕР с другой практически полностью совпадают, что можно объяснить небольшим количеством инкубентов, которые баллотировались от оппозиционных партий. Коэффициенты при переменной treatment в моделях для неинкубентов из округов инкубентов (модели № 2ЕР и 2ВЕР) оказались незначимы, хотя знак при коэффициентах и их абсолютное значение близки к результатам моделей № 2 и 2В. Отсутствие значимости можно объяснить незначительностью эффекта и малым количеством неинкубентов, выдвигавшихся от «Единой России». Модели для третьей выборки не представлены в силу недостаточного количества наблюдений. Так, нашлось всего два кандидата от «Единой России», которые в двух выборах подряд участвовали в качестве неинкубентов. В сумме они образуют 25 наблюдений в нашей базе данных.

Таблица 3

Результаты оценки моделей (только кандидаты от «Единой России»)

	Модель №1ЕР	Модель №1ВЕР	Модель №2ЕР	Модель №2ВЕР
prop_vote	0.8647*** (0.011)	-	0.9915*** (0.035)	-
treatment	-0.0412*** (0.003)	-0.0408*** (0.003)	0.0073 (0.009)	0.0095 (0.010)
N	4886	4886	304	304
R^2	0.847	0.864	0.816	0.823
Adj. R^2	0.844	0.859	0.807	0.806
F-статистика	726.5***	553.1***	313.4***	220.1***

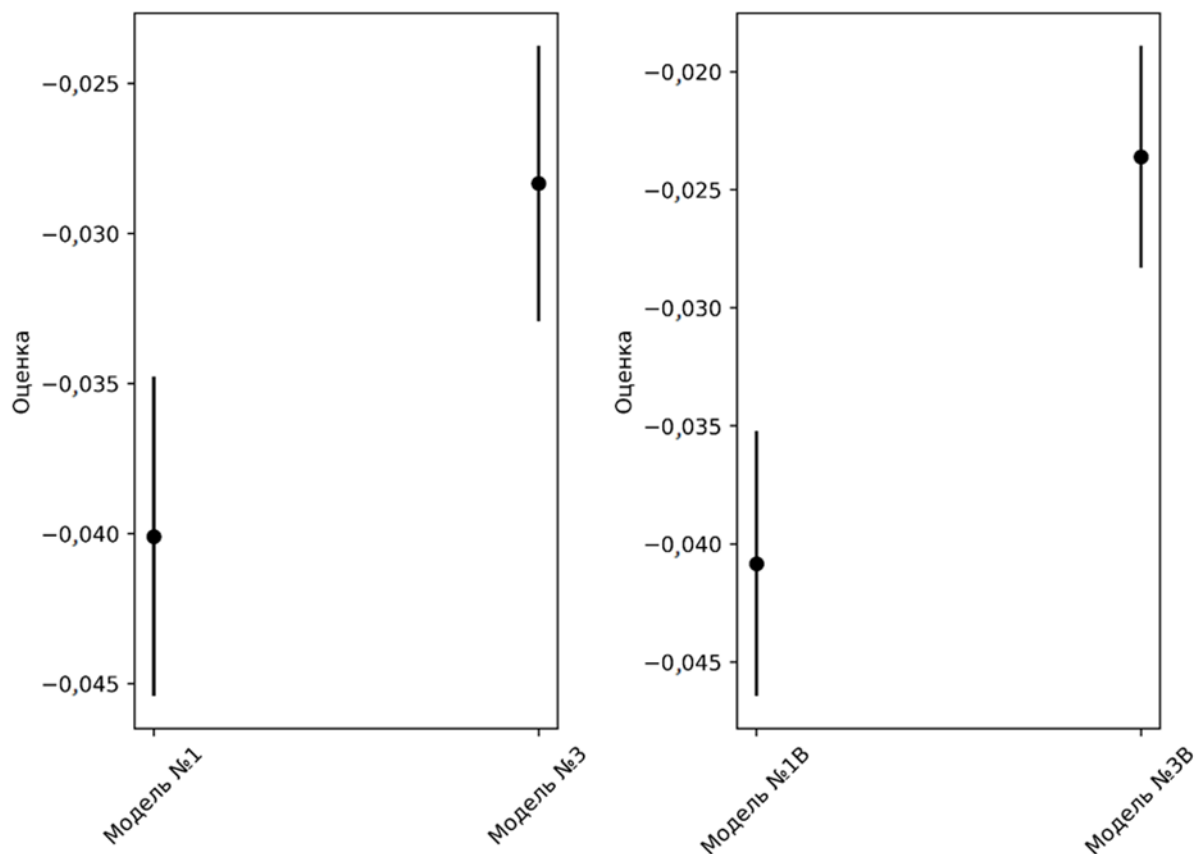
Уровни значимости: *** 0.001, ** 0.01, * 0.05

Обсуждение

Проведенный эмпирический анализ свидетельствует о том, что редистриктинг в целом оказывает негативное влияние на результаты кандидатов, которые ранее участвовали в выборах, в частности инкубентов. Причем значимый эффект характерен как для инкубентов, так и для неинкубентов. Это может быть связано с тем, что даже проигравшие на прошлых выборах кандидаты в ходе предвыборной кампании могут заработать себе более или менее узнаваемое имя, сформировать некоторый имидж, дать избирателям представление о своих взглядах и позиции по ключевым вопросам и

проблемам округа. Все это снижает информационные издержки избирателей на последующих выборах и дает дополнительное преимущество уже участвовавшим в них кандидатам.

Отдельно стоит отметить, что на инкубентов редистриктинг оказывает более значимое негативное воздействие. Как можно увидеть на рисунке, доверительные интервалы для коэффициентов при переменной *treatment* в моделях № 1 и 1В с одной стороны и в моделях № 3 и 3В с другой стороны не пересекаются, что может указывать на то, что инкубенты в старых для себя УИК имеют дополнительное преимущество, которое не переносится в новые участковые избирательные комиссии. Это можно назвать немасштабируемым эффектом инкубента, который ближе всего к понятию *homestyle* (Ansolabehere et al., 2000). Хотя наличие положительного эффекта инкубента нельзя подтвердить с помощью проведенного в текущей работе анализа, полученные результаты показывают, что будущие усилия в этом направлении могут оказаться не напрасными. Действительно, обнаружение немасштабируемого эффекта инкубента в институциональном контексте электоральной автократии может оказаться важным результатом, указывающим на сходство электоральной динамики в демократических режимах и авторитарных режимах с выборами, выражающееся в укоренении действующих депутатов на своих должностях в силу ряда преимуществ, не зависящих от институционального устройства.

Результаты оценки коэффициента при переменной *treatment*

Несмотря на значимость полученных результатов, нельзя утверждать об их значительности. Редистриктинг действительно негативно влияет на результатах кандидатов, но масштаб этого влияния весьма ограничен. Например, средняя разница между долей голосов за победителя и за проигравшего, набравшего наибольшее число голосов, составляет 47 %, что намного больше выявленного эффекта. Более того, далеко не все участковые избирательные комиссии в округах инкубентов были для них новыми, доля новых избирателей в округах с инкубентами равна примерно 32 %. Из этого следует, что редистриктинг сам по себе не мог оказать значительного влияния на электоральные результаты инкубентов. Даже если воспользоваться наиболее благоприятной для проигравших инкубентов, хоть и нереалистичной, оценкой и просто прибавить к доле голосов за каждого проигравшего

инкумбента в новых для него участковых избирательных комиссиях 4 %, а у победителей в таких округах эти 4 % отнять, то лишь в одном избирательном округе это изменит результат выборов. Таким образом, можно утверждать, что на региональных выборах в ряде субъектов федерации редистриктинг оказал негативное воздействие на электоральные результаты инкумбентов, однако оно оказалось несущественным.

Ограничения

У текущего исследования есть ряд ограничений. Во-первых, в работе не учитывалась возможность джерримендеринга. Вполне можно предположить, что в случае проведения джерримендеринга с применением стратегии уплотнения электорат новых УИК может оказаться более благосклонным к инкумбенту и его партии. Тогда негативные последствия редистриктинга могут полностью компенсироваться повышенным числом сторонников в новых участковых избирательных комиссиях. Скорее всего, если такого рода джерримендеринг и имел место, то проводился он на основе результатов партийного голосования как хорошего предиктора доли голосов за кандидата. В таком случае с помощью простого *t*-теста можно определить, что средняя доля голосов за партию инкумбента в новых для него избирательных комиссиях на последних выборах до электоральной реформы оказывается меньше, чем аналогичная средняя для старых. Это означает, что в свои округа инкумбенты в среднем получали более конкурентные участковые избирательные комиссии, что скорее может указывать на стратегию раскола, которая, наоборот, усугубляет негативные последствия редистриктинга для инкумбента.

Второе возражение может касаться так называемого эффекта спilloвера, или контаминации, заключающегося в том, что сам факт наличия инкумбента в гонке будет способствовать увеличению доли голосов за партию инкумбента, что приведет к смещенной оценке коэффициента при переменной *treatment*. Однако результаты предыдущих исследований на эту тему указывали на то, что по крайней мере на федеральных выборах в России эффект присутствия инкумбента не оказывает влияния на долю голосов за партию инкумбента (Гайворонский, 2020). В связи с этим в рамках настоящей работы предполагается, что на региональных выборах эффекта присутствия инкумбента также отсутствует. Более того, даже если предположить обратное, то в соответствии с проведенным кросс-национальным исследованием (Kenichi, 2020) для одномандатной мажоритарной избирательной системы среднее значение эффекта присутствия инкумбента составляет порядка 1 %, что не может оказать значительного влияния на оценку коэффициента при переменной *treatment*.

Третьим ограничением может выступать возможность стратегического отказа кандидата от участия в кампании после проведения редистриктинга. В случае, если кандидат посчитает свои шансы на достижение приемлемого электорального результата незначительными, он может решить не избираться вовсе или принять участие в выборах в совершенно новом избирательном округе без старых участковых избирательных комиссий. Если это решение как-то связано со сложностью проведения кампании в новых УИК, то мы получим смещенные результаты оценки коэффициента при переменной *treatment*, которые корректнее будет назвать консервативными.

Заключение

В работе на основе собранных автором данных было проанализировано влияние массового редистриктинга на электоральные результаты инкумбентов на региональных выборах в ряде регионов России. Полученные результаты свидетельствуют о негативном влиянии редистриктинга на электоральные результаты инкумбентов и неинкумбентов, избирающихся в округах без инкумбента. Более того, редистриктинг может оказывать хоть и небольшое, но положительное влияние на результаты конкурентов инкумбента, усугубляя негативное воздействие редистриктинга на их электоральные показатели. Несмотря на это, обнаруженный эффект оказался незначительным и недостаточным для оказания реального влияния на электоральные результаты инкумбентов. Таким образом, можно констатировать, что, хотя редистриктинг создает дополнительные сложности для инкумбентов, его влияние на результаты выборов невелико.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы / References

- Гайворонский, Ю. О. (2020) 'Эффекты взаимодействия в условиях смешанной избирательной системы на федеральных парламентских выборах в России', *Вестник Пермского университета. Политология*, 14(1), сс. 18–28. [Gaivoronsky, Yu. O. (2021) 'Interaction effects in mixed-member electoral systems: evidence from Russia's federal parliamentary elections' [Effecty vzaumovlianiya sistemy na federalnykh vyborakh v Rossii], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14(1), pp. 18–28, (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-18-28.
- Ansolabehere, S., Snyder, J. M., Stewart, C., (2000) 'Old voters, new voters, and the personal vote: using redistricting to measure the incumbency advantage', *American Journal of Political Science*, 44, pp. 17–34. DOI: 10.2307/2669290.
- Beaulieu, E. (2014) *Electoral Protest and Democracy in the Developing World*. Cambridge: Cambridge University Press. 244 p.
- Blaydes L. (2008) *Competition without democracy: elections and distributive politics in Mubarak's Egypt*: PhD thesis. Los Angeles: University of California. 290 p.
- Boix, C., Svolik, M. (2008) 'The foundation of limited authoritarian government: institutions and power-sharing in dictatorships', *Their Governance and Social Consequences Conf*. Princeton: Princeton University. 47 p.
- Boix, C., Svolik, M. (2013) 'The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions, Commitment, and Power-Sharing in Dictatorships', *Journal of Politics*, 75 (2), pp. 300–316. DOI: 10.1017/S00223816130.
- Cox, G., Kats, J. N. (1996). 'Why did the incumbency advantage in U.S. House elections grow?' *American Journal of Political Science*, 40 (2), pp. 478–497. DOI: 10.2307/2111633.
- Fenno, R. (1978) *Homestyle: House members in their districts*. Boston, MA: Little, Brown. 300 p.
- Fujimura, N. (2022) 'The Trade-Off between Equal Representation and Electoral Participation: The Effect of Redistricting on Voter Turnout', *Representation*, 58(4), pp. 547–563. DOI: 10.1080/00344893.2021.1964584.
- Gandhi, J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press. 258 p.
- Gandhi, J., Lust-Okar, E. (2009) 'Elections under Authoritarianism', *Annual Review of Political Science*, 12(1), pp. 403–22. DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434.
- Geddes, B. (1999) 'Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game-Theoretic Argument', *95th Annual Meeting of the American Political Science Association*, September, Atlanta. 23 p.
- Gelman, F., King, G. (1994) 'Enhancing Democracy Through Legislative Redistricting', *American Political Science Review*, 88(3), pp. 541–59. DOI: 10.2307/2944794.
- Grofman, B. (1985) 'Criteria for Districting a Social Science Perspective', *UCLA Law Review*, 33, pp. 77–184.
- Hayes, D., McKee, S. C. (2009). 'The Participatory Effects of Redistricting', *American Journal of Political Science*, 53(4), pp. 1006–1023. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00413.x.
- Hunt, Ch. R. (2018) 'When does redistricting matter? Changing conditions and their effects on voter turnout', *Electoral Studies*, 54, pp. 128–138. DOI: 10.1016/j.electstud.2018.05.007.
- Kenichi, A. (2020) 'When do political parties benefit from incumbents' personal votes? Comparative analysis across different electoral systems', *Electoral Studies*, 68. DOI: 10.1016/j.electstud.2020.102221.
- Miller, M. K. (2017) 'The strategic origins of electoral authoritarianism', *British Journal of Political Science*, 50, pp. 1–28. DOI: 10.1017/S0007123417000394.
- Schedler, A. (2006) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. 267 p.
- Simpser, A. (2005) *Making Votes not Count: Strategic Incentives for Electoral Corruption*: PhD thesis. Department of Political Science, Stanford University. 340 p.
- Wong, S. H. W. (2019) 'Gerrymandering in Electoral Autocracies: Evidence from Hong Kong', *British Journal of Political Science*, 49(2), pp. 579–610. DOI: 10.1017/S0007123416000685.
- Yoshinaka, A., Murphy, C. (2011). 'The Paradox of Redistricting: How Partisan Mapmakers Foster Competition but Disrupt Representation', *Political Research Quarterly*, 64(2), pp. 435–47. DOI: 10.1177/106591290935576

Статья поступила в редакцию: 07.02.2025

Статья поступила в редакцию после доработки: 25.04.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

THE EFFECTS OF MASS REDISTRICTING ON INCUMBENT VOTE SHARE IN REGIONAL LEGISLATIVE ELECTIONS

V. Devyatnikov

Vadim Devyatnikov, PhD Student, Doctoral School of Political Science, Research Intern, International Center for the Study of Institutions and Development,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: vdevyatnikov@hse.ru; vadia-9@yandex.ru (ResearcherID: Y-4839-2018).

Abstract

Redistricting, as the process of revising electoral district boundaries, can have a significant impact on electoral processes, including in autocratic regimes with electoral institutions. This article examines the political consequences of electoral reform carried out in several regions of Russia over the past few years. Using the author's developed web-scraping algorithm for the GAS Vybory websites, data on voting results in regional legislative elections from sixteen regions were collected. Between 2019 and 2023, the number of seats allocated under the majority voting system increased in these regions, requiring massive redistricting to create new constituencies. This created favorable conditions for studying the political consequences of large-scale redistricting. Using data on the results of elections to regional parliaments, the degree of influence that mass redistricting has on the electoral results of incumbents was statistically significant. Still, the scale of the effect is not enough to alter the outcomes of elections, so we conclude that redistricting did not have a noticeable effect on the electoral stability of incumbent parliamentarians.

Keywords: redistricting; incumbency effect; electoral studies; regional elections; electoral autocracy.

Financial support: The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program».

УДК-321

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-71-85

ИМИДЖЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ГУБЕРНАТОРОВ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В РОССИИ В 2017–2022 ГОДАХ

А. А. Скворцов

Скворцов Алексей Александрович, студент II курса магистратуры факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: aaskvortsov_2@edu.hse.ru (ORCID: 0009-0001-5602-1180. ResearcherID: NFT-8997-2025).

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу связи между типами региональных политических режимов и особенностями формирования имиджевых стратегий губернаторов России в 2017–2022 годах. В центре внимания находится вопрос о том, как региональный политический контекст (включая уровень зависимости от центра, степень авторитаризма и патримониализма) влияет на выбор инструментов публичного позиционирования и легитимации власти глав регионов. В качестве методологической базы используется трехосевая модель Ю.О. Гайворонского, позволяющая комплексно классифицировать региональные режимы, а также методы критического дискурс-анализа, применяемые к контенту губернаторских аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте». Проведен сравнительный анализ стратегий губернаторов с разной территориальной аффилиацией: выявлено, что «варяги» чаще прибегают к конфронтационным, агитационным и манипулятивным стратегиям, тогда как местные лидеры делают ставку на рационализацию, информирование и открытость. Многообразие политических и коммуникативных стратегий, выявленное в исследовании, свидетельствует о том, что процессы легитимации и формирования имиджа губернаторов в современной России зависят не только от федеральной вертикали власти, но и от уникальных особенностей регионального политического пространства. Установлено, что политический режим региона задает рамки и ограничения для применения различных имиджевых практик и формирует уникальные «правила игры» в публичной политике.

Ключевые слова: региональные политические режимы; имидж власти; легитимация власти; вертикаль власти; социальные сети; имиджевые стратегии; авторитаризм; патримониализм.

Введение

В условиях продолжающейся централизации российской политической системы реальная политическая субъектность регионов России все больше зависит от неформальных конфигураций лояльности и управляемости. Одним из ключевых механизмов поддержания легитимности региональной власти в этих условиях становится публичная коммуникация губернаторов, через которую транслируются политические установки, демонстрируется управленческая эффективность и выстраиваются отношения с населением и элитами.

Несмотря на растущее внимание к вопросам политической коммуникации в субъектах Федерации, остается слабо исследованной системная связь между политическим контекстом региона и выбором губернатором тех или иных имиджевых стратегий. При этом именно региональные режимы формируют рамочные условия, в которых действуют главы субъектов: задают допустимые стили управления, форматы коммуникации и способы обращения к аудитории. В этой связи исследование взаимосвязи между типом регионального политического режима и практиками публичного позиционирования губернаторов представляет собой важный шаг к пониманию механизмов легитимации власти в современной России.

Анализ региональных политических режимов в России включает исследования коммуникаций (Кузьмин и др., 2002), классификацию режимов (Медушевский, 2002; Ковалев, 2002) и изучение роли контекстуальных факторов (Туровский, 2008; Гельман, 2019). В России ключевым элементом контекста выступает вертикаль власти (Афанасьев, 2002: 30), двойственность которой подмечает В.Я. Гельман: хотя «правила игры» в целом определяются поиском ренты, внутренние клики тем не менее

конкурируют за ее распределение (Гельман, 2019: 90). Таким образом, несмотря на наличие общей федеральной вертикали власти, в различных регионах могли сложиться различные формы организации отношений местных элит.

Структура региональной элиты «призвана быть проводником федеральной политики, но вместе с тем – и лоббистом интересов региона, организатором развития всех его общественно значимых сфер» (Долгов, Стрижова, 2012: 60). При этом логика подотчетности региональных глав такова, что «они вынуждены опираться на поддержку федеральных групп влияния, чтобы обеспечить политическую выживаемость» (Баландин, 2022: 81). В современной литературе подобная ситуация нередко концептуализируется как дилемма подотчетности губернаторов, возникающая из необходимости одновременно учитывать интересы федерального центра и ожидания населения (Klimovich, 2023). Такая сложная система координат порождает противоречивые требования к публичной коммуникации, в рамках которых и формируются специфические тактики взаимодействия с разными аудиториями.

Можно предположить, что губернатор ориентируется на выбор различных стратегий для своего публичного позиционирования в зависимости от структуры отношений с элитами и существующими в регионе политическими институтами. В этом смысле элиты и институты оказываются опосредованными участниками процесса формирования имиджа губернатора.

Исследования имиджа публичных лиц часто фокусируются на агрегации имиджевых запросов населения или исследовании имиджевого инструментария (Шепель, 2013; Балакина и др., 2022), но редко анализируют системные связи между стратегиями и контекстом. В свою очередь, изучение взаимосвязи региональных политических режимов и имиджевых стратегий губернаторов позволит лучше понять, как контекст влияет на выбор конкретных методов публичного позиционирования.

После возвращения прямых выборов глав регионов в 2012 году значимость публичной коммуникации как инструмента легитимации власти существенно возросла. Губернаторы, будучи подотчетными населению, вынуждены активно формировать и поддерживать свой публичный образ, чтобы обеспечить электоральную поддержку. Этот процесс отражается также в резком увеличении медийной активности региональных лидеров, особенно в социальных сетях. Если в 2017 году наличие аккаунта у губернатора в соцсетях было скорее исключением, то к 2022 году отсутствие публичного цифрового профиля стало редкостью. Социальные сети превратились в важный канал реализации имиджевых стратегий, что также требует углубленного анализа их роли.

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей влияния политических режимов российских регионов на процессы формирования и проекции имиджа губернаторов, что позволит глубже понять механизмы политической легитимации и коммуникации.

Символический подход акцентирует роль имиджа в конструировании социальной реальности через конкуренцию интерпретаций (Малинова, 2013; Фомин, 2014). Важной задачей имиджа являются не просто репрезентация отдельных запросов целевых аудиторий, но и оказание влияния на эти запросы, формирование новых потребностей.

Под *имиджем власти* мы понимаем некоторый символический капитал, которым обладают политические деятели, позволяющий им оказывать влияние и контролировать других. При таком рассмотрении имидж, воспринимаемый целевой аудиторией и основанный на ее непосредственных оценках, формируется органами власти в соответствии с гипотетическим идеальным образом. А процесс его формирования базируется на сборе и анализе данных, которые включают результаты опросов, обращений, исследований, в том числе прямой коммуникации с аудиторией, что позволяет адекватно адаптировать проектируемый имидж к реальным условиям и ожиданиям адресатов (Касаткин, 2007: 9–10). Наш исследовательский интерес фокусируется на анализе *проектируемого имиджа*.

Множество ключевых характеристик коммуникативной кампании тесно связаны с контекстом, в котором она реализуется. Наиболее полно исследовать политический контекст можно при использовании подхода, который позволяет рассматривать систему как целое, функционирующее через внутренние коммуникации. По сути, речь идет о *политическом режиме*, под которым мы изначально понимаем «коалицию акторов, обладающих доступом к институциональным ресурсам и осуществляющим управление общностью» (Stone, 2001: 21). В контексте же функционирования российской вертикали власти речь идет о *распределении власти между федеральными и региональными политическими акторами*.

Заметное усиление централизации и выравнивание формальных институтов после 2020 года, не устранило различия в политических практиках на уровне субъектов: сохраняются вариации в уровне электоральной конкуренции, характере элитных коалиций, степени вовлеченности граждан в принятие решений. В этом смысле региональный политический режим не тождествен институцио-

нальному дизайну региона. Хотя эти понятия могут пересекаться, они отражают разные уровни анализа. Институциональный дизайн описывает формально закрепленные правила и структуры, в то время как под *региональным политическим режимом* в данном исследовании понимается совокупность устойчивых политико-административных практик, обеспечивающих воспроизводство власти в регионе. В этом смысле концепция региональных режимов сохраняет аналитическую ценность как инструмент различения контекстов, в которых действуют главы субъектов (Гельман и др., 2000).

Методология и методы исследования

Методология исследования основана на работах Р.Ф. Туровского, С. Маззука, А. Джерауди (Туровский, 2009; Mazzuca, 2010; Giraudy, 2013), систематизированных Ю.О. Гайворонским (Гайворонский, 2015) в виде *трехосевой модели*: зависимость / автономия, авторитаризм / демократия и патримониализм / бюрократия. Эта методика позволяет классифицировать и сравнивать региональные режимы на основе их политических характеристик и управленческих структур. При этом каждая ось ортогональна остальным и содержит набор ключевых индикаторов с удельными весами в общей формуле оценки значения по оси (Гайворонский, 2015: 27–29).

Однако рассматриваемая статья Гайворонского основывалась на данных, датируемых 2008–2011 годами. В то же время политическая ситуация в России за последующее десятилетие претерпела значительные изменения, в связи с чем нами было проведено обновление показателей для всех российских регионов с использованием последних доступных данных за период с 2019 по 2022 год, учитывая их актуальность и доступность на момент проведения анализа (табл. 1).

В ходе исследования, проведенного с использованием установленного метода, были количественно измерены характеристики трех основных параметров – зависимости, авторитаризма и патримониализма – для 85 регионов Российской Федерации (на начало 2022 года). Три полученных распределения политических режимов регионов РФ по осям «зависимость», «авторитаризм» и «патримониализм» были сведены в три соответствующих диаграммы рассеивания (рис. 1–3).

Таблица 1

Индикаторы измерения региональных политических режимов

Вектор	Индикатор	Кратко	Вес в векторе
Зависимость (DEP)	Доля дотаций региональным и муниципальным бюджетам в консолидированном бюджете субъекта РФ	Subs	0,4
	Территориальная аффилиация губернатора (1 – «варяг»; 0 – местный)	Gov	0,3
	Территориальная аффилиация руководителей федеральных структур в регионе (1 – «варяг», 0 – местный)	Chiefs	0,3
Авторитаризм (AUTH)	Электоральная коррупция	AMR	0,4
	Индекс Молинара	Molinar	0,3
	Авторитарная электоральная мобилизация	Turnout	0,3
Патримониализм (PATR)	Прозрачность госзакупок ¹	Transparency	0,45
	Информационная открытость (Страхов и Пугачев, 2023)	Openness	0,35
	Численность государственных служащих на 1000 жителей	Officials	0,2

¹ Национальный рейтинг прозрачности закупок 2022 [Электронный ресурс]. *НПЦЗ*. URL: <https://www.nrpz.ru/results2022> (дата обращения: 23.04.2025).

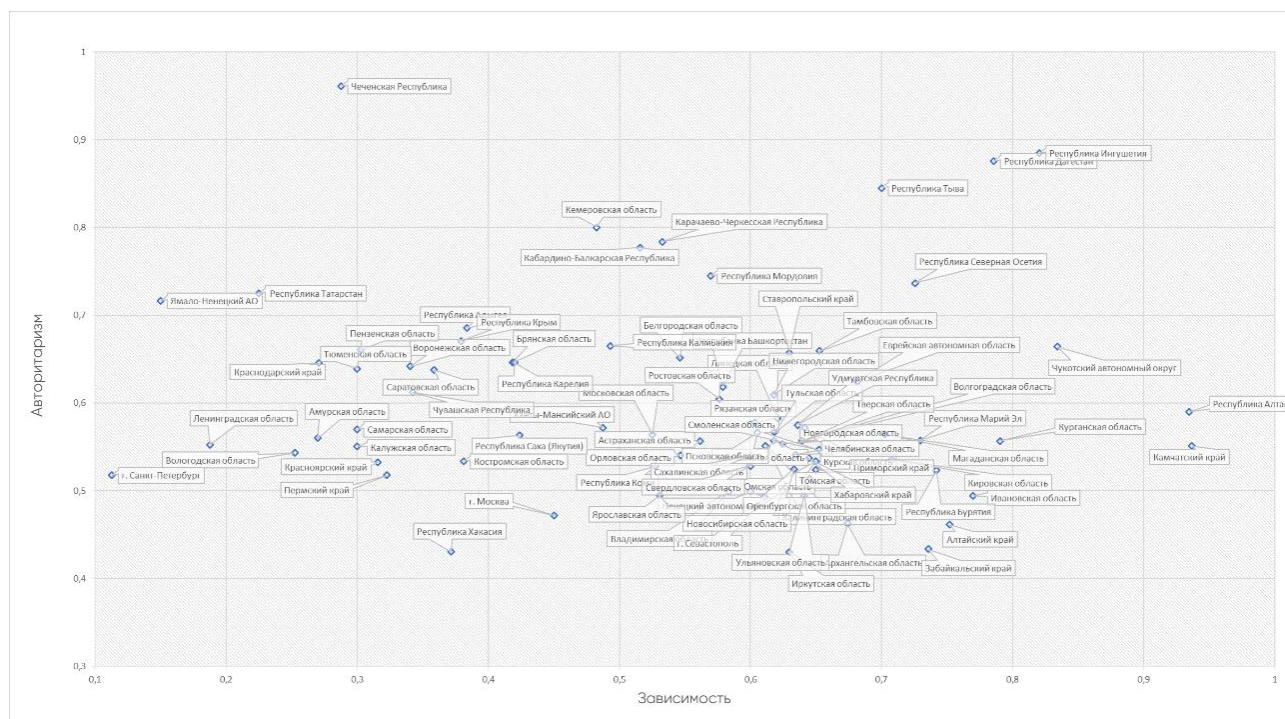

Рис. 1. Диаграмма «Авторитаризм / зависимость»

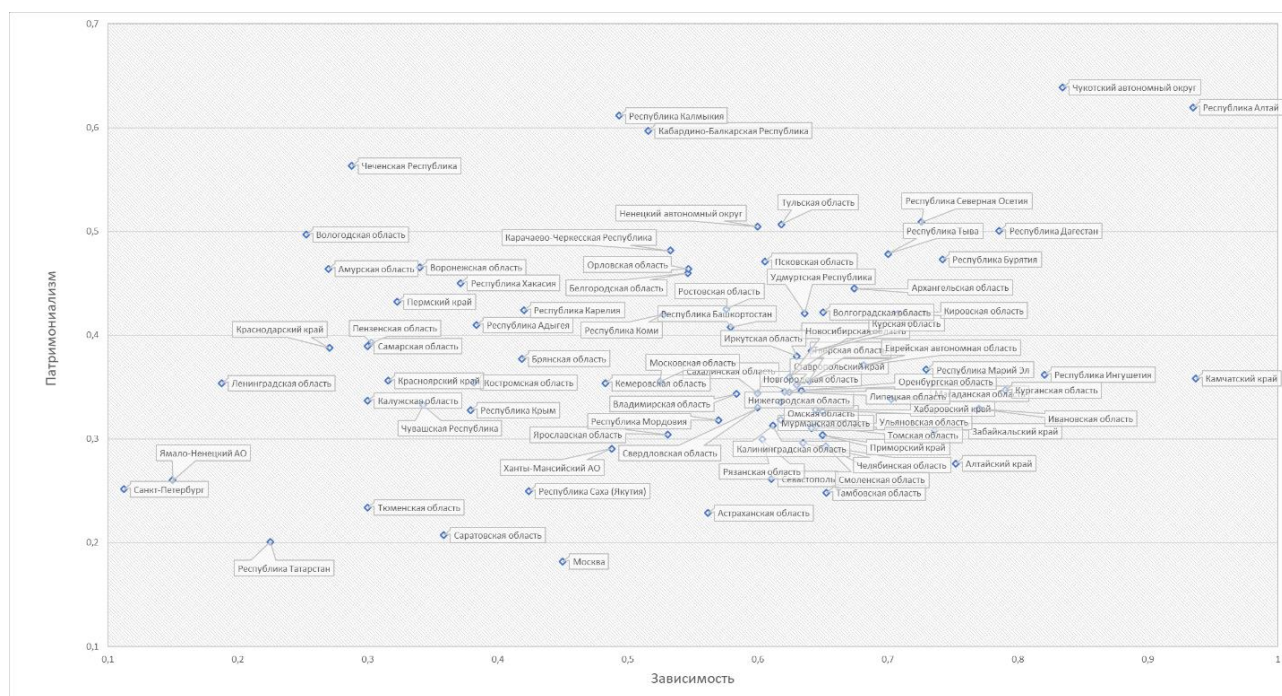

Рис. 2. Диаграмма «Зависимость / патримониализм»

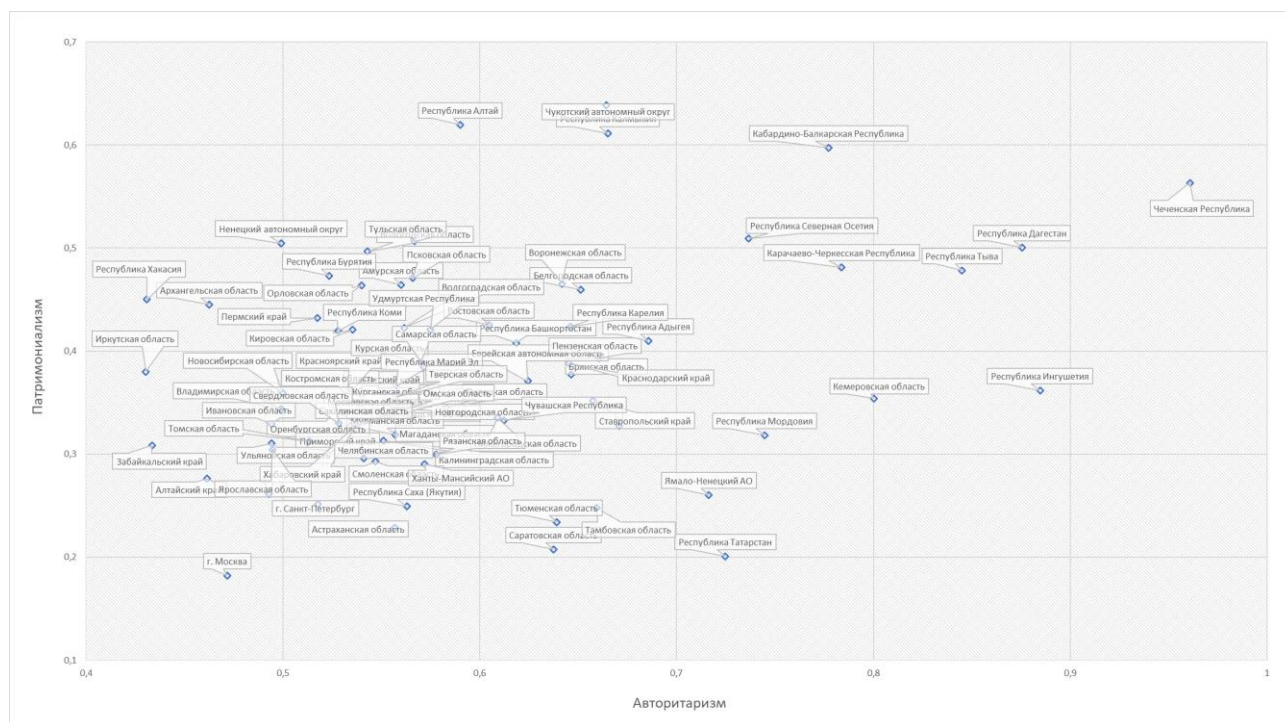

Рис. 3. Диаграмма «Патримониализм / авторитаризм»

Для изучения собственно имиджевых стратегий губернаторов в данной работе используется концепция дискурсивных стратегий критического дискурс-анализа (Van Leeuwen, 2008). Началом периода исследования является 2017 год – первый год применения нового подхода кадровой политики в отношении губернаторского корпуса (Кынев, 2019: 142). За конец периода мы берем 2022 год, что обусловлено доступностью полных данных на момент исследования.

Имиджевые стратегии как элементы коммуникативных процессов нацелены на совершение определенного рода качественных изменений в целевых группах (Мозолин, 2004: 11). Так, важнейшей проблемой института губернатора, с решением которой связана его неустойчивость, является легитимность губернаторской власти (Туровский, 2008: 15–16). Легитимность, трансформируемая и насыщаемая смыслом через имиджевые стратегии, играет ключевую роль в конструировании образа власти в том или ином символическом пространстве. В этом контексте легитимация представляет собой процесс конкуренции за интерпретацию социальной реальности различными акторами (Ледяев, Ледяева, 2013: 17). Стратегии легитимации могут варьироваться от прямого апеллирования к общепризнанным нормам и ценностям до более сложных форм невербальной коммуникации. Четыре такие стратегии выделил известный дискурс-аналитик Т. ван Левен: 1) стратегия апелляции к авторитету; 2) стратегия моральной оценки; 3) стратегия рационализации; 4) мифопоэтическая стратегия (Van Leeuwen, 2008). Однако стоит отметить, что данные модели исследования легитимации изначально разрабатывались для анализа западных демократических систем, что актуализирует вопрос об их применимости в условиях иных политических контекстов. В свете этого факта политолог Лесли Холмс ввел понятие эвдемонического типа легитимности, предполагающее, что поддержка власти сохраняется до тех пор, пока власть (или акторы, конкурирующие за власть) способна обеспечить минимальный уровень достатка населения (Holmes, 1997; Петеррсон, 2016: 61).

В то время как стратегии легитимации направлены на достижение изменений в восприятии и оценках целевой аудитории, стратегии коммуникации служат инструментом для реализации самой легитимации. Основной задачей коммуникационных стратегий является обеспечение эффективного взаимодействия с аудиторией, что включает передачу информации, взаимодействие и управление общественным мнением. Коммуникативные стратегии могут быть классифицированы следующим образом: 1) самопрезентация; 2) дискредитация; 3) нападение; 4) самозащита; 5) формирование эмоционального настроения адресата; 6) информационно-интерпретационная; 7) аргументативная; 8) агитационная; 9) манипулятивная стратегии (Колмогорова, 2018: 36–37).

Источником данных является социальная сеть «ВКонтакте», которая остается единственной широкодоступной социальной платформой в России на протяжении всего анализируемого периода

с 2017 по 2022 год. Значимость социальных сетей в коммуникативной стратегии политических деятелей определяется способностью формировать общественную повестку и отражать запросы населения. Мы сфокусировались на анализе контента, который вызвал наибольший резонанс среди пользователей, с помощью аналитического сервиса Popsters: для каждого изучаемого аккаунта был произведен отбор 100 публикаций, которые демонстрируют наивысший уровень вовлеченности аудитории (Engagement Rate).

Соответственно, в данном исследовании рассматриваются только те губернаторы, которые зарегистрировались в социальной сети ранее 1 января 2022 года и которые активно ею пользуются в течение всего рассматриваемого периода (не менее 100 публикаций с 1 января по 31 декабря 2022 года). Также мы ориентировались на отбор губернаторов, находящихся на своем первом сроке нахождения в должности, когда они приспосабливаются к существующим условиям и более ярко демонстрируют политические (в т.ч. имиджевые) стратегии.

В результате проведенной категоризации региональных политических режимов Российской Федерации были определены *восемь различных типов режимов* с разной степенью представленности (табл. 2). Кроме того, в рамках исследования выявлена отдельная группа регионов, чьи политические режимы оказались «ординарными»: субъекты РФ в этой группе отличаются относительно медианными показателями по заданному распределению. На этапе сравнительного анализа основное правило отбора кейсов в рамках cross-case study по методу наибольшего различия включает анализ случаев, которые демонстрируют различия по одной значимой переменной при схожести по всем остальным параметрам. Это позволяет исследовать взаимосвязи и взаимодействия различных факторов в однородных условиях для углубленного понимания политических и коммуникативных процессов в разнообразных контекстах. В конечном счете нами были выбраны 12 подходящих по всем критериям глав российских субъектов (рис. 4).

Таблица 2

Трёхосевая типология региональных политических режимов (на конец 2022 г.)

Регион	Глава региона	Территориальная аффилиация	Описание
<i>НЕзависимый НЕавторитарный НЕпатримониальный</i>			
г. Санкт-Петербург	А. Беглов	Местный	Регионы с развитой электоральной системой и многочисленными группами элит. Обладают способностью к демократическому управлению ввиду их относительной экономической самостоятельности, что создает оптимальные условия для оформления власти местных губернаторов, которые, не испытывая внешнего давления или патронажа, могут принимать решения, наиболее соответствующие интересам и потребностям местных сообществ. Отдельное положение занимает Москва, обладающая уникальными условиями управления и гораздо более высоким уровнем централизации
Калужская область	В. Шапша	Местный	
Ленинградская область	А. Дрозденко	Местный	
Республика Саха (Якутия)	А. Николаев	Местный	
Чувашская Республика	О. Николаев	Местный	
г. Москва	С. Собянин	«Варяг»	
Костромская область	С. Ситников	Местный	
Тюменская область	А. Моор	Местный	

Регион	Глава региона	Территориальная аффилиация	Описание
НЕзависимый авторитарный патримониальный			
Чеченская Республика	Р. Кадыров	Местный	Только 1 уникальный регион с сильной концентрацией элит вокруг лидера авторитарного типа. При высоком уровне дотационности регион сохраняет значимую политическую автономию
Чеченская Республика	Р. Кадыров	Местный	
Зависимый авторитарный патримональный			
Республика Дагестан	С. Меликов	«Варяг»	Регионы отличаются высокой степенью централизации власти, но слабой политической автономией, потеря которой, скорее всего, обусловлена экономическими факторами (зависимость от субсидий, ограниченные собственные ресурсы). Концентрация власти ведет к формированию политической системы, в которой доминирует небольшое количество лиц, а механизмы демократической ротации оказываются ослаблены. В этих регионах сложно развивать стабильную многопартийную систему и обеспечивать прозрачное управление
Республика Дагестан	С. Меликов	«Варяг»	
Зависимый авторитарный НЕпатримониальный			
Республика Ингушетия	М. Калиматов	«Варяг»	Авторитарный режим, который при этом функционирует в условиях наличия множественных групп элит. Несмотря на зависимость от федерального центра и сильные позиции губернаторской власти, относительно авторитарному лидеру приходится налаживать диалог и договариваться с местными элитами для поддержания устойчивости своего управления
НЕзависимый НЕавторитарный патримониальный			
Республика Калмыкия	Б. Хасиков	Местный	Политическая власть в значительной степени концентрируется в руках местных губернаторов и их окружения: поддержание и укрепление положения местных элит часто происходит через механизмы исторически обусловленной патримониальной распределительной политики, в которой важнейшим элементом является личная верность. Относительная независимость от федеральной власти дает большую свободу в выборе управленческих стратегий, что может вести как к позитивным изменениям в развитии регионов, так и к усилению авторитарных тенденций
Амурская область	В. Орлов	Местный	
Вологодская область	О. Кувшинников	Местный	

Регион	Глава региона	Территориальная аффилиация	Описание
НЕзависимый авторитарный НЕпатримониальный			
Кемеровская область	С. Цивилёв	«Варяг»	«Электоральный султанат» с сильным ресурсным потенциалом, отличительным аспектом которого является консолидация власти на уровне губернатора. Ограниченное присутствие альтернативных групп, не обладающих определяющим влиянием на формирование политической повестки. Экономический потенциал региона позволяет губернатору в меньшей степени зависеть от федерального центра. Что способствует формированию уникальной региональной политической агенды, отличной от федеральных направлений
Зависимый НЕавторитарный патримониальный			
Республика Алтай	О. Хорохордин	«Варяг»	Губернаторские команды состоят преимущественно из элит, центрирующихся вокруг федеральных акторов, включая губернаторов-«варягов». Местные элиты, обычно не вовлеченные напрямую в управленческие процессы, но обладающие сохраненными неавторитарным стилем управления каналами коммуникации, могут использовать эти ресурсы для оказания воздействия на власть через косвенные методы, такие как медийные атаки или саботаж реализации решений.
Архангельская область	А. Цыбульский	«Варяг»	
Республика Бурятия	А. Цыденов	«Варяг»	
Чукотский АО	Р. Копин	«Варяг»	
Ненецкий АО	Ю. Бездудный	«Варяг»	
Зависимый НЕавторитарный НЕпатримониальный			
Алтайский край	В. Томенко	«Варяг»	Относительная зависимость внутренней повестки от федерального центра, губернаторы назначаются извне и не имеют прочных связей с разнородными местными элитами и альтернативными центрами власти. Режим отличается попытками балансирования интересов между федеральными и региональными элитами, что обеспечивает относительно низкий уровень авторитарности и поддерживает политическую конкуренцию
Камчатский край	В. Солодов	«Варяг»	
Забайкальский край	А. Осипов	«Варяг»	
Ивановская область	С. Воскресенский	«Варяг»	
Курганская область	В. Шумков	«Варяг»	
Магаданская область	С. Носов	«Варяг»	
Приморский край	О. Кожемяко	«Варяг»	
Смоленская область	А. Островский	«Варяг»	
Челябинская область	А. Текслер	«Варяг»	

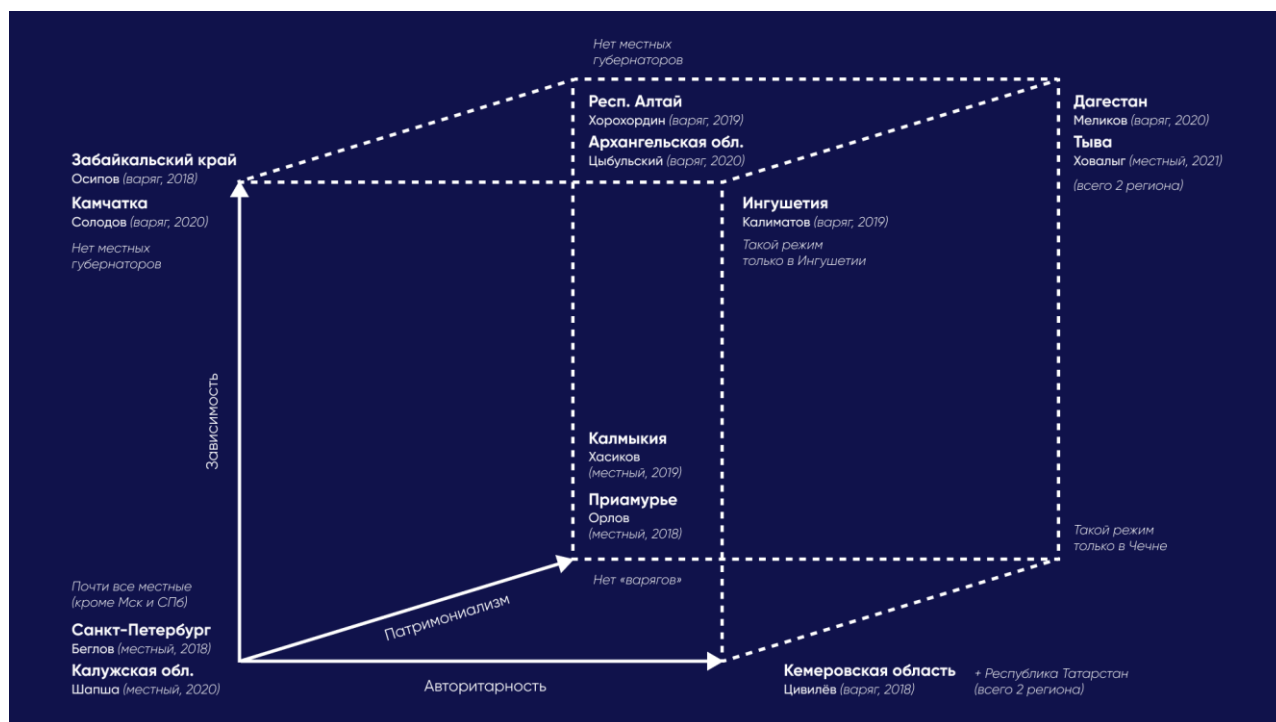

Рис. 4. Регионы выборки на трехмерном изображении индекса

Результаты сравнительного анализа

Уровень *патримониализма* в политическом режиме региона определяет и выбор, и характер использования имиджевых стратегий губернаторами, влияя на степень персонализации власти и стиль взаимодействия с населением.

Патримониальные режимы характеризуются акцентом на мифопоэтическую стратегию легитимации (эта стратегия используется в 30,9 % случаев) и формирование эмоционального настроя адресата как стратегию коммуникации (46,8 %), что укрепляет персонифицированный стиль управления. При высокой выраженности патримониализма губернаторы чаще обращаются к личностным нарративам, создавая образы, завязанные на культурных и исторических символах, что способствует укреплению их положения как неотъемлемой части политической и культурной жизни региона. При этом доля федеральной повестки (около 37,6 %) остается значимой. Губернаторы используют культурные нарративы для создания и укрепления связи с населением; они активно применяют мифопоэтические стратегии, включая обращение к национальным мифам и символам, для укрепления своей легитимности и создания образа заботливого и уважающего традиции лидера. Так, например, глава Республики Калмыкия Бату Хасиков рассматривает федеральные мифы как априорные и непреложные: «У калмыцкого народа одна судьба с Россией. Кто-то может сетовать на трагические исторические перипетии. Да, это было, но не только с нами. А по большому счету с любым из этносов России. В том числе и с русским»². А глава Дагестана Сергей Меликов в своих публикациях часто интегрирует местную повестку в общефедеральную: например, говоря о специальной военной операции, он обсуждает не ее цели и задачи, а развитие ее культурного влияния в контексте дагестанского «менталитета»: «Пример того, как нужно поддерживать своих земляков, дагестанцы показывают каждый день!»³.

Непатримониальные регионы, такие как Санкт-Петербург, напротив, опираются на рационализацию (30,3 %) и информационную открытость (45,0 %), минимизируя клиентелизм (манипулятивные тактики используются только в 1 % случаев). Губернаторы ориентируются на демонстрацию результатов своей работы и обеспечение стабильности через активное взаимодействие с федеральным центром и внимание к общенациональным инициативам, акцентируют внимание на прозрачности управления и рационализации решений, используя стратегии информирования и обоснования своих действий перед населением через открытый диалог и предоставление данных. Так, губернатор Кеме-

² Бату Хасиков [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/batu80> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Сергей Меликов [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/s.a.melikov> (дата обращения: 10.05.2024).

ровской области Сергей Цивилёв вместо создания патриотического милитаристского мифа пытается использовать рационально-материалистические методы воздействия на аудиторию – описывает заботу региона о бойцах, публикует телефоны поддержки, сообщает о проблемах и их решениях: *«Наша главная задача – обеспечить достойное сопровождение каждого мобилизованного от военного комиссариата до учебного центра, помочь всем, чем можем»*⁴.

В части формирования имиджа уровень *авторитаризма* в политическом режиме региона определяет степень открытости, маневренности и направленности коммуникационных стратегий на поддержание власти и легитимации через специфические речевые модели и нарративы.

В авторитарных регионах стратегии легитимации часто связаны с демонстрацией силы и контроля, ввиду чего тяготеют к символическим нарративам: мифопоэтика (31,7% от всех исследованных случаев) служит инструментом консолидации власти. Губернаторы активно обращаются к культурным и историческим символам, что помогает укрепить их образ как непререкаемых лидеров, важных для сохранения стабильности и порядка. Стратегии коммуникации в этом контексте часто сосредоточены на управлении информационным пространством с акцентом на вертикаль власти. Эмоциональная мобилизация (37,1 %) усиливает персонифицированный образ лидера, тогда как рационализация (26,0 %) отходит на второй план. В том числе губернаторы могут использовать речевые модели, направленные на формирование непререкаемого образа лидера. Так, глава Ингушетии Махмуд-Али Калиматов активно использует стратегию самопрезентации, подчеркивая свое личное участие в важных проектах и событиях: фразы формата *«лично убедился»* и *«сам проверил»* чаще остальных встречаются в его публикациях. Это подчеркивает его роль как центральной фигуры в управлении регионом, способного обеспечить стабильность в условиях динамичной политической ситуации.

В неавторитарных регионах, напротив, доминируют моральная оценка (30,9 % от всех случаев) и информационная открытость (44,1 %). Стратегии легитимации обычно более вариативны, инклюзивны и ориентированы на диалог. Например, в Камчатском крае, несмотря на зависимость от центра, высокая моральная оценка (используется в 58,0 % публикаций) сочетается с низкой долей федеральной повестки (всего 19,0 %), что может объясняться необходимостью легитимации в условиях экологических или экономических кризисов. Губернаторы неавторитарных регионов в целом активнее используют делиберативные коммуникативные стратегии, чтобы обеспечить прозрачность управления и участие граждан в принятии решений: *«Проводим опрос, насколько нужна такая функция в метро. Мы учтем предложения жителей города и поставим задачу перед производителем»*⁵, – пишет глава Санкт-Петербурга Александр Беглов.

Уровень зависимости региона в оценке его политического режима определяет выраженность легитимационных стратегий, подчеркивающих связь с федеральными нарративами и политикой.

Губернаторы, находящиеся в условиях высокой зависимости от федерального центра, часто прибегают к апелляции к авторитету и мифопоэтическим стратегиям (27,9 % от всех случаев использования стратегий легитимации). Эти стратегии поддерживают их образ как лояльных исполнителей федеральной воли, что критически важно для их политической стабильности и поддержки в регионе. В этом контексте наиболее часто транслируются нарративы, связанные с федеральной повесткой; местные истории и символы вписываются в общенациональный контекст. Иногда интересным образом: например, глава Республики Тыва в контексте специальной военной операции рассказывает про то, как тувинское горловое пение и боевые искусства применяются на линии фронта: *«Наше горловое пение особенно впечатляет сослуживцев, а рассказы о тувинской тайге завораживают, так командир и пишет»*⁶.

Губернаторы же регионов с низкой зависимостью делают акцент на рационализацию (31,6 %) и информационно-интерпретационные стратегии (47,0 %), что отражает их фокус на прозрачность управления и локальные приоритеты. Менее зависимые губернаторы более склонны подчеркивать уникальность и специфику своих регионов (местная повестка здесь достигает 65,6 %), акцентируя внимание на региональных проектах и инициативах, а также чаще персонализируют региональную идентичность: *«Если говорить о продуктивном коневодстве – я считаю, что Россия может входить в пятерку лучших в мировом рейтинге. У Калмыкии есть территория, традиции, наука, кадры»*⁷, – написал глава Калмыкии Бату Хасиков.

⁴ Сергей Цивилев [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: <https://m.vk.com/tsivilev42> (дата обращения: 10.05.2024).

⁵ Александр Беглов [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: https://vk.com/a_beglov (дата обращения: 10.05.2024).

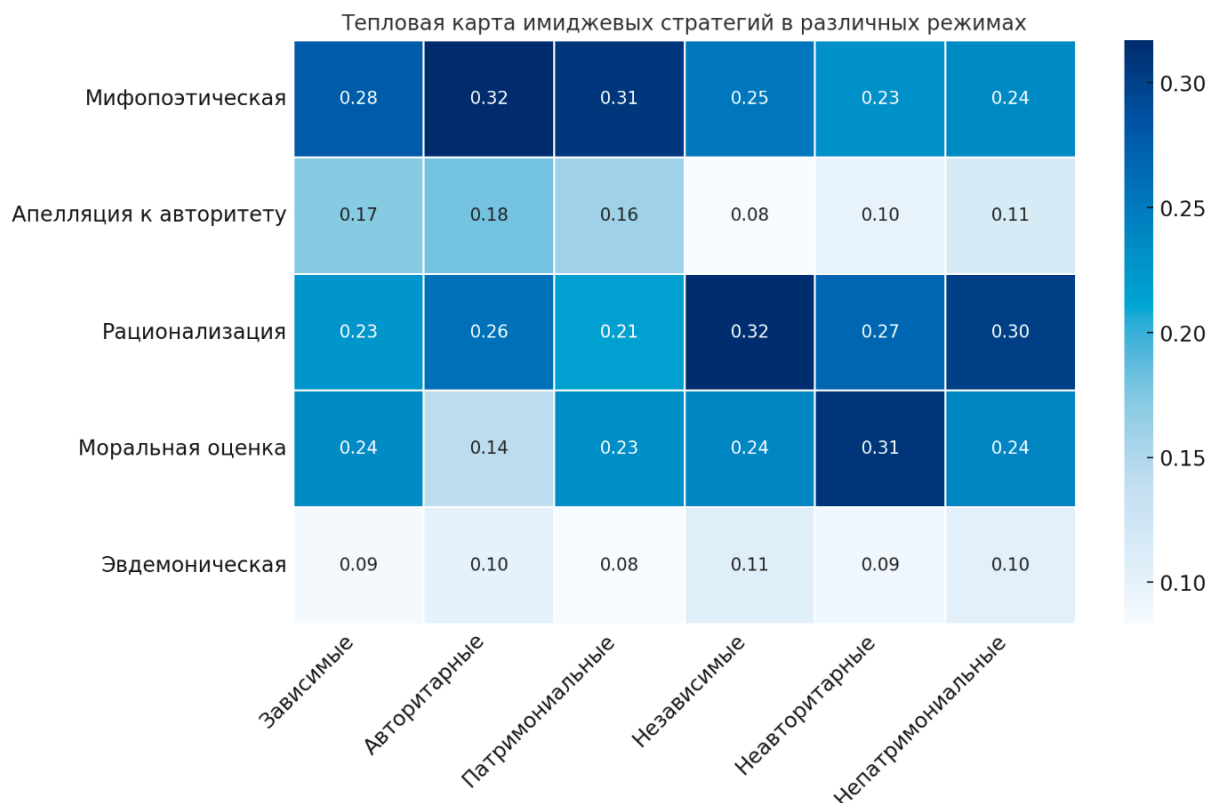
⁶ Владислав Ховалыг [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/vladislavkhovalyg> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ Бату Хасиков [Электронный ресурс], *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/batu80> (дата обращения: 10.05.2024).

В независимых, неавторитарных и непатримониальных регионах сочетание рационализации (30,3 %), информационной открытости (45,0 %) и высокой доли местной повестки (65,3 %) формирует модель прозрачного управления, где легитимность основывается на логическом обосновании решений и ориентации на региональные интересы. Исключением выступает Кузбасс, где независимость сочетается с авторитаризмом: при высокой рационализации (42,3 %) и очень сильной местной повестке (79,2 % случаев) сохраняется жесткий контроль, что подчеркивает роль экономической автономии в формировании уникальных управленческих паттернов.

Результаты проведенного исследования подтверждают изначальное исследовательское предположение о том, что тип политического режима, который сложился в том или ином российском регионе, оказывает влияние на выбор соответствующим главой региона имиджевых стратегий, стратегий коммуникации и легитимации власти (рис. 5): *региональный политический режим функционирует как рамочный институт, интегрированный в структуру вертикали власти*. В этой роли региональный режим определяет «правила игры», устанавливающие потенциальные выгоды и издержки для каждой имиджевой стратегии. Сделан важный для дальнейших исследований вывод: подходы губернаторов к управлению в условиях определенного политического контекста могут варьироваться даже в пределах одного режима, влияя на количественные и качественные аспекты применения стратегий легитимации и коммуникации. Многообразие подходов к политике может приводить к напряжениям во внутрирегиональных политических отношениях, что, в свою очередь, сказывается уже на выборе имиджевых стратегий губернатором.

Наконец, было определено, что фактор территориально-политической принадлежности губернатора («варяги») не определяет ключевые цели имиджевой политики, но влияет на выбор коммуникативных инструментов. Губернаторы – как местные, так и «варяги» – одинаково стремятся к интеграции в местное сообщество и используют для этого культурно обусловленные нарративы, которые помогают установить связь с населением региона. При этом местные губернаторы, уже имеющие устоявшиеся связи в регионе, чаще всего используют стратегии легитимации, основанные на рационализации, что позволяет им укреплять свои позиции среди местных элит и населения, не прибегая к конфликтам или агрессивным методам. В свою очередь, губернаторы-«варяги» могут использовать более широкий спектр стратегий, включая активное нападение и дискредитацию.

Рис. 5. Доля конкретных стратегий по классификации от общего числа использованных стратегий легитимации

В рамках теоретической модели данного исследования стратегии коммуникации рассматриваются как механизмы взаимодействия между целевыми аудиториями и субъектом власти, но при этом основой этих стратегий является внутренняя деятельность властного субъекта. Фактор «варяга» как раз представляет собой характеристику внутренней деятельности субъекта власти, которая влияет на выбор конкретных методов коммуникации, но не определяет напрямую стратегические цели этих коммуникаций, которые являются составляющими стратегий легитимации и остаются неизменными. Таким образом, даже при наличии единых стратегий легитимации, губернаторами могут быть применены различные варианты коммуникационных стратегий в зависимости от внутренней политики и характеристик субъекта власти.

Заключение

Исследование, посвященное анализу имиджевых стратегий российских губернаторов в контексте региональных политических систем, раскрывает комплексные процессы формирования и восприятия политической власти на субнациональном уровне. Важным аспектом работы в области имиджевых исследований стал тот факт, что региональные политические режимы рассматривались как контекстуальный (рамочный) фактор в процессе формирования имиджа губернаторов. Результаты подтверждают влияние локального контекста на коммуникацию и раскрывают взаимодействие властных структур с политической системой.

Классификация региональных политических режимов обеспечивает базу для более глубокого понимания взаимосвязей между политической структурой и публичными стратегиями управления. Это особенно актуально в контексте федеративных государств вроде России, где различия в региональных политических системах могут значительно влиять на общенациональную политику. Применение данной классификации помогает определить, какие факторы наиболее значимы для устойчивости или изменчивости политических систем, что крайне важно для понимания процессов региональной интеграции⁸.

Список литературы / References

- Афанасьев, М. Н. (2002) 'Российская Федерация: слабое государство и «президентская вертикаль»', *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*, 4(41), сс. 25–38. [Afanas'ev, M. N. (2002) 'The Russian Federation: A Weak State and the «Presidential Vertical»' [Rossiiskaya Federatsiya: slaboe gosudarstvo i «prezidentskaya vertikal'»], *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie*, 4(41), pp. 25–38. (In Russ.)].
- Балакина, Ю. В., Соснин, А. В., Туманова, М. В. (2022) 'Стратегии легитимации и поддержания имиджа в дискурсе российских губернаторов во время пандемии COVID-19', *Вестник Пермского университета. Политология*, 16(4), сс. 5–16. [Balakina, Yu. V., Sosnin, A. V., Tumanova, M. V. (2022) 'Legitimation and Image-Maintenance Strategies in the Discourse of Russian Governors During the COVID-19 Pandemic' [Strategii legitimatsii i podderzhaniya imidzha v dis-kurse rossiiskikh gubernatorov vo vremya pandemii COVID-19], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, 16(4), pp. 5–16. (In Russ.)].
- Баландин, Ю. А. (2022) 'Патронаж как ключевой предиктор ротации губернаторов: факторы устойчивости глав регионов России после возвращения губернаторских выборов в 2012 г.', *Вестник Пермского университета. Политология*, 16(4), сс. 73–84. [Balandin, Yu. A. (2022) 'Patronage as a Key Predictor of Governor Rotation: Factors of Stability of Russian Regional Heads After the Return of Gubernatorial Elections in 2012' [Patronazh kak klyuchevoi prediktor rotatsii gubernatorov: faktory ustoichivosti glav regionov Rossii posle vozvrashcheniya gubernatorskikh vyborov v 2012 g.], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, 16(4), pp. 73–84. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-73-84. EDN: DMHFYM.

⁸ Статья написана по результатам исследования, проведенного в рамках выпускной квалификационной работы «Анализ имиджевых стратегий губернаторов в контексте региональных политических режимов в России в 2017–2022 гг.» образовательной программы «Политология» ФСН НИУ ВШЭ (научный руководитель – к.п.н., преподаватель Департамента политики и управления Ю.А. Баландин).

- Гайворонский, Ю. О. (2015) 'Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения', *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 2, сс. 21–37. [Gaivoronskii, Yu. O. (2015) 'Regional Political Regimes in Russia: Conceptual Innovations and Measurement Opportunities' [Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: kontseptual'nye novatsii i vozmozhnosti izmereniya], *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2, pp. 21–37. (In Russ.)].
- Гельман, В. Я., Рыженков С., Бри М. (ред.) (2000) *Россия регионов: трансформация политических режимов*. Москва: Весь мир. 375 с. [Gel'man, V., Ryzhenkov, S., Bri, M. (eds.) (2000) *Russia of the Regions: The Transformation of Political Regimes* [Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov]. Moscow: Ves' mir. 375 p. (In Russ.)].
- Гельман, В. Я. (2019) «Недостойное правление»: политика в современной России. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 254 с. [Gel'man, V. (2019) *Unworthy Governance: Politics in Modern Russia* [Nedostoynoe pravlenie: politika v sovremennoi Rossii]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 254 p. (In Russ.)]. ISBN: 978-5-94380-286-7. EDN: RLPOEZ.
- Долгов, В. М., Стрижова, А. Ф. (2012) 'Структурные особенности региональной политической элиты в современной России', *Власть*, 11, сс. 56–60. [Dolgov, V. M., Strizhova, A. F. (2012) 'Structural Features of Regional Political Elites in Modern Russia' [Strukturnye osobennosti regional'noi politicheskoi elity v sovremennoi Rossii], *Vlast'*, 11, pp. 56–60. (In Russ.)].
- Касаткин, И. Г. (2007) *Имидж федерального органа исполнительной власти как управленческий ресурс*: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Москва. 383 с. [Kasatkin, I. G. (2007) *The Image of a Federal Executive Body as a Management Resource* [Imidzh federal'nogo organa ispolnitel'noi vlasti kak upravlencheskii resurs]. PhD thesis (Social Sciences). Moscow. 383 p. (In Russ.)]. EDN: NJJPEJ.
- Ковалев, В. А. (2002) 'Поставторитарный синдром в регионе (Опыт республики Коми в контексте «путинского федерализма»)', *Полис. Политические исследования*, 6, сс. 95–103. [Kovalev, V. A. (2002) 'Post-Authoritarian Syndrome in the Region (The Case of the Komi Republic in the Context of «Putin's Federalism»)»' [Postavtoritarnyi sindrom v regione (Opyt respubliky Komi v kontekste «putinskogo federalizma»)'], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 95–103. (In Russ.)].
- Колмогорова, А. В. (2018) 'Дискурсивные стратегии легитимации однополых браков в российском медиапространстве', *Экология языка и коммуникативная практика*, 2(13), сс. 99–117. [Kolmogorova, A. V. (2018) 'Discursive Strategies of Legitimizing Same-Sex Marriages in Russian Media' [Diskursivnye strategii legitimatsii odnopolykh brakov v rossiiskom mediaprostranstve], *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2(13), pp. 99–117. (In Russ.)].
- Кузьмин, А. С., Мелвин, Н. Д., Нечаев, В. Д. (2002) 'Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации', *Полис. Политические исследования*, 3, сс. 142–155. [Kuz'min, A. S., Melvin, N. D., Nechaev, V. D. (2002) 'Regional Political Regimes in Post-Soviet Russia: Typology Experience' [Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetskoi Rossii: opyt tipologizatsii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 142–155. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2019) 'Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор ретцентрализации (опыт 1991–2018 гг.)', *Полития*, 2(93), сс. 125–150. [Kynev, A. V. (2019) 'The Phenomenon of "Varangian" Governors as an Indicator of Recentralization (1991–2018)' [Fenomen gubernatorov-«varyagov» kak indikator retsentralizatsii (opyt 1991–2018 gg.)], *Politiya*, 2(93), pp. 125–150. (In Russ.)].
- Ледяев, В. Г., Ледяева, О. М. (2013) 'Основания легального авторитета: манипуляция и убеждение', *PolitBook*, 4, сс. 8–20. [Ledyayev, V. G., Ledyayeva, O. M. (2013) 'Bases of Legal Authority: Manip-

- ulation and Persuasion' [Osnovaniya legal'nogo avtoriteta: manipulyatsiya i ubezhdenie], *PolitBook*, 4, pp. 8–20. (In Russ.)). EDN: SGILNX.
- Малинова, О. Ю. (2013) *Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России*. Москва: ИНИОН РАН. 421 с. [Malinova, O. Yu. (2013) *Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia* [Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii]. Moscow: INION RAN. 421 p. (In Russ.)].
- Медушевский, А. Н. (2002) *Сравнительное конституционное право и политические институты: курс лекций*. Москва: ГУ ВШЭ. 512 с. [Medushevskii, A. N. (2002) *Comparative Constitutional Law and Political Institutions: A Course of Lectures* [Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty: Kurs lektsii]. Moscow: GU VShE. 512 p. (In Russ.)].
- Мозолин, А. В. (2004) *Методика анализа имиджа и его положения в информационном пространстве*. Екатеринбург: Издательство АМБ. 44 с. [Mozolin, A. V. (2004) *Methods of image analysis and its position in the information space* [Metodika analiza imidzha i ego polozheniya v informatsionnom prostranstve]. Ekaterinburg: Izdatelstvo AMB. 44 p. (In Russ.)].
- Петеррсон, Б. (2016) 'Легитимность, популярность и конструирование политического мифа: современные дискуссии', в: *Символическая политика*. Москва: ИНИОН РАН, с. 52–64. [Peterson, B. (2016) 'Legitimacy, Popularity, and the Construction of Political Myth: Contemporary Debates' [Legitimnost', populyarnost' i konstruirovaniye politicheskogo mifa: sovremennyye diskussii], in: *Simvolicheskaya politika*. Moscow: INION RAN, pp. 52–64. (In Russ.)].
- Страхов, К. А., Пугачев, А. Н. (2023) *Парламент на ладони. Рейтинг открытости парламентов российских регионов*. Исследование третье. Санкт-Петербург: Фонд развития городского самоуправления «1870», 40 с. [Strakhov, K. A., Pugachyov, A. N. (2023) *Parliament in the Palm of Your Hand: Ranking the Transparency of Regional Parliaments in Russia*. Third Study [Parlament na ladoni. Reyting otkrytosti parlamentov rossiiskikh regionov. Issledovaniye tret'e]. St. Petersburg: Fond razvitiya gorodskogo samoupravleniya «1870», 40 p. (In Russ.)]. ISBN: 978-5-6044552-3-4. EDN: GQHGZI.
- Туровский, Р. Ф. (2008) 'Институт губернатора в России: современная эволюция и перспективы', в: *Региональная Россия – 2008: политика, деловой климат и социальные процессы в сравнительной перспективе*. Нижний Новгород: Издательство ВВАГС, сс. 14–33. [Turovskii, R. F. (2008) 'The Institution of Governor in Russia: Modern Evolution and Prospects' [Institut gubernatora v Rossii: sovremennaya evolyutsiya i perspektivy], in: *Regional'naya Rossiya – 2008: politika, delovoi klimat i sotsial'nye protsessy v sravnitel'noi perspektive*. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo VVAGS, pp. 14–33. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2009) 'Региональные политические режимы в России: к методологии анализа', *Полис. Политические исследования*, 2(110), сс. 77–95. [Turovskii, R. F. (2009) 'Regional Political Regimes in Russia: Towards a Methodology of Analysis' [Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2(110), pp. 77–95. (In Russ.)].
- Фомин, И. В. (2014) *Образ государства как предмет политического дискурса-анализа: дис. ... канд. полит. наук*. Москва. 170 с. [Fomin, I. V. (2014) *The Image of the State as a Subject of Political Discourse Analysis* [Obraz gosudarstva kak predmet politicheskogo diskursanaliza]. PhD thesis (Political Sciences). Moscow. 170 p. (In Russ.)]. EDN: FMRIQY.
- Шепель, В. М. (2013) 'Неиспользованные ресурсы имиджа С. Собянина (по итогам выборов мэра Москвы)', *Репутациология*, 5–6(27–28), сс. 51–56. [Shepel', V. M. (2013) 'Untapped Resources of S. So-byanin's Image (Based on the Results of

- the Moscow Mayoral Elections') [Neispol'zovannyye resursy imidzha S. So-byanina (po itogam vyborov mera Moskvy)], *Reputatsiologiya*, 5–6(27–28), pp. 51–56. (In Russ.).
- Giraudy, A. (2013) 'Varieties of Subnational Undemocratic Regimes: Evidence from Argentina and Mexico', *Studies in Comparative International Development*, 48(2), pp. 51–80. DOI: 10.1007/s12116-012-9117-4. EDN: NEKWYH.
- Holmes, L. (1997) *Post-communism: An introduction*. Durham, NC: Duke University Press. 384 p.
- Klimovich, S. (2023) 'Mind the Gap between the Governor and the People: The Common Agency Problem in Russian Authoritarian Federalism', *Publius: The Journal of Federalism*, 53(2), pp. 301–324. DOI: 10.1093/publius/pjad001. EDN: XTBISA
- Mazucca, S. (2010) 'Access to Power Versus Exercise of Power: Reconceptualizing the Quality of Democracy in Latin America', *Studies in Comparative International Development*, 45, pp. 334–357. DOI: 10.1007/s12116-010-9069-5. EDN: QIPQBY.
- Stone, C. (2001) 'The Atlanta Experience Re-examined: The Link Between Agenda and Regime Change', *International Journal of Urban and Regional Research*, 25(1), pp. 20–34. DOI: 10.1111/1468-2427.00295.
- Van Leeuwen, T. (2008) *Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis*. Oxford: Oxford University Press. 172 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195323306.001.0001.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

REGIONAL POLITICAL REGIMES AND THE IMAGE-BUILDING STRATEGIES OF RUSSIAN GOVERNORS (2017–2022)

A. Skvortsov

Alexey Skvortsov, 2st year Master's student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: aaskvortsov_2@edu.hse.ru (ORCID: 0009-0001-5602-1180. ResearcherID: NFT-8997-2025).

Abstract

This article analyzes the relationship between regional political regimes and the image-building strategies employed by Russian governors to legitimize their power from 2017 to 2022. The central hypothesis is that the regional political context shapes the tools governors use for public positioning. The methodological framework combines Y. Gaivoronsky's three-axis model for classifying regional regimes with critical discourse analysis of content from the social network VKontakte. The findings confirm that the regional political system determines not only the choice of communication tools but also the extent to which these tools are adapted to the centralized vertical structure of power. Furthermore, a governor's territorial origin influences communication styles. Outsiders tend to use confrontational tactics, while local leaders are more inclined toward rationalization. The study highlights the role of the regional context as a framing institution that determines the ground rules for image strategies. It contributes to the understanding of political legitimation mechanisms in a federal system and expands the methodological toolkit for analyzing subnational political processes.

Keywords: regional political regimes; image of power; legitimation of power; power vertical; social media; image-building strategies; authoritarianism; patrimonialism.

УДК-323:35(4)

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-86-97

КООПТАЦИЯ, УСТУПКИ И РИСК ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ: ПОЧЕМУ РЕФОРМЫ УСИЛИВАЮТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ?

Н. В. Борисова

Борисова Надежда Владимировна, доктор политических наук, доцент, научный сотрудник, Отдел по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский институт Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия.

E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820).

Аннотация

Рассматриваются институциональные и агентивные факторы неуспеха реформ-уступок, направленных на удовлетворение требований этнических движений за самоопределение (ДС). На основе бинарного сравнительного анализа четырех кейсов (Черногория vs Сербия и Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия; албанское меньшинство vs Северная Македония и венгерское меньшинство vs Словакия) исследуются политико-исторический контекст, институциональные условия, структура и фрагментация ДС, специфика элит и стратегия кооптации со стороны правящих групп. В центре внимания – динамика взаимодействия между государством и этническим движением, выборные и управленческие стратегии элит, а также влияние институционального дизайна на устойчивость или, напротив, воспроизводство территориальной конфликтности. Автор показывает, что даже полностью реализованные реформы могут не привести к снижению конфликтности или угрозы территориальной целостности, если сохраняется высокая фрагментированность движений, влияет внешнее давление или кооптация носит инструментальный характер. Сделан вывод о комплексной роли политических акторов и политико-исторического и институционального контекста в (не)успехе реформ-уступок в условиях этнополитической напряженности.

Ключевые слова: движения за самоопределение; угроза территориальной целостности государства; политико-институциональные реформы Черногория; Сербия; фриульцы; северо-македонские албанцы.

Введение

Ориентируясь на результаты исследования Х. Фьельде и И. де Сойса¹ можно предположить, что политика ограничительных реформ усиливает угрозу территориальной целостности, в то время как политика уступок снижает вероятность ее сохранения или возникновения. Эмпирические данные о 183 разнообразных движениях за самоопределение (ДС) в 82 странах за 1991–2020 годы это ожидание подтверждают. Но выявлены 18 эпизодов реформ-уступок требованиям ДС с возросшим уровнем угрозы территориальной целостности страны. В трех из них реформы не сопровождали подавление или ограничение ДС: Конституционная хартия государственного сообщества Сербии и Черногории (2002 год), уравнивавшая их статусы; законы 2008–2011 годов об официальных языках в Северной Македонии в ответ на требования албанского ДС; создание в 2011 году Территориальной администрации Горкхаленда в ответ на требования горкхов в Западной Бенгалии в Индии. Эти реформы сопровождало обострение конфликта, а в случае Черногории не остановили ее выход из состава государства.

Исследование нацелено на определение причин неуспеха реализации реформ-уступок в отношении ДС, под которым понимается усиление угрозы территориальной целостности страны. Сначала на основе анализа исследовательской литературы, показаны возможные теоретические объяснения

© Борисова Н. В., 2025

¹ Х. Фьельде и И. де Сойса на примере данных о вооруженных конфликтах с 1961 по 2004 гг. (Gleditsch et al., 2002) различают потенциал принуждения (угрозы), потенциал кооптации (экономический потенциал) и потенциал сотрудничества (интеграционный потенциал) правительства. Они обнаружили, что вторая и третья стратегии являются более значимыми предикторами гражданского мира, чем стратегия принуждения (Fjelde, de Soysa, 2009: 5).

(не)успеха политико-институциональных реформ. Далее определены случаи для малоказусного сравнения, описаны стратегии участников конфликтов, их требования и реформы. На основе бинарного сравнения обсуждается возможная конфигурация политико-институциональных и агентивных факторов, определяющих (не)успех реформ-уступок.

Почему неуспешны реформы? Теоретические объяснения

Исследования этнополитических конфликтов показывают, что уровень конфликтности, сила требований, равно как и политико-институциональный ответ на них обусловлены прежде всего структурными факторами – характеристиками этнической миноритарной группы: ее размером, особенностями пространственной локализации и форматом сегрегированности (Toft, 2003; Горовиц, 2007; Liu, 2017; Панов, 2025; Борисова, 2017; Борисова, 2019). Большее значение для (не)успешности реформ как ответа на требования ДС имеют факторы, связанные с этнической структурой общества. Но если «вывести за скобки» роль структурных характеристик, то какие иные факторы и в какой конфигурации оказывают влияние на (не)успех реформы?

Ж.-Ф. Верн и П. Дюран, работая с концептом «пути зависимости», пишут, что успех реформы обеспечивают экзогенные шоки или накопленные эндогенные условия (Vergne, Durand, 2010). При этом их объяснение дает ответ на вопрос о том, *что блокирует имплементацию реформы*. Запуская реформы-уступки в результате внутреннего давления (СРЮ, Индия) или внешнего принуждения (Северная Македония) в контексте «экзогенного шока» (Косовский конфликт для Северной Македонии), реформаторы (национальные правительства) «выходили из колеи». Л. Гросс и С. Гримм на примере современной Хорватии показывают, что провал реформы не всегда связан только с дефицитом институционального потенциала или внешним давлением: спор может возникать вокруг масштабов реформ между внутренними и внешними акторами, несмотря на согласие в целях (Groß, Grimm, 2016: 139–140). В нашем случае, однако, реформы признаются успешными и полностью реализованными, поэтому объяснение Гросса и Гримма неприменимо.

Ж.-П. Фаге и М. Шами на основе «концепции инструментальной несогласованности» показывают, что различия в реализации похожих реформ обусловлены внутренней консолидированностью и способностью сторон формировать коалиции (Faguet, Shami, 2022: 82–83). Теория политической кооптации описывает включение оппозиции во власть как стратегию автократа по ослаблению и обеспечению лояльности оппозиции (Gandhi, Przeworski, 2006; Gerschewski, 2013). Кооптация, фрагментируя и маргинализируя оппозицию, способствует выживаемости режима (Schedler, 2006; Bunce, Wolchik, 2011; Шкель, 2015). Вне зависимости от типа режима ее можно рассматривать не только в качестве механизма «поглощения» политических оппонентов, но как стратегию взаимодействия правящей элиты и оппозиции: первая вовлекает вторую в принятие решений и реализацию реформ, делегируя ей ответственность, а оппозиция ищет признание и доступ к ресурсам (Trumpy, 2008). Кооптация, в отличие от подавления, хотя и позволяет власти достигать целей с меньшими затратами, фрагментируя оппозицию, но чревата риском ослабления самой власти. М. Грабевник выделяет три класса практик кооптации ДС в современной Европе: устойчивые правительственные кооптации высокой степени с разными партиями; кооптации средней степени – с одним или близкими идеологически партнерами; минимальные кооптации с разными партиями власти, но с приоритетными союзниками (Грабевник, 2025a). Его наблюдения объясняют многообразие кооптационных практик и их детерминанты, но не проясняют, как выбор кооптационной стратегии соотносится с сохранением или усилением угрозы территориальной целостности при проведении реформ-уступок.

Анализ литературы позволяет сформулировать гипотезу о том, что при относительно похожих структурных условиях и характеристиках ДС территории, от имени которой оно выступает, (не)успех реформ-уступок обусловлен конфигурацией политических контекстных и агентских факторов, а именно: политико-исторический контекст политико-территориального конфликта, стратегии взаимодействия между собой субъектов этого конфликта (ДС и правительства), а также институционально-политическая организация арен этого взаимодействия (партийная и электоральная системы).

Дизайн исследования и выборка

Для проверки гипотезы было проведено бинарное сравнение четырех случаев реформ-уступок в ответ на требования этнических ДС метода поиска различий при максимальном сходстве. Подобраны случаи, отвечающие следующим критериям сходства: (1) ДС является этническим, а (2) политико-

институциональные реформы содержательно отвечают признакам «реформ-уступок»²), но при этом результаты (динамика угроз целостности) являются разными (динамика уровня угрозы)³. Для подбора «пары» учитываются: наличие / отсутствие статуса автономной административно-территориальной единицы (АТЕ) субнационального уровня; его географическое положение и природоресурсные характеристики; наличие / отсутствие у ДС родственного государства; сходство этнической структуры (доля группы и ее «концентрация в населении АТЕ, от лица которой выступает ДС»⁴. Случай «Черногория vs Сербия» имеет сходство с кейсом «Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия»; случай «албанское меньшинство vs Северная Македония» похож по структурным характеристикам на «сербское меньшинство в Хорватии», а также «венгерское меньшинство в Словакии». «Бодо vs Ассам» потенциально похож на случай «горкхи vs Западная Бенгалия». Но с учетом значительной разницы в концентрации группы в составе населения⁵ было принято решение не включать их в анализ.

АТЕ, в границах которой действует ДС, в случае Черногории является субъектом федерации с момента образования Союзной Республики Югославии (после распада СФРЮ) и до преобразования ее в 2002 году в Союзное государство Сербии и Черногории. До 2006 года Черногория являлась членом конфедерации. Фриулия-Венеция-Джулия – автономный регион в составе современной Италии. Фриулия-Венеция-Джулия, Сицилия, Сардиния, Трентино-Альто-Адидже и Валле-д’Аоста в 1970–2010 годах имели особый статус, закрепленный ст. 116 Конституции, региональными статутами. В обоих случаях ДС действует на территории всего АТЕ, от имени которого выступает ДС. АТЕ расположен на границе с другими государствами; ДС не имеет родственного государства. Разница между черногорцами и фриульцами по «концентрации в населении АТЕ» составляет около 4,5 пунктов (75 и 79,41 соответственно).

Случай «албанцы vs Северная Македония» сравним с ДС сербов в Хорватии и венгров в Словакии. Здесь ДС действует в границах ординарных АТЕ второго субнационального уровня – муниципалитетах на границе с другими государствами, в т.ч. родственными. Наименьший показатель концентрации этнической группы в населении АТЕ у сербов (38,61). Между концентрацией венгров и албанцев обнаружена разница почти в 20 пунктов (57,19 и 76,73 соответственно). Но в обоих случаях этот показатель более 50. В случае хорватских сербов нужно учитывать их фактический исход из страны после Войны в Сербской Краине (1995 год). Согласно Переписи населения 1991 года, доля сербов в т.н. Сербской Краине (1991–1995 годы) составляла около 90 %, а после этнических чисток и исхода упала, по данным Переписи 2001 года, до 8,7 % (Млечко, 2018). Уменьшение доли группы, от лица которой выступает ДС, снижает его политический вес и ресурсность.

Окончательную выборку для сравнения составляют две пары случаев: 1) «Черногория vs Сербия» и «Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия»; 2) «албанское меньшинство vs Северная Македония» и «венгерское меньшинство vs Словакия». Далее на основе двух бинарных сравнений объясняется, почему в сходных структурных условиях ДС имеют разную силу и выдвигают разные требования⁶?

Национальное самоопределение или региональная автономия? Сравнительный анализ Черногории и Фриулии-Венеции-Джулии

Черногория vs Сербия. Федерализация Югославии в 1974 г. была ответом на рост региональных диспропорций и угрозу этнополитических конфликтов, а также инструментом ослабления Сербии через наделение Воеводины и Косова автономией и правом вето на ее решения (Романенко, 2009). После смерти Тито союзные республики воспользовались правом на самоопределение, запустив распад Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), в ходе которого Сербия и Черногория создали СРЮ, в которой стремление С. Милошевича к политическому доминированию ограничило их равноправие. Во второй половине 1990-х годов Черногория инициировала са-

² Эмпирическая фиксация характера реформы: решение принято в виде нормативного акта с учетом требований ДС и имплементировано в полной мере.

³ Эмпирическая фиксация динамики угрозы при наличии одного из условий: 1) произошла сецессия; 2) ДС получило фактический контроль над территорией, где оно действует; 3) ДС приняло Декларацию о независимости; 4) ДС организовало и провело референдум по вопросу о независимости; 5) насильственный характер конфликта; 6) есть «значимые» сецессионистские партии или движения.

⁴ $Conc = Nr / Nc$, где Nr – численность этнической группы на территории, где действует ДС; Nc – численность этой же этнической группы в составе всей страны.

⁵ «Концентрация групп» составляет 29,25 и 64,73 % соответственно.

⁶ Требования ДС фиксировались по эпизодам; начало каждого эпизода определялось по дате новой реформы-уступки как ответа на требования ДС.

мостоятельную внешнюю политику, что в условиях косовского конфликта стимулировало идеи конфедерализма и требования институционализации паритетного представительства в союзных органах. Осенью 1999 года Черногория приняла Закон о гражданстве Черногории. Под руководством М. Джукановича «Демократическая партия социалистов» («ДПС»)⁷ взяла курс на сближение с Западом, что спровоцировало раскол партии. Для сохранения электоральной поддержки «ДПС» сосредоточилась на лозунгах о самостоятельности Черногории («За Черногорию»), которые в условиях конфликта в Косове (1998 год), расположенном на границе с Черногорией, оказались популярны.

К победе на выборах президента Черногории в 1998 г. Джуканович пришел, обещая решить экономические проблемы за счет помощи от Евросоюза, что контрастировало с политикой С. Милошевича. Победу на выборах в скупщину Подгорицы 2000 года одержала коалиция «За лучшую жизнь» во главе с «ДПС»⁸. Черногорские албанцы, выступая с требованием самоуправления для этнических общин (Клименко, 2017) в контексте косовского конфликта поддержали Джукановича в его оппозиции политике Белграда в отношении Косова. Сепаратистские настроения в Черногории стимулировались албанским фактором в Сербии в целом. С 2000 года черногорские политики бойкотировали работу федеральных институтов, отказываясь выполнять союзные законы, а также экономически дистанцируясь от Белграда. «ДПС» все активнее продвигала идею независимости, и в 2001 году она стала частью ее программы.

В 2002 году при посредничестве Евросоюза (ЕС) было подписано Белградское соглашение, формализовавшее паритет Сербии и Черногории⁹ и закрепившее право на выход через референдум¹⁰. В 2006 году Черногория провела референдум: 55,5 % проголосовали за независимость (особенно высокой поддержка была в албанских районах)¹¹. Белградские политики и политологи¹² отмечали, что на референдуме 2006 года на избирательных участках использовались технологии «каруселей» и подвоза избирателей, указывая на то, что разница между сербом и черногорцем не столь очевидна, сколь между сербом и албанцем / венгром. Сербия признала независимость Черногории. Как отмечает А. Соколов, причинами выхода стали неэффективные механизмы урегулирования споров и неспособность сторон согласовать интересы (Соколов, 2008).

Фриулия-Венеция-Джулия vs Италия. Фриулия-Венеция-Джулия была образована в 1954 году путем объединения исторических провинций Фриули и Венеции-Джулии (Мартынова, 2016). Опыт насильственной итальянизации в годы Второй мировой войны и политическая нестабильность на восточной границе после нее вызвали движение за расширение самоуправления и защиту этнокультурных прав фриульского, словенского и немецкоязычного населения. В 1963 году регион получил автономный статус¹³, обеспечивший гарантии прав меньшинств и территориальную интеграцию разных территорий (Сулимов, б.д.). Однако объем автономии был меньше, чем, например, у Трентино-Альто-Адидже, что повлияло на дальнейшие требования к расширению полномочий региона (Сулимов, 2024).

В 1966 году во Фриулии-Венеции-Джулии была создана первая регионалистская партия – «Движение за автономию Фриулии» («ДАФ»), которая выступала за расширение автономии, защиту фриульской культуры и языка. В 1991 году она уступила место «Фриульской Лиге» («ФЛ»). Лидеры «ДАФ» вошли в состав «ФЛ», которая возглавила региональное правительство, успешно участвуя в выборах 1993 и 1998 годов¹⁴. В 1990–2000-х годах появлялись и другие регионалистские партии, но их электоральный успех был невелик. В 1993 году в выборах участвовала «Лига автономной Фриулии», в 1998 году – «Единая Фриулия» и «Проект Автономии», в 2003 году – «Свобода и автономия». В целом ДС Фриулии-Венеции-Джулии оставалось фрагментированным, а «ФЛ» интегрировалась в проект «Лиги Севера» («ЛС»), которая в 2010-х фактически стала общенациональной партией (Albertazzi et al., 2018).

⁷ «ДПС» – правопреемница «Союза коммунистов Черногории», правящая партия с 1991 по 2020 г.

⁸ В коалицию также вошли «Социал-демократическая партия» и «Народная партия».

⁹ Agreement on Principles of Relations between Serbia and Montenegro within the State Union, 2002. Belgrade, 14 March.

¹⁰ Белградское соглашение отвечало интересам ЕС, а Черногория настаивала на независимости (Darmanović, 2006: 16). Конституционная хартия Государственного сообщества допускала сепессию через референдум не ранее чем через три года с согласованием спорных вопросов. См.: Конституционная Хартия Государственного сообщества Сербия и Черногория, б.д.

¹¹ Centar za monitoring Cemi (2006) *Konačni rezultati Referenduma u Crnoj Gori / RefeRendum u CRnoj GoRi 2006*. Podgorica: Centar za monitoring Cemi, p. 115.

¹² Экспертные интервью (2023). Белград. [Архив автора].

¹³ Treaty No. 3297 (n.d.) United States of America, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Italy and Yugoslavia. In: *Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations*, pp. 99–119.

¹⁴ Friuli. General information (2021) [online], *Nationalia*, October. Available at: <https://nationalia.info/region/11519> (accessed: 11 May 2025).

«ЛС» стала одним из авторов регионалистских реформ, начавшихся в 1997 году, которые затронули как автономные, так и ординарные регионы (Сулимов, 2024). Реформа изменила распределение полномочий: в случае ординарных регионов были выделены сферы центра и совместных компетенций, остальные остались за регионами. Для автономий сохранился перечень их полномочий, а остальное – у государства по остаточному принципу¹⁵. В результате полномочия ординарных регионов приблизились к автономиям, а по спорным вопросам автономные регионы вели переговоры с Римом и обращались в Конституционный суд.

Основные требования «ФЛ» и других регионалистских партий региона в 1990-е годы включали реальную имплементацию автономии, перераспределение полномочий / ресурсов, а также расширение этнокультурных прав фриульского сообщества. «ФЛ» апеллировала к опыту более успешного Трентино-Альто-Адидже. Показательно, что в 2000-е и 2010-е годы все так же актуальными остаются требования защиты и гарантий фриульского языка, лучшей имплементации автономии, а также торг с центром по списку полномочий, оставшихся не закрепленными в результате реформы рубежа 1990–2000-х годов.

Сравнение черногорского и фриульского ДС обнаруживает разную силу и степень радикальности их требований при сходных структурных параметрах. Почему ДС ведут себя по-разному? Во-первых, выявлен принципиально разный политико-исторический контекст. Конфликт между сербской и черногорской элитами – наследницами республиканских партий «Союза коммунистов Югославии» – был сопряжен с распадом СФРЮ и в значительной степени стимулировался великосербским национализмом, который черногорцы рассматривали как угрозу для своего политического статуса – энтитета в составе союза (федерации). Их интенция защитить свой статус подпитывалась, с одной стороны, конфликтом в Косове, а с другой – интеграцией соседей (бывших республик СФРЮ) в ЕС. В этих условиях черногорская политическая элита артикулировала требования большей автономии и для их продвижения использовала этничность как инструмент политической борьбы с Белградом. Отсутствие сколько-нибудь значимых языковых и конфессиональных отличий между черногорцами и сербами вкупе с восприятием себя как равного сербам народа стало стимулом перевода черногорской этничности в черногорский национализм. Проект по конструированию «черногорской нации» работал на внутриэлитную консолидацию, преодоление негативных последствий раскола, а также его поддержку в обществе. Пример Черногории показывает, что конфликт равных в ресурсном и статусном отношении групп элит в условиях процесса нациестроительства, отягощенного внешним силовым конфликтом, блокировал действенность реактивных реформ-уступок.

Артикуляция требований фриульского ДС происходила в принципиально ином политико-историческом контексте и институциональных условиях. Исторически сложившаяся практика «торга с центром» не просто фрагментировала региональные ДС, в т.ч. и фриульское, но усиливала разобщенность ДС разных регионов, вынужденных быть больше включенными в «билатеральные отношения с центром», чем в отношения друг с другом. Последнее, как отмечает К.А. Сулимов, обуславливает асимметрию фактических статусов регионов и даже дивергенцию их усилий во взаимодействии с центром (Сулимов, 2004: 131). Косвенно это подтверждает фактический отказ «ЛС» (с 2018 года – «Лиги») от регионалистских требований. Заняв позиции правящей партии, «Лига» привнесла в повестку вопросы федерализации, но под влиянием практик билатеральных отношений с центром конституционные референдумы 2006 и 2016 годов не получили консолидированную поддержку регионов, не имевших очевидных стимулов выступать скоординированно в споре с центром за автономию.

Во-вторых, выявлен разный институционально-политический статус ДС как политических акторов. Реформа в Италии носит универсальный характер, а политика реформ является проактивной в отношении разных ДС, среди которых фриульское не самое сильное. Несмотря на автономный статус, субъектность Фриулии-Венеции-Джулии в Италии имеет принципиально иную природу и силу, нежели Черногории по отношению к Сербии. Спор черногорских и сербских элит – это спор формально равностатусных политических акторов. Джуканович и его сторонники апеллировали к С. Милошевичу, видя в нем своего рода «соседа по коммуналке», который единолично определил расписание приготовления обеда на кухне, которая является имуществом совместного пользования. Используя метафору о коммунальной квартире в отношении фриульцев, можно говорить о том, что они спорили не с соседом(ями), а с собственником квартиры. Более того, реальный политический статус

¹⁵ Пакет законов Бассанини (1997–1998) заложил основы современной децентрализации и расширил автономию регионов Италии. Конституционный закон 1/1999 усилил права ординарных регионов, изменил их избирательную систему и процедуры утверждения статута. Конституционный закон 2/2001 определил статус и полномочия автономных регионов, а закон 3/2001 внес важные изменения в Конституцию по вопросам политико-территориального устройства страны (Риччери, 2009).

Фриулии-Венеции-Джулии и этнокультурные права фриульцев воспринимаются ими как недостаточно имплементированные в сравнении с более ресурсными соседями по коммуналке – вальдестанцами или южными тирольцами. Пожалуй, можно охарактеризовать позицию фриульского ДС как вынужденного ориентироваться на ДС-«локомотивы» и догонять их.

В-третьих, важны особенности партийных систем. В СРЮ во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов в условиях распада СФРЮ и процесса нациестроительства национальная партийная система только формировалась. Итальянскую партийную систему отличает наличие сильных национальных партий: даже регионалистская сильная «ЛС» не была связана исключительно с одним автономным регионом, а была «зонтиком» для других региональных партий, которые она если не формально, то фактически поглощала. Именно так было с «ФЛ», что дополнительно обуславливало ее сравнительную слабость как организационной структуры фриульского ДС.

Эффекты институциональной кооптации ДС в Северной Македонии и Словакии

Албанское меньшинство vs Северная Македония. Косовский конфликт и идея албанской ирреденты¹⁶ способствовали радикализации албанского движения в Северной Македонии. В 1999 году на фоне событий в Косове была создана «Армия национального освобождения» («АНО»), которая в 2001 году под руководством А. Ахмети начала вооруженное противостояние в северо-западных регионах, закончившееся разоружением при содействии НАТО в августе 2001 года.

Основные албанские партии: 1) «Демократический союз за интеграцию» («ДСИ») – крупнейшая и проевропейская партия; 2) правоцентристская «Демократическая партия албанцев» («ДПА»), теряющая влияние с конца 2010-х; 3) организованный после раскола «ДПА» «Альянс албанцев» («АА»), выступающий за полное равенство албанцев и македонцев; 4) новое «Движение Беса». Охридское соглашение 2001 года, подписанное при поддержке ЕС и США, закрепило пропорциональное представительство, языковые права и расширенную автономию муниципалитетов, включая ко-официальный статус языков, на которых говорит более 20 % населения¹⁷.

В 2006–2011 годах правящая общенациональная «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» («ВМРО–ДПМНЕ») сформировала коалиции с разными албанскими партиями. В 2006 году ее партнером по коалиции стала миноритарная «ДПА», что стимулировало протесты в албанских муниципалитетах. В результате «ВМРО–ДПМНЕ» начала переговоры с «ДСИ» для поддержания курса на интеграцию в ЕС и НАТО. В 2007 году был принят Закон о сбалансированном региональном развитии¹⁸. После неудачи заявки в НАТО и из-за внутреннего кризиса в 2008 году последовали внеочередные выборы: вновь победила «ВМРО–ДПМНЕ», но уже в коалиции с «ДСИ». Это, однако, не помешало столкновениям в албанских территориях. Конфликт был частично очередной сглажен кооптацией «ДСИ», а также разработкой и принятием в 2008 и 2011 годах законов о языке, в т.ч. о наделении языка этнической группы, доля которой в составе муниципалитета составляет более 20 %, статусом официального¹⁹.

В 2012–2016 годы продолжались этнические столкновения и теракты. В 2014 году «ВМРО–ДПМНЕ» вновь победила на выборах, «Социал-демократический союз Македонии» («СДСМ») бойкотировал процесс, обвинив власти в фальсификациях. Осенью «АНО» совершила вооруженные нападения на здание правительства и офис «ДСИ», обвинив партию в коллаборационизме с властью. Весной 2015 года прошли массовые антиправительственные протесты, после чего при посредничестве ЕС было создано переходное правительство (Прзинское соглашение). В Куманово произошли вооруженные стычки с участием «АНО» и выходцев из Косова.

Отношения этнических албанцев и Скопье характеризуются сохраняющимся высоким уровнем конфликтности даже в условиях разработки и полной имплементации реформ-уступок требованиям ДС.

¹⁶ В 1995 г. форум албанских интеллектуалов Косовы принял Меморандум, считающийся «общенациональной программой албанского движения в Крае». Непризнание албанцев нацией Берлинским конгрессом 1878 г., считали авторы Меморандума, обрекло их на территориальную разделенность (Романенко, 2009).

¹⁷ Ohrid Framework Agreement (2001), 13 August.

¹⁸ Law on Balanced Regional Development No. 24/2021 (2021), Final version.

¹⁹ Zakon za izmenu na Zakono za Upotreba na jazikot koj go govori barame 20 % od gradjanite na Republika Makedonija i na edinicite na lokalnata samouprava (2011), *Služben Vesnik*, 100/2011, 25 jul.

Венгерское меньшинство vs Словакия. Политико-исторический контекст этнополитической конфликтности и реформ, направленных на ее снижение, в Словакии сопоставим с балканскими случаями. Пережив «мирный развод» с Чехией (1993 год), страна оказалась перед вызовами нациестроительства. Период с начала 1990-х по 1998 год ознаменовался партийным противостоянием по линии сторонников и противников правительства В. Мечьяра (цит. по: Мартинкович, 2021: 196), проводившего достаточно националистическую политику, ограничившую права венгерского меньшинства (Грабевник, 2025b: 304). Реформы 1990-х годов в Словакии²⁰ похожи на реформы-рестрикции Ф. Туджмана в Хорватии. Они изменили административно-территориальное деление и усилили контроль центра над регионами, который аккумулировал право вето на изменения регионального законодательства (Там же: 305). В 1990-е годы венгерское ДС в Словакии было фрагментированным: его составляли «Венгерское христианско-демократическое движение», «Венгерская гражданская партия» и «Венгерская либеральная партия». Их объединяло требование предоставить венграм культурную и территориальную автономию (Tokár, 2014). Создаваемые ими коалиции были следствием тактических решений по достижению представительства в парламенте (Everet, Redzic, 2021).

Изменения произошли в 1998 году, когда новый антикоалиционный закон о запрете на электоральные коалиции, вынудил венгерские партии объединиться вокруг идеи об отмене закона о языке 1995 года и создать «Партию венгерской коалиции» («ПВК») (Harris, 2007). На выборах 1998 года не было победителей, но был проигравший – «правительственная коалиция во главе с Мечьяром» (Щербакова, 2004: 100), а участие ДС единой партией позволило претендовать на место в правительстве со «Словацким демократическим и христианским союзом – Демократической партией» (Everet, Redzic, 2021). Коалиционное правительство инициировало реформы-уступки (законы о языке этнических меньшинств и автономии без изменения административно-территориального деления) (Harris, 2007). С 1998 по 2008 год «ПВК» выступала за институционализацию в территориях концентрированного проживания венгров автономной этнической АТЕ – повята Комарно (Tokár, 2014). Однако это требование не получало поддержки внутри правительственной коалиции, что стимулировало внутри ДС разногласия по вопросу о стратегиях достижения целей и фактическую борьбу за лидерство.

Принятие в 2009 году поправок в закон о языках этнических меньшинств расширило обязательное использование словацкого в общинах с долей из носителей менее 20 %. Это вызвало массовые протесты этнических венгров и «предметные международные переговоры» с Венгрией как родственным государством (Грабевник, 2025b: 307). Словакия вынуждена была отменить закон. Но это не остановило раскол «ПВК». Группа партийцев во главе с Б. Бугаром создала венгерскую партию «Мост», продвигающую идею единой нации на основе межэтнического согласия венгров и словаков. Фрагментация венгерского ДС продолжилась в 2010-е годы, а действующие венгерские партии («Мост», «Венгерский альянс», «ПВК») остаются электорально слабы (Everet, Redzic, 2021).

Сравнение албанского и венгерского ДС в Северной Македонии и Словакии также обнаруживает существенные различия. Во-первых, на первый взгляд одинаковый политико-исторический контекст распада страны по-разному преодолевался национальным правительством и ДС. Если распад СФРЮ на всех ее частях (кроме Словении) проходил с применением насилия, то «развод» Чехии и Словакии был мирным. В Северной Македонии эти процессы были отягощены конфликтом в Косове, который питал идеологический проект «Великой Албании». Его ведущим носителем является сама Албания (Туров, 2014), позиция которой в качестве родственного ДС государства принципиально отличается от позиции Венгрии в отношении своей kin-group в странах, расположенных в границах бывшей Австро-Венгрии. Проект «Великой Венгрии» в 1990–2020-е годы, являющийся частью политики правящей «ФИДЕС» В. Орбана, в отличие от ирредентистского албанского, является интегративным трансграничным проектом. Его механизмы – предоставление гражданства, социальная помощь и адвокати́рование в институтах ЕС культурных и языковых прав этнических венгров, проживающих за пределами страны (Жириков, Барабанов, 2013). Если Тирана руководствуется идеей исправления «исторической несправедливости» и оспаривает границы государств, переживающих вызовы нациестроительства, то Будапешт движим памятью об имперском прошлом, воссоздание которого означало бы конфликт с ведущими странами ЕС, а потому выбирает инструменты мягкой силы во взаимодействии с «материнскими государствами» своих диаспор. Таким образом, для неуспеха реформ-уступок требованиям ДС, по-видимому, значимо наличие внешних акторов, способствующих радикализации требований. В случае Северной Македонии это не просто наличие родственного ДС

²⁰ 221 Zakon júla 1996 o územnom a správnom usporiadaní Slovenskej republiky (1996), *Slov-Lex*; 222 Zakon júla 1996 o organizácii miestnej štátnej správy a o zmene a doplnení niektorých zákonov (1996), *Slov-Lex*; 270 Zakon novembra 1995 o štátnom jazyku Slovenskej republiky (1995), *Slov-Lex*.

государства, но ее политика в отношении диаспор, а также косовары в Сербии, пример которых в использовании насильственных методов борьбы представляется нормативно приемлемым как минимум для части албанского ДС.

Во-вторых, в Северной Македонии, в отличие от Словакии, разработка и реализация реформы происходила через институциональное принуждение со стороны внешних игроков – НАТО и ЕС. Его проводниками были общенациональные партии, чьи электоральные возможности и успех всегда оказывались в зависимости от настроений албанского меньшинства и позиций партий, представляющих его интересы. Здесь мы обнаруживаем третье отличие – особенности национальной партийной системы. В Северной Македонии идеологические позиции национальных партий не позволяли формировать коалиционное правительство друг с другом и вынуждали партию-победительницу искать поддержки у албанских партий. Последние инструментально использовали «европейскую повестку» для усиления своих позиций в правительстве. Таким образом, обе стороны выбирали стратегию институциональной кооптации, которая вкупе с политикой родственного государства поддерживала относительную поляризованность ДС через сохранение в нем радикально настроенных сторонников ирреденты.

В Словакии антикоалиционный закон 1998 года, институционально ограничив партийную фрагментацию, стимулировал этнические партии к коалиционному взаимодействию через создание «ПВК». Это, наряду с политикой мягкой силы со стороны «родственного государства» и усталостью общества от мечьяризма, ситуативно усилило ДС, и Братислава была вынуждена с ним считаться. ДС и национальное правительство также используют стратегию кооптации, которая, обеспечив успех реформы, стимулировала последующую фрагментацию венгерского ДС, усиленную в 2012 году созданием по итогам парламентских выборов однопартийного правительства. Однако уже после выборов 2016 года вновь было сформировано коалиционное правительство во главе с Р. Фицо, в которое вошли и представители партии «Мост». В 2021 году «Мост» объединился с «ПВК» и «Сопринадлежностью», образовав новую партию – «Альянс». Таким образом, стратегия институциональной кооптации *в условиях поляризованной многопартийности* оборачивается для ДС «качелями» от фрагментации к коалиции и обратно.

Заключение

Сравнительный анализ случаев политико-институциональных реформ-уступок требованиям этнических ДС позволил выявить ключевые ограничения контекстуального и агентивного характера, препятствующие снижению угрозы территориальной целостности государства даже в случае выполнения требований ДС. Изученные случаи демонстрируют, что сам по себе институциональный контекст и объем предоставленных уступок еще не гарантируют успех. Решающую роль в (не)успехе реформ-уступок играют стратегии и мотивация политических элит как внутри властных институтов, так и самих ДС, а эффекты кооптации по-разному работают на их фрагментацию и ослабление в зависимости от особенностей партийной системы. Поддержка «родственного» государства, а также внешнее давление способны усиливать конфликтный потенциал даже при институционально совершенных моделях уступок.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости учитывать не только структурные параметры (размер и концентрация этнической группы, географические и административные особенности региона ее проживания), но и динамику политико-институционального контекста, заинтересованность и координацию элит, реальную степень кооптации и каналов политического участия. Только сбалансированное сочетание институциональных реформ с инклюзивными стратегиями взаимодействия и долгосрочным участием элит обеих сторон снижает конфликтность и обеспечивает территориальную целостность и баланс в межэтнических отношениях.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Борисова, Н. В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. Москва: Политическая энциклопедия. 189 с. [Borisova, N. V. (2017) *Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezetnicheskikh otnosheniyah* [When languages are on fire: challenging language regimes as a challenge to balance in inter-ethnic relations]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 189 p. (In Russ.)].
- Борисова, Н. В. (2019) 'Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных', *Вестник Пермского университета. Политология*, 13(3), сс. 99–110. [Borisova, N. V. (2019) 'Yazykovaya preferentsial'naya politika i politika yazyka v etnicheskikh respublikah Rossii: predstavlenie bazy dannyh' [Language preferential policy and language politics in ethnic republics of Russia: the database presentation], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 13(3), pp. 99–110. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-99-110.
- Горовиц, Д. (2007) 'Структура и стратегия этнического конфликта', *Власть*, 2, с. 34. [Horovitz, D. (2007) 'Struktura i strategiya etnicheskogo konflikta' [Structure and strategy of ethnic conflict], *Vlast*, 2, p. 34. (In Russ.)].
- Грабевник, М. (2025a) Кооптация движений за самоопределение в государствах современной Европы как механизм управления политико-территориальной гетерогенностью, *Политическая наука*, 3. [В печати]. Grabevnik, M. (2025a) 'Kooptatsiya dvizhenij za samoopredelenie v gosudarstvakh sovremennoj Evropy kak mehanizm upravleniya politiko-territorial'noj geterogennost'yu' [Cooptation of self-determination movements in contemporary European states as a mechanism of managing political-territorial heterogeneity], *Politicheskaya nauka*, 3. [Forthcoming]. (In Russ.)].
- Грабевник, М. В. (2025b) 'Сценарии институционального реформирования в отношении венгерских территориальных сообществ: сравнительный анализ Румынии, Словакии и Сербии', *Ars Administrandi (Искусство управления*, 17(2), сс. 295–320. [Grabevnik, M. V. (2025) 'Stsenarii institutsional'nogo reformirovaniya v otnoshenii vengerskikh territorial'nykh soobshchestv: sravnitel'nyj analiz Rumynii, Slovakii i Serbii' [Institutional Reforms Scenarios for Hungarian Territorial Communities: A Comparative Analysis of Romania, Slovakia and Serbia], *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 17(2), pp. 295–320. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-2-295-320.
- Жиляков, И. Г., Барабанов, М. В. (2013) 'Проект «Великая Венгрия» в политике современных венгерских правых партий', *Вестник МГПУ. Исторические науки*, 2(12), сс. 87–95. [Zhiryakov, I. G., Barabanov, M. V. (2013) 'Proekt «Velikaya Vengriya» v politike sovremennykh vengrskikh pravyykh partij' [Project «Great Hungary» in the policy of contemporary Hungarian right-wing parties], *Vestnik MGPU. Istoricheskie nauki*, 2(12), pp. 87–95. (In Russ.)].
- Клименко, З. (2017) 'Албанский вопрос в Черногории', *Проблемы истории, филологии, культуры*, 4, сс. 309–334. [Klimenko, Z. (2017) 'Albanskiy vopros v Chernogorii' [The Albanian question in Montenegro], *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 4, pp. 309–334. (In Russ.)].
- Мартинкович, М. (2021) 'Развитие партийной системы и характер коалиционных правительств Словакии в 2006–2016 гг.', *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 60, сс. 194–205. [Martinkovich, M. (2021) 'Razvitie partiynoy sistemy i kharakter koalitsionnykh pravitelstv Slovakii v 2006–2016 gg.' [Development of the party system and the character of coalition governments in Slovakia in the years of 2006–2016], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 60, pp. 194–205. (In Russ.)].
- Мартынова, М. Ю. (2016) 'Модель Триеста и население итальяно-славянского пограничья', в: Кабицкий, М. Е. и Мартынова, М. Ю. (ред.) *Европа меньшинств – меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые*

- группы. Москва: ИЭА РАН, сс. 150–155. [Martynova, M. Yu. (2016) 'Model' Trieste i naselenie italyano-slavyanskogo pogranič'ya' [The Trieste Model and the Population of the Italo-Slavic Borderland], in: Kabitsky, M. E., Martynova, M. Yu. (eds.) *Evropa menshinstv – menshinstva v Evrope: Etnokul'turnye, religioznye i yazykovye gruppy* [Europe of minorities – minorities in Europe: ethnocultural, religious and linguistic groups]. Moscow: IEA RAN, pp. 150–155. (In Russ.).]
- Млечко, М. (2018) 'Республика Сербская Крайна – единственная возможность существования сербского населения на территории Хорватии в результате распада СФРЮ'. В: *Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе*: сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч. конф., Пинск, 30 ноября – 1 декабря 2018 г. Пинск: ПолесГУ, 3, сс. 187–193. [Mlechko, M. (2018) 'Respublika Serbskaya Kraina – edinstvennaya vozmozhnost' sushchestvovaniya serbskogo naseleniya na territorii Horvatii v rezul'tate raspada SFRY' [Republic of Serbian Krajina – the only possibility of the Serb population's existence on the territory of Croatia as a result of the dissolution of the SFRY]. In: *Gosudarstva Tsentral'noj i Vostochnoj Evropy v istoricheskoy perspektive: sbornik nauchnykh statej po materialam III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Pinsk, 30 noyabrya – 1 dekabrya 2018 g. Pinsk: PolesGU, 3, pp. 187–193. (In Russ.).]
- Риччери, М. (2009) 'Госуправление: реформы по-итальянски', *Современная Европа*, 4, сс. 46–58. [Riccheri, M. (2009) 'Gosupravlenie: reformy po-ital'janski' [Public administration: reforms the Italian way], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 46–58. (In Russ.).]
- Романенко, С. (2009) 'Косово: история, характер и динамика конфликта', в: *Конфликт в Косово и международная безопасность*. Москва. сс. 15–58. [Romanenko, S. (2009) 'Kosovo: istoriya, harakter i dinamika konflikta' [Kosovo: history, character and dynamics of the conflict], in: *Konflikt v Kosovo i mezhdunarodnaya bezopasnost'*. Moscow. pp. 15–58. (In Russ.).]
- Панов, П. В. (2025) '«Уступать нельзя подавлять»: выбор государством политики в условиях угрозы сепарации', *Политическая наука*, 3, сс. 84–106. [Panov, P. V. (2025) '«Concede not suppress»: the state's choice of policy in the face of the threat of secession' [«Ustupat' nel'zya podavlyat'»: vybor gosudarstvom politiki v usloviyah ugrozy secessii]. *Political science*, 3, pp. 84–106 (In Russ.).] DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.04>
- Соколов, А. В. (2008) 'Сербо-черногорские отношения после распада СФРЮ (1992–2006 гг.)', *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.*, 6 (Сер. Балканика, вып. 1). Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, сс. 140–153. [Sokolov, A. V. (2008) 'Serbo-chernogorskie otnosheniya posle raspada SFRY (1992–2006 gg.)' [Serbo-Montenegrin relations after the dissolution of the SFRY (1992–2006)], *Imagines mundi: al'manah issledovaniy vseobshchej istorii XVI–XX vv.*, 6 (Ser. Balkanika, no. 1). Yekaterinburg: Iz-vo UMTS-UPI, pp. 140–153. (In Russ.).]
- Сулимов, К. А. (2024) '«Насильно мил не будешь», или как принудительный изоморфизм провоцирует дивергенцию: случай итальянской региональной системы', *Вестник Пермского университета. Политология*, 18(3), сс. 126–136. [Sulimov, K. A. (2024) '«Nasyl'no mil ne budesh'», ili kak prinuditel'nyj izomorfizm provotsiruet divergenciyu: sluchaj ital'janskoy regional'noy sistemy' [«Love cannot be forced» or how coercive isomorphism provokes divergence: the case of the Italian regional system], *Vestnik Permskogo Universiteta. Politologiya*, 18(3), pp. 126–136. (In Russ.).] DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-126-136.
- Сулимов, К. А. (б.д.) 'Автономный регион Фриули Венеция Джулия (Италия)' [Электронный ресурс], *Атлас этнических региональных автономий*. URL: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/friuli_venezia_giulia.pdf (дата обращения: 01.01.2024). [Sulimov, K. A. (n.d.) 'Avtonomnyj region Friuli Venetsiya Dzhuliya (Italiya)' [online] [Autonomous Region Friuli Venezia Giulia (Italy)], *Atlas etnicheskikh regional'nykh avtonomij* [Atlas of Ethnic Regional Autonomies]. Available at: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/friuli_venezia_giulia.pdf (Accessed: 1 January 2024). (In Russ.).]

- Туров, Н. Л. (2014) 'Идеологический проект «Великая Албания» на современной политической карте мира', *Сравнительная политика*, 4 (16-17), сс. 39–44. [Turov, N. L. (2014) 'Ideologicheskii projekt «Velikaya Albaniya» na sovremennoj politicheskoy karte mira' [The Ideological Project «Greater Albania» on the Contemporary Political World Map], *Sravnitel'naya politika*, 4 (16-17), pp. 39–44. (In Russ.)].
- Шкель, С. Н. (2015) 'Политические партии в условиях авторитарной режимной среды: опыт постсоветского Казахстана', *Политическая наука*, 1, сс. 95–113. [Shkel, S. N. (2015) 'Politicheskie partii v usloviyah avtoritarnoj rezhimnoj sredy: opyt postsovetskogo Kazakhstana' [Political Parties in the Conditions of an Authoritarian Regime: The Experience of Post-Soviet Kazakhstan], *Politicheskaya nauka*, 1, pp. 95–113. (In Russ.)].
- Щербакова, Ю. А. (2004) *Политический плюрализм и демократическое развитие Чехии и Словакии (конец 80-х – 90-е годы XX в.)*: монография. Москва: ИНИОН РАН, Отдел Восточной Европы, 100 с. [Shcherbakova, Yu. A. (2004) *Politicheskii plyuralizm i demokraticheskoe razvitie Chekhii i Slovaki (konets 80-kh – 90-e gody XX v.)* [Political Pluralism and Democratic Development of Czechia and Slovakia (Late 1980s – 1990s)]: monograph. Moscow: INION RAN, Department of Eastern Europe, 100 p. (In Russ.)].
- Albertazzi, D., Giovannini, A., Seddone, A. (2018) 'No regionalism please, we are Leghisti! The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini', *Regional & Federal Studies*, 28(5), pp. 645–671. DOI: 10.1080/13597566.2018.1512977.
- Albertazzi, D., Giovannini, A. and Seddone, A. (2018) 'No regionalism please, we are Leghisti! The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of Matteo Salvini', *Regional & Federal Studies*, 28(5), pp. 645–671. DOI: 10.1080/13597566.2018.1512977
- Bunce, V., Wolchik, S. (2011) *Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries*. New York: Cambridge University Press. 386 p.
- Darmanović, S. (2006) Crna Gora – nova nezavisna država na Balkanu. In: *RefeRendum u CRnoj GoRi 2006*. Podgorica: Centar za monitoring Cemi, p. 16.
- Everet, Ju., Redzic, E. (2021) 'Seeking representation: the development of Hungarian minority parties in Serbia and Slovakia', *Полития*, 2(101), pp. 163–182. DOI: 10.30570/2078-5089-2021-101-2-163-182.
- Faguet, J. P., Shami, M. (2022) 'The Incoherence of Institutional Reform: Decentralization as a Structural Solution to Immediate Political Needs', *Studies in Comparative International Development*, 57, pp. 85–112. DOI: 10.1007/s12116-021-09347-4.
- Fjelde, H., De Soysa, I. (2009) 'Coercion, Co-optation, or Cooperation? State Capacity and the Risk of Civil War, 1961–2004', *Conflict Management and Peace Science*, 26(1), pp. 5–25.
- Gandhi, J., Przeworski, A. (2006) 'Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships', *Economics & Politics*, 18(1), pp. 1–26.
- Gerschewski, J. (2013) 'The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes', *Democratization*, 20(1), pp. 13–38.
- Gleditsch, N. P., Wallensteen, P., Eriksson, M., Sollenberg, M., Strand, H. (2002) 'Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset', *Journal of Peace Research*, 39(5), pp. 615–637.
- Groß, L., Grimm, S. (2016) 'Conflicts of Preferences and Domestic Constraints: Understanding Reform Failure in Liberal State-Building and Democracy Promotion', *Contemporary Politics*, 22(2), pp. 125–143. DOI: 10.1080/13569775.2016.1153285.
- Harris, E. (2007) 'Moving politics beyond the state: the Hungarian minority in Slovakia', *Perspectives The Central Euro-pean Review of International Affairs*, 28, pp. 43–62.
- Liu, A. H. (2017) 'Democracy and Minority Language Recognition: Tyranny of the Majority and the Conditional Effects of Group Size', *Democratization*, 24(3), pp. 544–565.
- Sambanis, N., Germann, M., Schädel, A. (2018) 'SDM: A New Dataset on Self-determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict', *Journal of Conflict Resolution*, 62 (3), pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364.
- Schedler, A. (2006) The Logic of Electoral Authoritarianism. In: A. Schedler (ed.) *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, pp.1–23.

- Toft, M. D. (2003) *The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests, and the Indivisibility of Territory*. Princeton: Princeton University Press. 226 p. DOI: 10.2307/j.ctt7pgd3.
- Tokár, G. (2014) 'Autonomy in Slovakia – difficulties and problems', in Kántor, Z. (ed.) *Autonomies in Europe: Solutions and Challenges*. Budapest: L'Harmattan, pp. 141–150.
- Trumpy, A. J. (2008) 'Subject to Negotiation: The Mechanisms Behind Co-Optation and Corporate Reform', *Social Problems*, 55(4), pp. 480–500.
- Vergne, J.-Ph., Durand, R. (2010) 'The Missing Link Between the Theory and Empirics of Path Dependence: Conceptual Clarification, Testability Issue, and Methodological Implications', *Journal of Management Studies*, 47(4). pp. 736-759 DOI: 10.1111/j.1467-6486.2009.00913.x.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

COOPTATION, CONCESSIONS, AND THE RISK TO TERRITORIAL INTEGRITY: WHY DO REFORMS INTENSIFY ETHNOPOLITICAL CONFLICTS?

N. Borisova

Nadezhda Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Researcher, Department for the Study of Political Institutions and Processes, Institute of Humanities,
Perm Federal Research Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia.
E-mail: borisova_nv@psu.ru (ORCID: 0000-0002-4516-0820).

Abstract

This article examines the institutional and agent-related factors behind the failure of concession reforms aimed at meeting the demands of ethnic self-determination movements (SDMs). Using a binary comparative analysis of four cases (Montenegro vs. Serbia, Friuli Venezia Giulia vs. Italy, the Albanian minority vs. North Macedonia, and the Hungarian minority vs. Slovakia), the study examines the politico-historical context, institutional conditions, structure and fragmentation of SDMs, elite dynamics, and cooptation strategies employed by ruling groups. The main focus is placed on the dynamics of interaction between the state and ethnic movements, the electoral and administrative strategies of elites, and the influence of institutional design on either the stability or recurrence of territorial conflict. The author demonstrates that even fully implemented reforms may fail to reduce conflict or threats to territorial integrity when SDMs are highly fragmented, external influence persists, or cooptation is used instrumentally. The study concludes that the complex role of political actors and the institutional context are decisive in the (in)effectiveness of concessionary reforms amidst ethnopolitical tensions.

Keywords: self-determination movements; threats to state territorial integrity; politico-institutional reforms; Montenegro; Serbia, Friulians; North-Macedonian Albanians.

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project “Why are ineffective institutions borrowed? Managing political-territorial heterogeneity and ensuring the territorial state integrity”) at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-98-111

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ИТАЛИИ И ИСПАНИИ: ИНВАРИАНТНОСТЬ ТРАЕКТОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

К. А. Сулимов

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135. ResearcherID: N-9455-2018).

Аннотация

До конца 2000-х годов решение территориального вопроса в Италии и Испании двигалось если не по идентичным, то по очень схожим траекториям. В обоих случаях были созданы регионализированные государства с относительно высокой степенью автономии регионов в их составе. Но в 2010-е в Испании разгорелся конфликт вокруг возможной сецессии Каталонии. В Италии, напротив, можно было наблюдать постепенную деполитизацию территориального вопроса. В обоих случаях это привело к остановке передачи полномочий от центра к регионам и самого процесса плавной трансформации институционального статус-кво. Однако в 2024–2025 годах произошли события, которые дают основания полагать, что обе страны возвращаются на прежнюю институциональную траекторию – постепенной передачи полномочий отдельным регионам, что усиливает региональную асимметрию и одновременно стимулирует попытки ее минимизации. Сравнение двух данных случаев с опорой на теорию институционального изоморфизма нацелено на прояснение того, как и почему воспроизводится эта институциональная логика, которая оказалась очень устойчивой и способной пережить серьезный политический кризис. Общий ответ на вопрос о причинах устойчивости институциональной траектории состоит в том, что некоторые ключевые элементы конфигурации центр-периферийных отношений и системы стимулов ее участников не изменилась.

Ключевые слова: регионы; институциональные реформы; институциональная асимметрия; дивергенция; конвергенция; политико-территориальная гетерогенность; институциональный изоморфизм; Италия; Испания.

Введение

Территориальный вопрос традиционно остается одним из центральных аспектов политической повестки Италии и Испании. Его решение с самого начала образования современных версий этих политий разворачивалось на очень схожих основаниях и по схожим траекториям – в направлении создания регионализированных государств с относительно высокой степенью асимметричной автономии регионов в их составе. Эти процессы были сопряжены с длительным периодом реализации и отличались спецификой применительно к деталям, однако их основы демонстрируют существенное сходство.

Определяющую роль в обеих странах играл национальный центр, осуществлявший передачу полномочий на региональный уровень. В то же время существенная активность наблюдалась и со стороны ряда регионов, стремившихся к расширению своих полномочий. В Испании влияние региональных акторов на реформы было более выраженным, однако не являлось доминирующим (Keating, 2010). Параллельно национальный центр стремился нивелировать различия между регионами, предотвращая чрезмерную асимметрию. В Италии это проявилось в институционализации так называемых «обычных» регионов в 1970 году и конституционной реформе 2001 года, направленной на сокращение разрыва между особыми и обычными регионами (Alber et al., 2022). В Испании стремление не допустить асимметричное развитие нашло отражение в соглашениях между ведущими нацио-

нальными политическими силами 1980-х и 1990-х годов (“*cafe para todos*”), предполагающих передачу полномочий не только ведущим, но и всем остальным регионам (Reyes, 2006; Anderson, 2020). Таким образом, существовал консенсус на национальном уровне относительно делегирования полномочий, хотя решения принимались с учетом текущей политической целесообразности и борьбы за власть. При этом в обеих странах значительную роль играли двусторонние отношения между центром и отдельными регионами: практика заключения индивидуальных соглашений позволяла лидирующим регионам получать дополнительные полномочия, в то время как остальные субъекты подтягивались либо по собственной инициативе, либо под давлением национального центра.

Постепенно территориальный вопрос стал частью «нормальной» политики (Keating, 2010), и возникающие вызовы решались конвенциональными механизмами, не приводя к системным потрясениям. Однако попытка Каталонии добиться независимости в Испании спровоцировала масштабный политический кризис, тогда как в Италии ничего подобного не наблюдалось, напротив, фиксировалась тенденция к снижению остроты территориальной проблематики (Vampa, Gray, 2020). Ситуация, сложившаяся в Испании в 2010-е годы, начинает восприниматься как политический тупик, из которого нельзя выйти без серьезного изменения всей системы, включая, возможно, ее конституционные основы. Складывается представление, что прежняя модель постепенных и асимметричных уступок регионам в Испании больше не может быть воспроизведена, а каталонский кризис трактовался как проявление исчерпанности этой логики (Ibid.). Вопрос вышел на принципиально новый уровень, связанный с определением статуса автономных сообществ в контексте мультинациональности Испании: могут ли автономные сообщества быть определены как отдельные нации наряду с испанской нацией в целом или только как национальности (*nationality*) и регионы? (Keating, 2018; Anderson, 2020).

Тем не менее в 2024–2025 годах происходят значимые изменения. В Италии в 2024 году был принят закон о дифференцированной автономии, сопровождавшийся значительной политической дискуссией и предусматривающий возможность дополнительного делегирования полномочий заинтересованным регионам. В Испании в июле 2025 года правительства Каталонии и Испании предварительно договорились о предоставлении региону фискальных полномочий, о необходимости которых ранее велись дебаты еще в 2000-х годах. Достижение этих соглашений стало возможным благодаря особой политико-коалиционной конфигурации как на региональном, так и на общенациональном уровне, и их реализация не гарантирована. Однако эти события указывают на принципиальную возможность возврата к прежней модели постепенных и асимметричных уступок отдельным регионам с последующими попытками пресечь растущую асимметрию. В данном исследовании возврат к прежней институциональной логике объясняется тем, что структура отношений между центром и регионами и система стимулов участников практически не претерпели изменений.

Сначала в статье будет кратко охарактеризован процесс территориальных реформ и выявлены параллели в институциональной динамике обеих стран. Особое внимание будет уделено проблеме региональной асимметрии как фокальной точке территориального вопроса в этих двух странах. На основании теории институционального изоморфизма (DiMaggio, Powell, 1983) будут выделены основные элементы структуры отношений центр – регионы, опираясь на предыдущий анализ, проведенный в отношении Италии (Сулимов, 2024). Далее в статье на примере последних событий в Италии и Испании рассматривается восстановление прежней институциональной логики взаимодействия центра и регионов после кризиса в Испании и ослабления интереса к территориальному вопросу в Италии, с акцентом на ключевых аспектах институциональной структуры взаимоотношений.

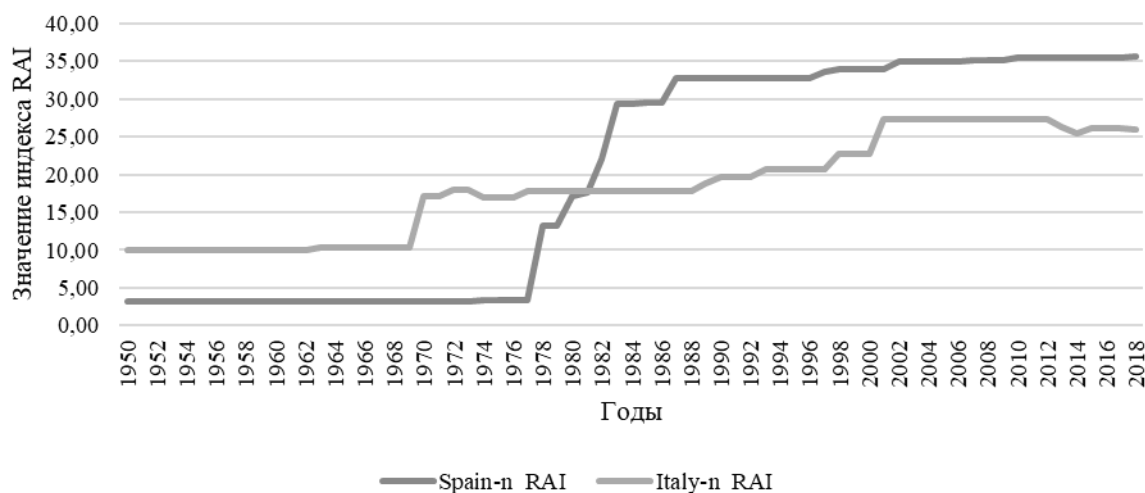
Территориальные реформы и институциональный контекст их реализации в Италии и Испании

Италия и Испания предоставляют ценный материал для систематического сравнения «наиболее схожих систем» (Della Porta, 2008). Их сходство проявляется в сопоставимости размеров, уровне экономического развития, средиземноморском контексте, схожей исторической динамике, включая опыт унитаризма / универсализма и периоды авторитарного правления. Обе страны имеют значительные социально-экономические, а также этнические, языковые и культурные различия между регионами, обусловленные исторически. Распределение человеческих и экономических ресурсов в обеих странах отличается высокой степенью деконцентрации (Vampa, 2024), сопровождается проблемой неравномерного развития, прежде всего вдоль оси север – юг (Puertas, Marti, 2023), и проявляется во многих сферах жизни (Lippi, Terlizzi, 2023).

В обеих странах акцент на децентрализации при разработке и принятии действующих сейчас конституций (1947 года в Италии и 1978 года в Испании) был обусловлен стремлением преодолеть ассоциации с централизмом эпох фашизма и франкизма, однако переход к федерализму не получил широкой поддержки. В результате в обоих случаях была принята модель «регионального государства» – сохранение унитарного характера государства при признании автономий и прав на самоуправление. Оба конституционных акта были компромиссами как в идеологическом измерении (например, в Италии текст конституции в целом «представлял собой компромисс католических, марксистских и либеральных взглядов» (Calabresi, Godi, 2020, p. 52)), так и в отношении сочетания унитаризма и разнообразия, что, может быть, более остро проявилось в испанском случае (Bossacoma, Sanjaume-Calvet, 2019). При этом сходство двух стран определяется и тем, что они рассматривали опыт друг друга как источник идей: при создании итальянской конституции в 1946–1947 годах определенный пример представляла испанская конституция 1931 года, а при разработке испанской конституции 1978 года изучался актуальный итальянский опыт (D'Atena, 2013; Gómez, 2016).

На рис. 1 можно видеть основные временные вехи территориальных реформ в двух странах на основе данных проекта *Regional Authority Index* (RAI) (Hooghe et al., 2016). В Италии сразу были созданы пять автономных регионов с особым статусом и предусмотрено образование пятнадцати «обычных» регионов, но последние были реально созданы и получили собственные полномочия только в начале 1970-х, что и объясняет соответствующий подъем кривой на графике. Следующий подъем на рубеже 1990-2000-х годов иллюстрирует серию регионалистских реформ, увенчавшихся конституционной реформой 2001 года. В Испании ненулевое значение индекса до конца 1970-х годов объясняется тем, что при Франко некоторым территориям (Наварре, Алаве и др.) было позволено сохранить некоторые исторические привилегии. Но кардинальное изменение происходит с принятием конституции 1978 года и созданием на основе ее положений семнадцати автономных сообществ с последующей передачей им значительного объема полномочий уже в первой половине 1980-х годов.

Динамика индексов RAI Италии и Испании

Рис. 1. Сравнение динамики региональных реформ в Италии и Испании
(составлено автором на основе 'Regional Authority Index' [online], *Regional Authority*.
Available at: <https://garymarks.web.unc.edu/data/regional-authority-2>
(accessed: 15.03.2025))

Более детально динамику в Испании можно наблюдать на основе количества королевских указов о передаче полномочий. Эти указы принимаются индивидуально в отношении каждого региона в результате переговоров между национальным правительством и правительством автономного сообщества. На рисунке 2 видно, что после первого пика в 1980-х годах был и второй – в середине 1990-х с дальнейшим поддержанием невысокого, но не нулевого уровня. Но в 2010-е годы процесс передачи полномочий резко тормозится, что совпадает по времени с разворачиванием кризиса вокруг Каталонии.

Рис. 2. Динамика передачи полномочий автономным сообществам в Испании
(составлено автором на основе ‘Transfer royal decrees’ [online], *Ministerio de Política Territorial y Memoria Democrática*. Available at: https://mpt.gob.es/en/politica-territorial/autonomica/traspasos/reales_dec_traspasos.html (accessed: 10.04.2025))

Если говорить об общем уровне децентрализации, то в Испании он несколько выше. Это особенно проявляется при сравнении доли бюджетных расходов субнациональных образований в консолидированных публичных бюджетах двух стран. По данным Организация экономического сотрудничества и развития, в 1995 году доля субнациональных уровней в Италии составляла чуть более 27 %, в Испании – почти 33 %; в начале 2000-х годов, то есть до экономического кризиса 2008 года, – 32 % в Италии и почти 50 % в Испании; по последним доступным данным, в 2023 году – 24,74 % в Италии и более 44 % в Испании¹.

Институциональные системы взаимодействия между центром и регионами в Испании и Италии отличаются массой специфических деталей, но очень схожи в логике реализации и претензиях, которые к ним предъявляются как к участникам процесса, так и в академической литературе. В обеих странах есть верхние палаты национальных парламентов, которые призваны реализовывать территориальное представительство, но делают это либо только формально (Италия), либо неэффективно (Испания) (Palermo, 2018). Существуют разветвленные сети институциональных площадок межуровневого (межправительственного) взаимодействия и координации, но они характеризуются институциональной асимметрией с доминированием центрального правительства (Behnke, Mueller 2017; Leon, 2017). Их эффективность в отстаивании региональных интересов в условиях слабой горизонтальной координации между регионами оказывается под вопросом, что подталкивает регионы к реализации индивидуальных стратегий во взаимодействии с центром. Продвижение интересов регионов на национальном уровне осуществляется разными способами, в том числе через участие представителей регионов и регионалистских партий в работе национальных правительства и парламента, продвижение законодательных инициатив регионалистскими партиями, отдельными депутатами и региональными властями (Fernández Rivera et al., 2023; Hamann, Field, 2015; Marangoni, Tronconi, 2011; Sanjaume-Calvet, Paneque, 2023; Panov, Sulimov, 2024). Однако примечательно, что регионы в обеих странах обращаются в Конституционные суды намного чаще, чем в национальные парламенты с законодательными предложениями (Сулимов, 2022). Фактически недостаточное качество межуровневой координации посредством конвенциональных механизмов приводит к необходимости посредничества Конституционных судов между центром и регионами (Palermo, Wilson, 2014), и они в целом играют значительную роль в настройке политико-территориальных систем в этих странах (Harguindéguy et al., 2018; Groppi, 2008). Наконец, партийные политика и конкуренция оказали серьезное влияние как на процессы формирования и функционирования регионов, последовательность этапов регионализации (Mazzoleni, 2009; Verge, 2013), так и на характер межуровневой координации,

¹ Consolidated government expenditure as percentage of total general government expenditure (consolidated) [online], OECD Fiscal Decentralisation Database. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/fiscal-federalism-network/table5_gov_exp-tot_gov_exp.xlsx (accessed: 10.04.2025).

ставя ее ход и результаты в зависимость от текущей политической ситуации (Bolgherini, Lippi, 2022; Aja, Colino, 2014).

Ключевой характеристикой систем взаимодействия между центром и регионами в Италии и Испании является вертикальный билатерализм. Регионам и регионалистским акторам в лице политических партий выгоднее выстраивать индивидуальные двусторонние отношения с центром, чем формулировать и продвигать общерегиональную повестку, что в целом устраивает и национальные правительства. Логика этой вертикальной билатеральности несколько по-разному проявляется в этих странах в силу различий в конфигурации статусов регионов (о чем ниже) и силы регионалистских акторов на национальном уровне. В Испании баскские и каталонские политические партии были главными проводниками билатерализма со стороны регионов (Keating, Wilson, 2009). Именно они в первую очередь были главными бенефициарами политики постепенных и асимметричных уступок регионам со стороны национального центра, и они же бросили два серьезных вызова этой политике, один из которых закончился масштабным кризисом.

Первый был связан с так называемым планом Ибарретче (2003 год), предусматривавшим возможность для Страны Басков получить статус «свободно ассоциированного государства» в конфедеративных отношениях с Испанией. План встретил ожесточенное сопротивление на национальном уровне и был отвергнут (Keating, 2018). Но это не привело к радикализации и массовой мобилизации, в целом имело ограниченное влияние на общеиспанскую ситуацию. События в Каталонии – незаконный, с точки зрения центральных властей, референдум 2017 года, принятие парламентом Каталонии Декларации независимости, введение прямого управления регионом со стороны Мадрида, преследование лидеров движения за независимость – имели куда более значимые последствия.

Под вопросом оказалась сама возможность развития «государства автономий» в каком бы то ни было направлении. Фактически прекратилась передача полномочий от центра регионам (см. рис. 2), то есть не только Каталонии, но и всем остальным. Еще до острой фазы кризиса среди ведущих национальных политических сил возникает ощущение, что модель постепенной передачи все больших полномочий изживает себя (Vampa, Gray, 2020). Но проблема была не в самом объеме переданных полномочий, хотя ясно, что где-то должен быть предел, а в принципиальных основаниях этой передачи, а именно в установлении взаимно признаваемых статусов взаимодействующих субъектов. Речь шла о возможности определения автономными сообществами себя как наций (*nación*) наряду с испанской нацией в целом и признании этого самоопределения со стороны национального центра. Вторая статья испанской конституции провозглашает «единство испанской нации (*Nación española*)» и «признает и гарантирует право на самоуправление национальностей (*nacionalidades*) и регионов (*regiones*), входящих в ее состав». Соответственно, требование со стороны прежде всего баскских и каталонских политических сил признания своих сообществ нациями направлено на обретение равного, по крайней мере символически, статуса с испанской нацией в целом. Это требование, которое в техническом смысле противоречит букве национальной конституции, оказалось неприемлемым для почти всех значимых политических сил на общеиспанском уровне. Но дело, однако, не в чистой символичности. Достижение такого статуса стало бы основанием изменения всей системы центр-региональных взаимодействий. В числе узловых проблем существующего статус-кво, кроме непризнания многонационального статуса Испании, называют и другие: тенденция к централизации со стороны центральной власти, необходимость реформы Сената и межправительственных отношений, роль Конституционного суда как нейтрального арбитра в разрешении споров (Anderson, 2020). Ясно, что решение этих проблем требовало серьезных реформ и, может быть, изменения самих конституционных основ государства. Эти реформы не случились, и сама их возможность под большим вопросом. А без них любое движение в пространстве «государства автономий» казалось заблокированным.

Региональная асимметрия как фокальная точка и теория институционального изоморфизма

Вопрос региональной асимметрии крайне важен для понимания функционирования политико-территориальных систем Италии и Испании, и ему уделяется значительное внимание в литературе (Palermo, 2021; Baldi, 2020; Palermo, Valdesalici, 2019; Agranoff, 2005; Moreno, 1999; Bossacoma, Sanjaume-Calvet, 2019). Такое внимание в том числе связано с тем, что эта тема занимает значимое место в политических дебатах и процессах в обеих странах. Территориальная асимметрия может восприниматься как инструмент управления многообразием территории, учета социально-экономических, культурных, географических и иных различий (Bossacoma, Sanjaume-Calvet, 2019; Agranoff, 2005), то есть, условно говоря, в позитивном ключе. Но ей может даваться и резко негатив-

ная оценка, когда в ней видится угроза нарастания социальных, экономических и прочих диспропорций в уровнях развития разных территорий, что ставит под вопрос способность властей справляться с публичными обязательствами. Например, в Италии это очень ярко проявилось в период пандемии COVID-19 в общественной реакции на осуществленную ранее регионализацию системы здравоохранения страны, что обострило дискуссии по поводу оправданности децентрализации как таковой (Palermo, 2022; Alber et al., 2021; Capano, Lippi, 2021; Ferrario et al., 2023). Кроме того, асимметрия может создавать неприемлемые для центральных властей диспропорции в распределении власти и влияния, что может угрожать целостности страны как таковой – случаи Каталонии и Страны Басков.

Поэтому национальные власти обеих стран время от времени предпринимали серьезные усилия по сокращению региональной асимметрии. В Италии главные события – это уже упоминавшаяся институционализация пятнадцати «обычных» регионов в начале 1970-х, чтобы уравновесить политико-территориальную систему, в которой к тому моменту реально существовали только пять автономных регионов с особым статусом. Затем – проведение конституционной реформы 2001 года, которая сама *«была направлена на сокращение разрыва между особыми и обычными регионами»* (Alber et al., 2021: 17). В Испании желание ведущих политических сил не допустить нарастания асимметрии между регионами вылилось в заключение особых соглашений по этому поводу. В 1981 году это был пакт между Союзом демократического центра (UCD) и Испанской социалистической рабочей партией (PSOE), затем те же социалисты и Народная партия в 1992 году заключили новый пакт. Эта политика получила название «кофе для всех» (*“safe para todos”*) и предполагала согласие партий на передачу полномочий не только регионам-лидерам, но и всем остальным (Reyes, 2006).

Регионы-лидеры в Испании – это автономные сообщества Каталония, Страна Басков, а также Галисия и Андалусия. Они были созданы в рамках особого конституционного порядка и раньше других регионов получили от центра значительный объем полномочий в соответствии с их статутами. Поэтому и были предприняты целенаправленные усилия по предоставлению полномочий другим автономным сообществам, при этом, по-видимому, независимо от того, в какой степени сами регионы хотели получить эти полномочия. По крайней мере в публицистике, обсуждающей проблематику передачи полномочий, можно встретить утверждения, что *«хорошо известно, что многие автономные сообщества хотят меньше, а не больше самоуправления»*². Что касается самой региональной асимметрии, то, несмотря на упомянутые усилия, она все равно сохраняется и может в зависимости от выбранной системы координат быть оценена по-разному. Если ориентироваться на данные проекта Regional Authority Index (RAI)³, то она невысока (как и в случае Италии). Но если смотреть на объем конкретных переданных полномочий на основании королевских указов, то разница между испанскими регионами разительная. В отношении упомянутых регионов-лидеров (Каталония, Страна Басков, Галисия и Андалусия) в период с 1979 по 2024 год было принято в сумме 407 указов (общее количество указов больше, но ими передаются не только полномочия, но и ресурсы для их реализации)⁴. А в отношении четырех сообществ с наименьшим количеством переданных полномочий (Мадрид, Эстремадура, Ла Риоха, Наварра) было принято в сумме только 243 указа⁵. При этом, например, Наварра обладает особыми фискальными полномочиями, которых нет у регионов-лидеров (кроме Наварры, они есть также у провинций Страны Басков, но не у самого региона). Иными словами, региональная асимметрия в Испании не имеет строгой иерархии в том смысле, что регионы-лидеры по общему объему полномочий могут не обладать какими-то отдельными очень важными для них полномочиями, а значит, им есть к чему стремиться.

В Италии региональная асимметрия более иерархизированная. Явно выделяются пять регионов с особым конституционным статусом (фактически их шесть, потому один состоит из двух автономных провинций, имеющих больший объем полномочий, чем сам регион). Они, в свою очередь, являются примером подражания для пятнадцати обычных регионов. Но внутри каждой из этих групп регионы сильно отличаются друг от друга. Для регионов с особым статусом существует специальный институциональный механизм по обеспечению реализации их статуты и предусматривающий проведение двусторонних переговоров между регионом и центром. Достигнутые соглашения оформляются

² Lopez i Casanovas G. Financiación singular: errores propios y forzados (2025) [online], *El País*, 31.07.2025. Available at: <https://elpais.com/opinion/2025-07-31/financiacion-singular-errores-propios-y-forzados.html> (accessed: 2.08.2025).

³ Regional Authority Index [online], *Regional Authority*. Available at: <https://garymarks.web.unc.edu/data/regional-authority-2> (accessed: 15.03.2025).

⁴ Transfer royal decrees [online], *Ministerio de Política Territorial y Memoria Democrática*. Available at: https://mpt.gob.es/en/politica-territorial/autonomica/traspasos/reales_dec_traspasos.html (accessed: 10.04.2025).

⁵ Ibid.

специальными декретами правительства по передаче региону полномочий (Palermo, Valdesalici, 2019). По их количеству, а также качеству, то есть значимости передаваемых полномочий, автономии сильно отличаются друг от друга. Например, с 1988 по 2025 год в отношении Трентино-Альто-Адижде было принято 99 декретов, в отношении Валле-д'Аоста и Фриули-Венеции Джулии по 37, а в отношении Сицилии и Сардинии 17 и 16 соответственно⁶. Разница в количестве декретов в целом схватывает различия в уровне реальной автономии регионов. Но и обычные регионы значимо отличаются друг от друга в отношении уровня амбиций и прикладываемых усилий по достижению большего объема полномочий и уровня автономии (Palermo, 2021).

Обращение к инструментарию теории институционального изоморфизма (DiMaggio, Powell, 1983) позволяет систематизировать некоторые принципиальные элементы этих институциональных структур двух стран и объяснить, как в условиях мощного тренда на унификацию и сокращение асимметрии она все равно регулярно воспроизводится. Но также, что даже более важно в рамках темы исследования, позволяет более четко увидеть, как постоянно воспроизводимая асимметрия региональной системы позволяет воспроизводиться самой системе целиком за счет постепенного сдвига статус-кво без радикального изменения самих ее основ.

Теория институционального изоморфизма призвана объяснить, как происходит увеличение организационного сходства организаций, институциональных структур, и для этого формулирует три механизма соответствующих институциональных изменений: 1) принудительный изоморфизм, связанный с политическим влиянием и проблемой легитимности; 2) подражательный изоморфизм, возникающий как стандартная реакция на неопределенность; 3) нормативный изоморфизм, обусловленный профессионализацией (Димаджо, Пауэлл, 2010: 39).

Применительно к двум нашим случаям особый интерес представляют два механизма. Принудительный изоморфизм запускают целенаправленные усилия национального центра по унификации и сокращению региональной асимметрии. Сами регионы могут стремиться сохранить свой привилегированный статус (если он у них есть), или получить больше, имея в качестве образца примеры каких-то успешных с точки зрения регионов, или могут не иметь амбиций такого рода вообще. Во втором случае явно запускается механизм подражательного изоморфизма. Но, строго говоря, регионы-лидеры тоже могут подражать, и не только образцам за пределами страны, но и другим регионам-лидерам внутри своей страны. Однако важно, что во всех случаях регионы должны также каким-то образом реагировать на унифицирующие усилия национального центра.

Наличие регионов-лидеров и остальных указывает в терминах теории институционального изоморфизма на то, что регионы в двух территориальных системах не полностью структурно эквивалентны, то есть, хотя они и занимают очень схожие позиции в сетевой структуре, все же отличаются паттернами отношений с ключевым элементом системы (организационного поля – в терминах теории институционального изоморфизма) – национальным центром. Как уже было указано, в политико-территориальных системах Италии и Испании доминирует вертикальный билатерализм. Индивидуальные переговоры и соглашения с центром являются наиболее предпочтительным модусом действий для регионов-лидеров – и для защиты своего привилегированного статуса в условиях унифицирующего давления центра, и для достижения более высокого уровня автономии. Регионы-лидеры потому и лидеры, что они более успешны во взаимодействии с национальным центром, от которого в значительной степени зависит их статус. Но такая ситуация не оставляет особого выбора другим регионам с амбициями. Они не могут добиться желаемого для себя через продвижение общерегиональной позиции в переговорах с центром из-за невозможности ее сформулировать (слабость горизонтальной координации и неучастие регионов-лидеров), поэтому они начинают подражать регионам-лидерам не только в отношении приобретения конкретных полномочий или прочих деталей статуса, но и их особым отношениям с национальным центром как таковым.

Национальным политическим силам вертикальный билатерализм в целом тоже оказывается выгодным, потому позволяет противодействовать созданию региональных коалиций и сохранять гибкость, занимая выгодную для себя позицию в зависимости от текущих политических условий. Есть очень яркие образцы такого поведения, например, политический оппортунизм Народной партии, которая в конце концов согласилась с теми положениями в обновленном статуте Андалусии, против которых она категорически выступала в статуте Каталонии (Keating, Wilson, 2009).

Таким образом, асимметрия оказывается важным структурным условием воспроизводства всей системы. Все имеют свой интерес в ней, и она задает комплекс стимулов. Для политических сил,

⁶ Decreti Legislativi [online]. *PARLAMENTO ITALIANO*. Available at: https://parlamento18.camera.it/229?tipo_ricerca=anno_tipo&anno=2020&tipologia=3 (accessed: 10.04.2025).

связанных с национальным центром, это в зависимости от политических условий стремление ее минимизировать (но для этого она должна быть) или воспользоваться ею для укрепления своих позиций. Для тех, кто связан с регионами-лидерами, выгодно ее воспроизводство, потому что она является условием сохранения их привилегированного статуса среди других регионов. Остальные или стремятся повысить свой статус в этой асимметричной системе, ориентируясь на лидеров, или находят способ получить выгоду от непривилегированного статуса, например, снимая с себя ответственность за неудовлетворительные социально-экономические результаты, апеллируя к недостатку возможностей. Важно, что все участники действуют в рамках одного организационного поля и значимое действие одного тут же актуализирует стимулы других.

Возвращение к прежней институциональной траектории (2024–2025)

В июле 2025 года в рамках двусторонней комиссии между Правительством Испании и Жене-ралитетом Каталонии было достигнуто соглашение «о целевом финансировании Каталонии в рамках реформы финансовой системы и о принятии на себя Жене-ралитетом обязанностей по налогу на доходы физических лиц» (de la Fuente, 2025). Фактически речь идет о движении в сторону получения Каталонией фискальных полномочий, которые хоть и не идентичны тем, что есть у Наварры и провинций Страны Басков, но находятся в одном ряду с ними. Тема фискальной автономии Каталонии была, пожалуй, самой главной и острой в переговорах с центральным правительством еще в 2000-е. Тогда регион ее не получил, и ее отсутствие рассматривают как одно из важных условий последующей радикализации, приведшей к событиям 2017 года (Vampra, Gray, 2020). Но сейчас промежуточный успех достигнут, и это явно выглядит как выход из того тупика, в котором оказались отношения Каталонии и Мадрида после кризиса вокруг референдума и провозглашения независимости.

Строго говоря, продуктивное взаимодействие, в том числе в виде соглашений о передаче новых полномочий, началось раньше, но обсуждавшиеся темы намного менее значимы, чем тема налогов и бюджетирования. Окно возможностей начало открываться с возвращением к власти социалистического правительства во главе с Педро Санчесом в 2018 году. В ноябре 2023 года было сформировано третье правительство Санчеса – правительство меньшинства с внешней поддержкой регионалистских партий, включая Республиканскую левую партию Каталонии (ERC), а также партии «Вместе за Каталонию» (Junts), EH Bildu, Баскскую националистическую партию (PNV), Галисийский националистический блок (BNG) и Канарскую коалицию (CCa). В самой Каталонии по итогам выборов 2024 года к власти тоже пришли социалисты – Социалистическая партия Каталонии (PSC), которая смогла сформировать правительство при внешней поддержке со стороны все той же Республиканской левой партии Каталонии (ERC) и объединения Comuns Sumar. Для получения поддержки со стороны левых республиканцев социалисты Каталонии заключили с ними соглашение, предусматривающее создание системы *Financiación singular* – реформу межбюджетных отношений с центральным правительством и самостоятельный сбор налогов на территории Каталонии. Этот партийный пакт стал основой для соглашения между жене-ралитетом и центральным правительством⁷.

Успех начинания не предрешен. Потребуется детальная разработка модели, ее имплементация, а главное – изменение национальных законов, что ожидаемо встретит серьезное сопротивление со стороны Народной партии и других. Но важно, что это соглашение достигнуто ровно в той же логике взаимодействия автономного сообщества и центрального правительства, что многократно реализовывалась раньше, до кризиса. Открылось политическое окно возможностей – правящие партии и на национальном, и на региональном уровнях получают политическую выгоду от заключения соглашения – сохраняют власть⁸. То обстоятельство, что в обоих случаях это социалисты, явно способствовало результативности взаимодействия, но, исходя из предшествующего опыта, это не является обязательным условием. В прежние времена такого рода соглашения заключала даже Народная партия, когда требовалась поддержка ее правительству меньшинства. Республиканская левая партия Каталонии тоже выигрывает, потому что реализует свои программные установки, то есть выполняет взятые обязательства. Соглашение имеет двусторонний характер, и касается только Каталонии, как и первоначальное соглашение между партиями. Но после опубликования партийного пакта осенью 2024 года Санчес проводил двусторонние консультации с представителями других регионов, а представители

⁷ Gobierno y Generalitat sientan las bases del nuevo modelo de financiación singular de Cataluña (2025) [online], RTVE, Corporación de Radio y Televisión Española, 14.07.2025. Available at: <https://www.rtve.es/noticias/20250714/gobierno-cataluna-reunion-financiacion-singular/16660476.shtml> (accessed: 15.07.2025).

⁸ Представители Народной партии назвали это «политической коррупцией» (Ibid.).

Народной партии были категорически против билатерального формата⁹. Однако и межправительственное соглашение осталось билатеральным, хотя и содержит положение о том, что модель может быть распространена на другие автономные сообщества. В соглашении подчеркивается особая роль Каталонии в развитии регионального самоуправления, а также то, что «более высокий уровень самоуправления, несомненно, придает Каталонии уникальные черты, которые необходимо решать на двусторонней основе с государством...»¹⁰. Иными словами, прямо провозглашаются привилегированный статус региона и особые отношения с государством. Остальным автономным сообществам фактически предлагается последовать примеру, если они захотят и смогут это сделать. Если новация будет реализована, другие регионы вне всяких сомнений попытаются добиться чего-то подобного и для себя. И даже вне зависимости от их успеха институциональный статус-кво в испанском государстве автономий изменится.

Развитие событий в Италии куда менее неожиданное, потому в Италии не было острого политического кризиса вокруг территориального вопроса. Было лишь некоторое охлаждение интереса к этой проблематике (Vampa, Gray, 2020) на фоне того, что «Лига» (бывшая «Лига Севера») поменяла свой организационный и программный профиль (Albertazzi et al., 2018). Регионы с особым статусом продолжали получать полномочия от центра в результате индивидуальных переговоров, но значимых решений в отношении обычных регионов не принималось, хотя часть из них продолжала проявлять интерес к повышению своего статуса (Giovannini, Vampa, 2019).

13 июля 2024 года в Италии вступил в силу закон о дифференцированной автономии (l'autonomia differenziata, № 86 от 26 июня 2024 г.¹¹), что вызвало широкий отклик среди депутатов, экспертов, представителей гражданских движений и региональных органов власти. Реакция включала обращения в Конституционный суд, парламентские дебаты и проведение кампании по инициированию референдума об отмене закона (Сулимов, 2024). Закон, принятие которого требовалось для реализации конституционного положения, введенного реформой еще 2001 года, был инициирован «Лигой» и проведен правящей коалицией, в которой она участвует. По сути, новация институционализирует все ту же систему постепенной и асимметричной передачи полномочий от центра регионам в рамках билатеральных соглашений. Закон распространяется на все обычные регионы, но не устанавливает перечень передаваемых полномочий, требует региональной инициативы и оставляет за правительством широкую дискрецию. Успешная реализация закона не предрешена, но регионы проявили интерес (стартовали переговоры с Ломбардией, Венето, Пьемонтом и Лигурией), и если полномочия начнут передаваться, то это тоже сдвинет институциональный статус-кво в отношениях центра и регионов в Италии.

Ключевые сходства и различия институциональной структуры решения территориального вопроса в Италии и Испании представлены в таблице. Можно видеть, что между странами есть масса различий. Уровень децентрализации в Испании выше. Характер региональной асимметрии отличается. В Италии есть очевидные лидеры и в отношении объема располагаемых полномочий, и в отношении особых отношений с национальным центром. При этом эти лидеры – небольшие регионы на севере страны, которые в силу своего размера не имеют значения в политике на уровне всей страны. В Испании тоже есть лидеры, но они, Каталония прежде всего, не обладают некоторыми важными полномочиями, которые есть у других регионов. При этом эти лидеры из-за собственного размера и, соответственно, силы регионалистских партий могут и иногда играют значимую роль на общенациональной арене. Правда, необходимо оговориться, что в Италии есть «Лига», которая в прошлом сыграла важную роль в привнесении темы регионализации в итальянскую политику и не полностью оставила ее до сих пор. При этом нужно сделать уточнение. «Лига», в отличие от испанских партий, никогда не была связана с каким-то конкретным регионом, интересы которого она бы продвигала (если, конечно, не считать Паданию). Структура региональной асимметрии по-разному фреймирует стратегии регионов. В Италии основную динамику задают обычные регионы, которые пытаются до-

⁹ Fresneda, D. Financiación "singular" de Cataluña: luces y sombras de la extensión del pacto al resto de comunidades (2024) [online], RTVE, Corporación de Radio y Televisión Española, 07.09.2024. Available at: <https://www.rtve.es/noticias/20240907/financiacion-singular-cataluna-comunidades/16239227.shtml> (accessed: 13.07.2025).

¹⁰ Acuerdo de la Comisión Bilateral sobre la financiación singular de Catalunya en el marco de la reforma del sistema de financiación y sobre la asunción de competencias en el IRPF por la Generalitat [online], Comisión Bilateral Generalitat-Estado. Available at: <https://static.ecestaticos.com/file/f79/973/926/f799739262875acb26ae6e4ca5b55a6d.pdf> (accessed: 21.07.2025).

¹¹ LEGGE 26 giugno 2024, n. 86 Disposizioni per l'attuazione dell'autonomia differenziata delle Regioni a statuto ordinario ai sensi dell'articolo 116, terzo comma, della Costituzione. (24G00104) (GU Serie Generale n.150 del 28-06-2024) [online], La Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. Available at: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2024/06/28/24G00104/sg> (accessed: 13.07.2024).

гнать малозаметных регионов-лидеров, которые постепенно набирают полномочия. В Испании именно регионы-лидеры задают повестку углубления регионализации, но прежде всего для себя. Наконец, явное отличие заключается в наличии символических маркеров предела регионализации. В Италии их нет – по крайней мере конвенциональных. Это позволяет любым – как левым, так и правым – политическим силам маневрировать и продвигать регионализацию, когда это им выгодно. В Испании красные флажки очевидны, но если к ним не приближаться, то ситуация не так уж сильно отличается от итальянской. Так было до каталонского кризиса, так, по-видимому, обстоит дело в настоящее время. Под вопросом, пожалуй, оказывается лишь то, проявит ли Народная партия (или другая правая партия, оказавшаяся у власти) политический оппортунизм в территориальном вопросе, когда представится такая возможность. Несмотря на жесткость нынешнего право-левого противостояния по этой проблематике, исключить этого нельзя.

Таблица

**Территориальный вопрос в Италии и Испании:
сравнительная матрица ключевых сходств и различий**

Параметр	Италия	Испания
Уровень децентрализации	<i>Ниже.</i> Есть конституционные и фактические возможности для увеличения	<i>Выше.</i> Есть конституционные и фактические возможности для увеличения
Национальный консенсус относительно регионализации	<i>Есть.</i> Политический оппортунизм и ситуативные реформы	<i>Был</i> в 1980–1990 годах (<i>café para todos</i>). Политический оппортунизм и ситуативные реформы. С 2010-х годов раскол по право-левому идеологическому измерению
Символические маркеры предела регионализации	<i>Отсутствуют.</i> Вопрос преимущественно о полномочиях	Определение автономных сообществ как « <i>наций</i> »
Характер асимметрии	<i>Иерархичный</i>	<i>Гетерархичный</i>
Характеристики регионов-лидеров	<i>Небольшие и незначимые</i> в общестрановом измерении	<i>Большие и значимые</i> в общестрановом измерении
Стратегии регионов	« <i>Догоняющее развитие</i> ». Отстающие стремятся к уровню лидеров	« <i>Прорыв лидеров</i> ». Каталония / Страна Басков стремятся к исключительному статусу. Остальные реагируют

Однако значение этих различий не стоит переоценивать, или точнее – его стоит нюансировать. Как было показано выше, эти страны очень схожи в логике асимметричной децентрализации, которая воспроизводится в обеих странах, в Испании после крайне серьезного политического кризиса, который, как казалось, должен был изменить траекторию институционального развития. Но этого, по крайней мере пока, не произошло. Это может указывать на то, что большинство перечисленных различий могут улучшить наше понимание условий, которые сделали возможным сецессионистский кризис в Испании. Воспроизведение же прежней институциональной траектории можно объяснить тем, что между этими странами общего: региональная асимметрия с наличием регионов-лидеров, политический оппортунизм национальных политических сил и доминирование вертикального билатерализма.

Выводы

Анализ сходств и различий институциональных траекторий решения территориального вопроса в Италии и Испании показывает высокую устойчивость логики асимметричной децентрализации. Несмотря на серьезный кризис, ключевые элементы системы центр-периферийных отношений не изменились:

1) институциональные условия взаимодействия в «организационном поле» субъектов решения территориального вопроса: слабость горизонтальных связей, доминирование вертикального билатерализма, структурная неэквивалентность регионов (регионы-лидеры и остальные);

2) тренды изоморфизма: принудительный изоморфизм центра (выравнивание) и подражательный изоморфизм регионов (стремление к уровню лидеров или его превышению) в имеющихся институциональных условиях взаимодействия закономерно ведут к росту региональной асимметрии;

3) система стимулов: интерес центра к унификации сталкивается с интересом (разных по потенциалу) регионов к максимизации автономии, а отсутствие прочного национального консенсуса о конечной модели межуровневого распределения власти и полномочий оставляет пространство для маневра заинтересованным силам и в итоге приводит к сдвигу статус-кво.

Главное различие между странами находится в сфере символической легитимации. В Испании запросы регионов-лидеров могут упираться в символически нагруженный вопрос о «нации» и единстве страны, что может вести к радикализации (Каталония). В Италии конфликт фокусируется на прагматике полномочий и ресурсов, оставаясь в рамках «нормальной политики» и борьбы между национальными силами за власть. Однако в обоих случаях институциональная траектория, основанная на асимметричной децентрализации через билатеральные сделки, демонстрирует удивительную живучесть.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Димаджо, П., Пауэлл, У. (2010) 'Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях (перевод Г. Б. Юдина)', *Экономическая социология*, 11(1), сс. 34–56. [DiMaggio, P., Powell, W. W. (2010) 'The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields (translated by G. Yudin)' [Novyi vzglyad na «zheleznuyu kletku»: institutsional'nyi izomorfizm i kollektivnaya ratsional'nost' v organizatsionnykh polyakh (perevod G. B. Yudina)], *Economic Sociology*, 11(1), pp. 34–56. (In Russ.)]. EDN: OYNCAV.
- Сулимов, К. А. (2022) 'Регионализм как драйвер активности европейских регионов в отношениях с центром', *Политические исследования*, 6, сс. 38–54. [Sulimov, K. A. (2022) 'Regionalism as a driver of European regions' activity in their relations with national authorities' [Regionalizm kak drajver aktivnosti evropejskih regionov v otnosheniyah s centrom], *Polis. Political studies*, 6, pp. 38–54. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.04. EDN: HDRAUJ.
- Сулимов, К. А. (2024) «Насильно мил не будешь» или как принудительный изоморфизм провоцирует дивергенцию: случай итальянской региональной системы', *Вестник Пермского универси-*
- мета. Политология*, 3, сс. 126–136. [Sulimov, K. A. (2024) '«Love cannot be forced» or how coercive isomorphism provokes divergence: the case of the Italian regional system' [«Nasil'no mil ne budesh'» ili kak prinuditel'nyj izomorfizm provociruet divergenciyu: sluchaj ital'yanskoj regional'noj sistemy'], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3, pp. 126–136. (In Russ.)]. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-126-136. EDN: SEEVFK.
- Agranoff, R. (2005) 'Federal Asymmetry and Intergovernmental Relations in Spain' *Asymmetry Series*, 17, IIGR, Queen's University, pp. 1–11.
- Aja, E., Colino, C. (2014) 'Multilevel structures, coordination and partisan politics in Spanish intergovernmental relations', *Comparative European Politics*, 12(4-5), pp. 444–467. DOI: 10.1057/cep.2014.9. EDN: NJTYGL.
- Alber, E., Arban, E., Colasante, P., Dirri, A., Palermo, F. (2022) 'Facing the pandemic Italy's functional «health federalism» and dysfunctional cooperation' in Steytler, N. (ed.) *Comparative Federalism and COVID-19*, Routledge, pp. 15–32. DOI: 10.4324/9781003166771-3.
- Albertazzi, D., Giovannini, A., Seddone, A. (2018) «No regionalism please, we are Leghisti!» The transformation of the Italian Lega Nord under the leadership of

- Matteo Salvini, *Regional & Federal Studies*, 28(5), pp. 647–671.
- Anderson, P. (2020) ‘Decentralisation at a Crossroads: Spain, Catalonia and the Territorial Crisis’, *Ethnopolitics*, 19(4), pp. 342–355. DOI: 10.1080/17449057.2020.1795470. EDN: XBEQDL.
- Baldi, B. (2020) ‘Exploring Autonomism: Asymmetry and New Developments in Italian Regionalism’, *Revista d’estudis Autònoms i Federals*, 32(32), pp. 15–44. DOI: 10.2436/20.8080.01.52.
- Behnke, N., Mueller, S. (2017) ‘The purpose of intergovernmental councils: A framework for analysis and comparison’, *Regional & Federal Studies*, 27(5), pp. 507–527. DOI: 10.1080/13597566.2017.1367668.
- Bolgherini, S., Lippi, A. (2022) ‘Politicization without institutionalization: relations between State and Regions in crisis governance’, *Contemporary Italian Politics*, 14(2), pp. 224–240. DOI: 10.1080/23248823.2022.2049513. EDN: HXQCDH.
- Bossacoma, P., Sanjaume-Calvet, M. (2019) ‘Asymmetry as a device for equal recognition and reasonable accommodation of majority and minority nations’ in Popelier, P., Sahadžić M. (eds.) *Constitutional Asymmetry in Multinational Federalism*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 429–460.
- Calabresi, S. G., Godi, M. (2020) ‘Italian Constitutionalism and Its Origins’, *The Italian Law Journal*, 6(1), pp. 23–53.
- Capano, G., Lippi, A. (2021) ‘Decentralization, policy capacities, and varieties of first health response to the COVID-19 outbreak: evidence from three regions in Italy’, *Journal of European Public Policy*, 28(8), 1197–1218. DOI:10.1080/13501763.2021.1942156. EDN: NEQSTB.
- D’Atena, A. (2013) ‘Le régionalisme italien et ses racines culturelles’, *Civitas Europa*, 1, pp. 41–53. (In French). DOI: 10.3917/civit.030.0041.
- de la Fuente, A. (2025) ‘Más sobre la financiación singular de Cataluña: el acuerdo de julio de 2025 de la comisión bilateral Generalitat-Estado’, *FEDEA*, Reflexiones sobre la propuesta de financiación singular para Cataluña, Colección Apuntes. 2025-25. Madrid. (In Spanish).
- Della Porta, D. (2008) ‘Comparative analysis: case-oriented versus variable-oriented research’ in Della Porta D., Keating M. (eds.) *Approaches and Methodologies in the Social Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 198–222.
- DiMaggio, P. J., Powell, W. W. (1983) ‘The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields’, *American Sociological Review*, 48(2), pp. 147–160.
- Fernández Rivera, C., Harguindéguy, J.-B., Rodríguez, T. J. (2023) ‘Regional Ambassadors or State Agents? Assessing the Role of Catalan Cabinet Ministers in Spain’, *Nationalities Papers*, 51(5), pp. 1057–1073. DOI: 10.1017/nps.2021.83. EDN: DZIWEJ.
- Ferrario, C., Levaggi, R., Piacenza, M. (2023) ‘Efficiency and equity effects of healthcare decentralization: evidence from Italy’ in Costa-Font, J., Batinti, A., Turati, G. (eds.) *Handbook on the Political Economy of Health Systems*, Edward Elgar Publishing, chapter 7, pp. 85–111.
- Giovannini, A., Vampa, D. (2019) ‘Towards a new era of regionalism in Italy? A comparative perspective on autonomy referendums’, *Territory, Politics, Governance*, 8(4), pp. 579–597. DOI: 10.1080/21622671.2019.1582902.
- Gómez, D. P. (2016) ‘La facultad autonómica de iniciar leyes estatales, una perspectiva comparada’, *Revista D’estudis autonòmics i federals*, 24, pp. 155–192. (In Spanish).
- Groppi, T. (2008) ‘The Italian Constitutional Court: Towards a ‘Multilevel system’ of Constitutional Review’, *Journal of Comparative Law*, 3(2), pp. 100–117.
- Hamann, K., Field, B. N. (2015) ‘Framing legislative bills in parliament: Regional-nationalist parties’ strategies in Spain’s multinational democracy’, *Party Politics*, 21(6), pp. 900–911. DOI: 10.1177/1354068815597575.
- Harguindéguy, J.-B., Sola Rodríguez, G., Cruz Díaz, J. (2018) ‘Between justice and politics: The role of the Spanish Constitutional Court in the state of autonomies’, *Territory, Politics, Governance*, 8(2), pp. 222–240. DOI: 10.1080/21622671.2018.1557073.
- Hooghe, L., Marks, G., Schakel, A., Niedzwiecki, S., Chapman-Osterkat, S., Shair-Rosenfield, S. (2016) *Measuring Regional Authority: a Postfunctional Theory Of Governance*, Oxford: Oxford University Press, vol. 1, 687 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198728870.001.0001.

- Keating, M. (2010) 'Second Round Reform Devolution and constitutional reform in the United Kingdom, Spain and Italy', *LEQS Paper*, 15, London School of Economics and Political Science (LSE), European Institute, London, p. 33.
- Keating, M. (2018) 'The Basque Statue of Autonomy. Edinburgh' [online], *Centre on Constitutional Change, University of Edinburgh*. Available at: <https://www.centre-onconstitutionalchange.ac.uk/opinions/basque-statute-autonomy> (accessed: 15.03.2025).
- Keating, M., Wilson, A. (2009) 'Renegotiating the State of Autonomies: Statute Reform and Multi-level Politics in Spain', *West European Politics*, 32(3), pp. 536–558. DOI: 10.1080/01402380902779089.
- Leon, S. (2017) 'Intergovernmental councils in Spain: Challenges and opportunities in a changing political context', *Regional & Federal Studies*, 27(5), pp. 645–665. DOI: 10.1080/13597566.2017.1354850.
- Lippi, A., Terlizzi, A. (2023) 'The marble cake of social services in Italy and Spain: Policy capacity, social investment, and the national recovery and resilience plans', *European Journal of Social Security*, 25(2), pp. 178–195. DOI: 10.1177/13882627231169266. EDN: YVHMDN.
- Marangoni, F., Tronconi, F. (2011) 'When Territorial Matters: Parliamentary Profiles and Legislative Behaviour in Italy (1987–2008)', *The Journal of Legislative Studies*, 17 (4), p. 415–434. DOI: 10.1080/13572334.2011.617549.
- Mazzoleni, M. (2009) 'The Italian regionalisation: A story of partisan logics', *Modern Italy*, 14(2), pp. 135–150. DOI: 10.1080/13532940902797262.
- Moreno, L. (1999) 'Asymmetry in Spain: Federalism in the Making?' in Agranoff, R. (ed.) *Accommodating Diversity: Asymmetry in Federal States*, Baden-Baden: Nomos, pp. 149–168.
- Palermo, F. (2018) 'Beyond second chambers: Alternative representation of territorial interests and their reasons', *Perspectives on Federalism*, 10(2), pp. 49–70.
- Palermo, F. (2021) 'Asymmetries in the Italian regional system and their role model' in Arban, E., Martinico, G., Palermo, F. (eds.) *Federalism and Constitutional Law. The Italian Contribution to Comparative Regionalism*, pp. 136–151. DOI: 10.4324/9781003104469-9.
- Palermo, F. (2022) 'The impact of the pandemic on the Italian regional system. Centralizing or decentralizing effects?' in Chattopadhyay, R., Knüpling, F., Chebenova, D., Whittington, L., Gonzalez, P. (eds.) *Federalism and the Response to COVID-19. A Comparative Analysis*, Routledge, pp. 104–112.
- Palermo, F., Valdesalici, A. (2019) 'Irreversibly Different. A Country Study of Constitutional Asymmetry in Italy' in Popelier, P., Sahadžić, M. (eds.) *Constitutional Asymmetry in Multinational Federalism. Federalism and Internal Conflicts*, Cham: Palgrave-Macmillan, pp. 287–313.
- Palermo, F., Wilson, A. (2014) 'The Multi-level Dynamics of State Decentralization in Italy', *Comparative European Politics*, 12 (4–5), pp. 510–530. DOI: 10.1057/cep.2014.11. EDN: ZFMDCB.
- Panov, P., Sulimov, K. (2024) 'Territorial heterogeneity as a factor of cross-regional variations in the activity of national lawmaking', *Russian Politics*, 9 (4), pp. 455–477. DOI: 10.30965/24518921-00904001. EDN: AJVBAJ.
- Puertas, R., Marti, L. (2023) 'Regional analysis of the sustainable development of two Mediterranean countries: Spain and Italy', *Sustainable Development*, 31 (2), pp. 797–811. DOI: 10.1002/sd.2420. EDN: IYRWWO.
- Reyes, M. A. (2006) 'La construcción del Estado autonómico', *Cuadernos Constitucionales de la Cátedra Fadrique Furió Ceriol*, 54/55, pp. 75–95. (In Spanish).
- Sanjaume-Calvet, M., Paneque, A. (2023) 'Shared or self-rule? Regional legislative initiatives in multi-level Spain, 1979–2021', *South European Society and Politics*, 28 (1), pp. 75–100. DOI: 10.1080/13608746.2023.2228099.
- Vampa, D. (2024) 'Between regional cores and provinces: the electoral bases of political party support in Italy and Spain', *South European Society and Politics*, 29 (2), pp. 211–241. DOI: 10.1080/13608746.2024.2429199.
- Vampa, D., Gray, C. (2020) 'Assessing and Explaining the Diverging Trajectories of Territorial Parties and Politics in Italy and Spain (2008–2018)', *Swiss Political Science Review*, 27(1), pp. 84–106. DOI: 10.1111/spsr.12419.
- Verge, T. (2013) 'Party Strategies on Territorial Reform: Statewide Parties and the State of Autonomies in Spain', *West European Politics*, 36(2), pp. 317–337. DOI: 10.1080/01402382.2013.749658.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

TERRITORIAL ISSUES IN ITALY AND SPAIN: CONSISTENCY IN INSTITUTIONAL DEVELOPMENT?

K. Sulimov

Konstantin Sulimov, Candidate of Sc. (Polit. Sc.), Senior Researcher, Department of Political Institutions and Processes,

Perm Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Perm, Russia.

E-mail: k.sulimov@psu.ru (ORCID: 0000-0003-4277-3135, ResearcherID: N-9455-2018).

Abstract:

Until the late 2000s, Italy and Spain addressed their respective territorial issues through comparable, though not identical, approaches. Both states established regional frameworks that afforded significant autonomy to their regions. However, the 2010s marked a divergence: Spain encountered a conflict regarding Catalonia's potential secession, whereas Italy experienced a gradual depoliticization of its territorial question. These circumstances resulted in a temporary suspension in the devolution of authorities from central governments to regional entities in both countries, slowing the smooth evolution of the status quo. Recent developments in 2024 and 2025, however, indicate a renewed trajectory toward decentralization, with ongoing transfers of competencies to individual regions. This trend simultaneously reinforces regional asymmetries and prompts efforts to reduce them. A comparative analysis of these cases, grounded in the theory of institutional isomorphism, seeks to elucidate the mechanisms underpinning the persistence of this institutional logic, which has demonstrated considerable resilience, even in the face of significant political crisis. Ultimately, the enduring stability of these institutional trajectories can largely be attributed to the continuity of fundamental elements in center-periphery relations and the persistent incentive structures influencing key stakeholders.

Keywords: regions; institutional reforms; institutional asymmetry; divergence; convergence; political and territorial heterogeneity; institutional isomorphism; Italy; Spain.

Financial support: The research was funded by the grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project “Why are ineffective institutions borrowed? Managing political-territorial heterogeneity and ensuring the territorial state integrity”) at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-112-121

РЕФОРМЫ-УСТУПКИ КАК РЕАКЦИЯ ГОСУДАРСТВ НА ТРЕБОВАНИЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ: ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

П. В. Панов

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов,

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Аннотация

В условиях, когда в стране появляется политически значимое движение за самоопределение (ДС), возникает угроза территориальной целостности государства. Правительства по-разному реагируют на эту угрозу. Наряду с политикой подавления ДС типичной стратегией государств является реализация реформ, направленных на уступки ему. Даже применяя силу против сепаратистов, власти нередко готовы идти на компромисс. Реформы-уступки, однако, далеко не всегда дают желаемый результат. Исследование факторов, влияющих на их эффективность, выполнено методом логистической регрессии на эмпирическом материале более 100 реформ-уступок. Основные предположения, сформулированные на основе институционального подхода, подтвердились: существенное значение для успеха реформ-уступок имеет их «соразмерность» требованиям движения за самоопределение, а также стабильность соотношения сил и предпочтений акторов (государства и ДС) после проведения реформы. Все это позволяет обрести в результате реформы своего рода институциональное равновесие, в условиях которого интенсивность конфликта между государством и движением за самоопределение снижается. При этом анализ показывает, что факторы, вытекающие из институционального подхода к исследованию эффективности реформ-уступок, имеют большую объяснительную силу, нежели «традиционные» структурные объяснения.

Ключевые слова: движения за самоопределение; институциональные реформы, угроза территориальной целостности; сравнительный анализ; реформы-уступки.

Введение

В самом сердце Северо-Восточной Индии в горном районе Качар проживает народ димаса. Когда-то у них было свое княжество Качари, и даже в период британской колонизации димаса сохраняли определенную автономию. После обретения Индией независимости димаса получили культурную автономию, в 1970 г. Качар стал отдельным административным округом в составе штата Ассам. Все это не устраивало димаса, они выдвинули требование самоопределения и в 1980 г. создали вооруженную организацию Dimasa National Security Force (DNSF), позднее на ее основе возникла Dima Nalam Daogah (DND). Одна часть повстанцев выступала за учреждение для димаса отдельного штата, более радикальные группировки – за создание независимого государства «Дималенд» (Dimaraji), которое включало бы все территории бывшего Качари (Kolås, 2017: 23). В 2003 г. правительство и DND договорились о прекращении огня, но часть организации (группировка «Черная вдова») не подчинилась и продолжила борьбу. Только в 2012 г. властям удалось подписать мирное соглашение со всеми фракциями DND на основе того, что димаса получили территориальную автономию: на уровне округа создан Dima Hasao Autonomous Council. Совет является влиятельным органом, и почти все правительственные ведомства находятся под его контролем, кроме полиции, которая осталась в ведении правительства Ассама. Реформа явно снизила остроту конфликта.

В четырехстах километрах на юг от Качарских холмов расположен другой индийский штат Трипура. Как и у димаса, у трипурцев (коренного населения штата) еще в Средние века сложилось

княжество Твипра, которое затем стало протекторатом в составе Британской Индии, а после независимости получило статус союзной территории (с 1971 г. – штата). Однако после разделения Британской Индии на два государства, когда бенгальцы-индуисты устремились из мусульманского Восточного Пакистана в соседнюю Трипуру, возникла проблема (Ranjan, Chattoraj, 2023). Ни один другой штат не испытал такой массовой миграции, доля трипурцев населения штата сократилась до 25 %, а бенгальцы стали доминирующей группой на данной территории не только демографически, но и политически (Lacina, 2009: 1012). Уже в конце 1970-х годов конфликт между трипурцами и бенгальцами перерос в вооруженное противостояние. Трипурские повстанцы требовали как минимум создания штата, свободного от мигрантов (Tripura state that is for only the native citizens), а многие выступали за возрождение Твипры как независимого государства. В поисках компромисса правительство создало для трипурцев автономный совет Tripura Tribal Areas Autonomous Districts Councils (TTAADC), под его юрисдикцией находились те территории штата, где трипурцы составляют большинство населения. Тем не менее это не сгладило конфликт, вооруженное противостояние продолжилось.

Таким образом, в отношении трипурцев реформа, весьма сходная с предоставлением автономии димаса, не дала такого же эффекта, и это довольно типично для Индии, где достаточно давно и целенаправленно реализуется политика асимметричного федерализма. Реагируя на требования самоопределения, которые выдвигаются различными этническими группами, власти Индии предоставляют им те или иные преференции, в большем или меньшем объеме, в тех или иных границах и т.д. в зависимости от требований и ресурсов каждого конкретного движения за самоопределение (Bhattacharyya, 2023). Тем не менее даже сходные по содержанию институциональные реформы, которые реализуются в ответ на похожие требования самоопределения, в одних случаях приносят умиротворение (движения димаса, бодо, хмар), а в других ведут к продолжению, а порой и к эскалации конфликта (движения трипурцев, нага, гуркхов). Почему так происходит?

Как представляется, вопрос выходит далеко за рамки Индии. Реформы, направленные на уступки движениям за самоопределение (ДС) – достаточно типичная стратегия государства, особенно в условиях, когда возникает угроза его территориальной целостности. Даже применяя силу против сепсессионистов, власти нередко идут на компромисс, предоставляя народам, требующим самоопределения, определенную автономию. В ряде случаев это дает желаемый результат, и угроза территориальной целостности как минимум снижается (Ачех в Индонезии, хорваты в Боснии и Герцеговине и т.д.). Однако зачастую, несмотря на реализацию институциональных реформ, направленных на уступки ДС, угроза территориальной целостности государства остается высокой (Шотландия в Великобритании, Папуа в Индонезии, Западный Тоголенд в Гане и т.д.).

Разумеется, в каждом отдельном случае соответствующие эффекты реформ-уступок можно объяснить специфическими причинами, однако, как представляется, есть некие общие закономерности. В данной работе предпринята попытка теоретически обосновать и эмпирически протестировать несколько предположений относительно факторов, влияющих на эффективность институциональных реформ-уступок, которые реализуются государством в ответ на требования самоопределения. Институциональная реформа понимается как эффективная, если после ее реализации угроза территориальной целостности государства со стороны ДС не является высокой¹. В первой части статьи предложены некоторые теоретические размышления сквозь призму институционального подхода. Затем представлены эмпирические данные, на основании которых количественно проверяются выдвинутые гипотезы. В последней части статьи изложены результаты анализа.

Теоретическая модель

В рамках данной работы рассматриваются только такие уступки государства движениям за самоопределение, которые представляют собой институциональные реформы, то есть предполагают изменение институтов, а не решение конкретных проблем. Как бы ни была важна реализация крупного инфраструктурного проекта, открытие университета, договоренность о прекращении огня между правительством и повстанцами, освобождение политзаключенных и т.п., все это не относится к институциональным реформам. Для исследования отбираются такие институциональные реформы,

¹ Следует оговориться, что «после» не обязательно «вследствие» реформы. Речь не идет о каузальности, поскольку реформа отнюдь не единственный фактор, влияющий на угрозу территориальной целостности. Каузальность связей в данном случае можно выявить лишь качественными исследованиями.

которые связаны с требованиями ДС или вызывают реакцию с их стороны².

Поскольку речь идет об институциональных реформах, для объяснения вариативности их эффектов представляется уместным использовать институциональный подход. С точки зрения ставшей классической теории Д. Норта институциональные изменения происходят тогда, когда: а) меняются предпочтения акторов; б) меняется соотношение сил между акторами (Норт, 1997: 108–110). Применительно к эффективности институциональной реформы из этого следует, во-первых, что она будет более эффективной, если содержательно представляет собой некое институциональное равновесие, то есть соответствует сложившемуся на данный момент соотношению сил между акторами с их предпочтениями. В иных случаях повышается вероятность оспаривания данной реформы, и, следовательно, она не будет способствовать снижению угрозы территориальной целостности³. Например, как показывают некоторые исследования, предоставление автономии имеет слабый эффект, когда она дается слишком поздно или в недостаточном объеме (Cederman et al., 2015). Это не значит, что реформа должна полностью удовлетворять требования ДС, но, если, к примеру, движение выдвигает требование сецессии, предоставление права на изучение родного языка в начальной школе вряд ли можно считать достаточной уступкой. Таким образом, теоретически значимый фактор эффективности реформы – ее содержание с точки зрения соотношения с требованиями ДС в контексте сложившегося соотношения сил, обозначим этот параметр как «соразмерность реформы».

Во-вторых, продолжая эту логику, можно предположить, что реформа будет более эффективной в том случае, если после ее реализации соотношение сил между акторами принципиально не меняется, поскольку в противном случае стороны конфликта будут более склонны оспаривать содержание реформы. Так, нередко в условиях ослабления государства наблюдается всплеск сепаратистских движений (яркий пример – распад Югославии). В случае усиления государства оно, напротив, может отменить уступки ДС, которые были реализованы или обещаны ранее, как, например, сделал Саддам Хусейн в отношении курдов, отказавшись в 1970-е годы от уже достигнутой договоренности о предоставлении им автономии. Аналогичное следствие имеет и существенное усиление / ослабление ДС.

В-третьих, в той же логике негативные последствия для эффективности реформы имеет изменение предпочтений акторов – участников политико-территориального конфликта. Так, смена власти в стране может привести к тому, что новое правительство будет тормозить реализацию институциональной реформы (Читтагонг в Бангладеш). С другой стороны, и у ДС могут смениться предпочтения, особенно в случае, когда движению не хватает единства и сплоченности, когда оно состоит из различных группировок, выдвигающих разные требования. Как доказано исследователями, чем выше степень фракционализации ДС, тем труднее найти и реализовать компромиссное решение (Cunningham, 2014).

В-четвертых, существенное влияние на эффективность институциональных реформ оказывает степень взаимного доверия акторов – *credible commitment*, проблема, достаточно хорошо исследованная в литературе (Jenne et al., 2007; Walter, 2009). Соглашаясь с содержанием реформы, стороны должны еще и верить в то, что контрагенты будут следовать взятым обязательствам. На степень доверия, как можно предположить, оказывают влияние различные факторы, и один из наиболее важных среди них – история вопроса (длительность и интенсивность конфликта между государством и движением за самоопределение).

Наконец, необходимо учитывать, что на эффекты институциональных реформ-уступок оказывают воздействие некоторые структурные факторы. Они хорошо известны и связаны в первую очередь со специфическими характеристиками территории, где действует ДС: социокультурными, географическими, историческими и иными. При прочих равных условиях, чем выше такая специфика, тем сильнее стремление к созданию собственного государства, и не трудно представить такую ситуацию, когда государство делает все, чтобы «умиротворить» сецессионистов и готово идти на самые радикальные компромиссы, однако в силу специфики территории желание иметь «свое» государство настолько сильно, что даже после самых серьезных уступок угроза территориальной целостности остается высокой.

² Государство может проводить реформу, имея иные мотивации, а не в «ответ» на требования ДС, но такая реформа может иметь значение для ДС.

³ «Институциональное равновесие – это такая ситуация, в которой при данном соотношении сил игроков... ни один из игроков не считает для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию соглашений» (Норт, 1997: 112).

Кроме того, как установлено в предыдущих исследованиях, реформы-уступки менее эффективны, если они сопровождаются подавлением движения за самоопределение (Панов, 2025), что наблюдается достаточно часто, особенно когда акторами ДС являются повстанческие группировки.

Таким образом, исходя из представленных размышлений, можно предположить, что эффекты институциональных реформ-уступок на угрозу территориальной целостности государства определяются следующими (группами) факторами:

- 1) политикой государства в отношении ДС («соразмерностью» реформ-уступок и сочетанием уступок с подавлением ДС);
- 2) соотношением сил между государством и ДС после реформы;
- 3) предпочтениями акторов после реформы;
- 4) историей конфликта (длительность и интенсивность);
- 5) структурными факторами.

Эмпирическая база исследования

Эмпирически данная работа основывается на оригинальной базе данных IR-SDM Dataset⁴. Опираясь в первую очередь на список движений за самоопределение из проекта SDM Dataset, который реализован группой исследователей под руководством Н. Самбаниса (Sambanis et al., 2018), для IR-SDM Dataset отобраны политически значимые и выдвигавшие политико-территориальные требования (то есть касающиеся политического статуса территории) движения за самоопределение, которые действовали в период с 1991 по 2020 год (171 SDM в 77 странах мира)⁵. В отношении каждого из них в IR-SDM Dataset закодирована политика государства и выделены «эпизоды» – временные интервалы, в рамках которых институционально проводилась «одна политика». Каждая политико-институциональная реформа является началом нового эпизода как единицы наблюдения; если же институциональных реформ не было, весь период (с 1991 года) рассматривается как один эпизод. Таким образом, всего в IR-SDM Dataset 342 эпизода, но для данного исследования были отобраны 166, которые начинаются с реализации реформ-уступок. В ряде случаев, однако, в отношении одного ДС в течение 1991–2020 годов были реализованы несколько реформ-уступок; чтобы избежать при анализе автокорреляции, были взяты только последние по времени реформы. В результате общее количество наблюдений составило 110.

Зависимая переменная – степень угрозы территориальной целостности государства, исходящая от движения за самоопределение (далее «угроза») – *Threat_integrity*. Поскольку в IR-SDM Dataset включены только политически значимые ДС, потенциально все они представляют угрозу территориальной целостности, даже если не выдвигают сепаратистских требований. Это связано с тем, что угроза как таковая понятие субъективное, и государства зачастую интерпретируют самоопределение как сепаратизм, даже если у ДС нет сепаратистских устремлений. Как представляется, для этого есть определенные основания, поскольку внутри движения почти всегда есть акторы, которые занимают более радикальные позиции, и даже если в данный момент они маргинальны, опыт многих движений, включая Шотландию, Каталонию, показывает, что в перспективе радикалы могут стать влиятельной силой. Вместе с тем степень угрозы – величина вариативная, и в данной работе она закодирована дихотомически: «1» – наличие сильной угрозы; «0» – отсутствие сильной угрозы. Индикаторы (точнее – прокси-индикаторы) сильной угрозы – наличие в ДС политически значимых сепаратистов; высокая степень интенсивности конфликта (насиленный конфликт), а также потеря центральной властью контроля над территорией, где действует ДС, проведение на этой территории референдума о независимости, официальное принятие декларации о независимости. На основании этих индикаторов установлено, что из 110 единиц наблюдения (эпизодов, когда государство шло на реформы-уступки в отношении ДС) высокая угроза (значение «1») наблюдается в 49 случаях, тогда как в 61 реформа-уступка не сопровождается сильной угрозой⁶, то есть эти реформы можно считать достаточно эффективными.

⁴ Политико-территориальная гетерогенность, движения за самоопределение и институциональные реформы (IR-SDM Dataset) [Электронный ресурс]. URL: http://identityworld.ru/index/waydinstitutions_rus/0-328#tab5 (дата обращения: 04.07.2025).

⁵ Дополнительно к SDM Dataset были использованы и другие авторитетные информационные ресурсы: Conflict Barometer, UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset, Ethnic Power Relations dataset и т.д. В IR-SDM Dataset не включены те движения за самоопределение, которые не выдвигают политико-территориальных требований, ограничиваясь политико-культурными (культурно-национальная автономия, официальное признание этнической группы, языка и т.д.).

⁶ Включая и те случаи, когда и до реформы угроза не была сильной.

Перечень независимых переменных вытекает из предложенной в предыдущем разделе теоретической модели.

Политика реформ-уступок. Закодировать «соразмерность» реформы весьма проблематично, поскольку вряд ли можно точно измерить соотношение сил между государством и движением. Кроме того, многие исследователи не без оснований рассматривают взаимодействия между государством и ДС через призму торга (*bargaining*). ДС зачастую выдвигают завышенные требования, чтобы добиться от властей умеренных уступок. Государство, наоборот, нередко «занижает планку», зондируя почву в поисках минимального компромисса, на который готово пойти движение (Jenne et al., 2007). В качестве аппроксимации для кодировки соразмерности реформы использована следующая логика: 1) если в эпизоде, предшествовавшем реформе, в движении не было политически значимого сепаратистского актора (партии или повстанческой группировки), любая институциональная реформа рассматривается как соразмерная; 2) если же такие акторы были политически значимы⁷, в качестве соразмерной рассматриваются только такие реформы, в результате которых группе, от лица которой действует ДС, предоставлена территориальная автономия, а если таковая уже была – степень автономии (полномочия) существенно увеличена. Соразмерные реформы (*Reform_proportionate*) кодируются как «1», несоразмерные – как «0».

Сочетание уступок с подавлением ДС представлено дихотомической переменной *Combine_supr*, которая принимает значение «1» в случае, когда реформа-уступка сопровождается подавлением ДС. Под подавлением понимаются насильственные действия в отношении акторов движения, в первую очередь военные операции, а также репрессии, аресты лидеров и т.п.

Изменение соотношения сил между государством и ДС отслеживается через две переменные, связанные соответственно с ресурсами государства и движения. Во-первых, на основании индекса государственности (*Stateness Index*)⁸ рассчитана разница между значениями индекса в последний год эпизода и в первый, то есть в год реформы – *stateness_dif*. Во-вторых, дихотомически закодирована переменная *SDM_get_aut_power*. Она принимает значение «1», если в результате реформы на территории, где действует ДС, создана АТЕ или / и АТЕ получила автономию либо существенное увеличение полномочий⁹. Такого рода реформы очевидным образом увеличивают ресурсы движения¹⁰.

Изменение предпочтений акторов после реформы. Здесь также использованы две переменные. Дихотомическая переменная *gov_change* принимает значение «1», если в рамках эпизода после реформы в стране произошла смена правительства. Вторая дихотомическая переменная *SDM_fragm* кодируется как «1» в случае фракционализации движения за самоопределение, когда акторами ДС являются несколько политических партий или повстанческих группировок.

История конфликта. Длительность конфликта между государством и движением за самоопределение (переменная *conflict_duration*) определяется как количество лет с года начала ДС до конца эпизода. Интенсивность конфликта (*conflict_high_intensity*) измерена дихотомически: значение «1» эта переменная принимает в том случае, если в течение всего времени конфликта он достигал высокой интенсивности, то есть стадии вооруженного / насильственного противостояния.

Структурные факторы закодированы достаточно стандартно с помощью трех индикаторов, характеризующих социокультурную, географическую и историческую специфику территории, где действует ДС. Социокультурная специфика заключается прежде всего в этническом характере движения за самоопределение. Примечательно, что только 12 из 110 ДС, включенных в анализ, не являются этническими, но остальные существенно различаются с точки зрения того, какую долю занимает соответствующая этническая группа в населении региона, где действует ДС. Эта вариативность фиксируется в переменной *SDMethnic_region_rang*. Поскольку информация по этнической структуре населения, особенно в региональном плане, зачастую не вполне надежна,

⁷ Операционально политическая значимость сепаратистских акторов определяется следующим образом: 1) сепаратистские требования выдвигают «субнациональные органы власти»; 2) если сепаратистские требования выдвигают политические партии, они значимы, когда эти партии находятся у власти в регионе или входят в коалиционное правительство; 3) если сепаратистские требования выдвигают «повстанцы», они должны быть настолько сильны, что государство реагирует на их наличие, вступая в вооруженное противостояние с ними (высокий уровень интенсивности вооруженного конфликта).

⁸ *Stateness Index* [online]. Available at: <https://www.stateness-index.org/en/downloads> (accessed: 04.07.2025). Индекс принимает значения от 0 до 1, но для анализа он трансформирован в шкалу от 0 до 10.

⁹ В данном случае можно предполагать корреляцию между *SDM_get_aut_power* и *Reform_proportionate*, однако статистические тесты показывают, что она весьма слабая.

¹⁰ Если реформ было несколько, учитываются и предыдущие реформы, не включенные в данное исследование в качестве единиц наблюдения.

значения этой переменной взяты не в процентах, а ранжированы по шкале от 0 до 10. Тем ДС, которые не являются этническими, присвоено значение «0». Из географических факторов, как показывают предыдущие исследования, наиболее сильное воздействие на территориальные конфликты оказывают изолированность региона и его пограничное положение (Панов, 2025). Основываясь на этом, сконструирована дихотомическая переменная *Geo_spec*, которая принимает значение «1» в случае, если территория, где действует ДС, является изолированным регионом (острова, эксклавы) или / и пограничным (есть сухопутные границы с другими странами). Что касается исторической специфики территории, где действует ДС, в качестве индикатора использована утрата территорией собственной государственности (*lost statehood*) как наиболее сильный параметр исторической специфики.

Описательные статистики по всем переменным представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Описательные статистики по числовым переменным

Переменная	N	Min	Max	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
Stateness_dif (ранговая 0–10)	110	–2,96	2,06	0,004	0,000	0,661
Conflict_duration (цена деления шкалы –10 лет)	110	1,4	13,9	5,8	5,8	12,3
SDMethnic_region_rang (ранговая 0–10)	100	0	10	5,7	6,0	3,2

Таблица 2

Частоты по категориальным переменным (N = 110)

Переменная	Частота	%
Threat_integrity (1)	49	44,5
Reform_proportionate (1)	91	82,7
SDM_get_aut_power (1)	67	60,9
Gov_change (1)	89	80,9
SDM_fragm (1)	71	64,5
Conflict_high_intensity (1)	60	54,5
Geo_spec (1)	87	79,1
Lost_statehood (1)	44	40,0
Combine_supr (1)	46	41,8

Результаты анализа

Поскольку зависимая переменная дихотомическая, для анализа использована логистическая регрессия. Результаты нескольких регрессионных моделей (с разными наборами независимых переменных) представлены в табл. 3.

Полученные результаты подтверждают теоретические ожидания относительно влияния содержания реформы («соразмерности» требованиям ДС) на ее эффективность. «Соразмерность» реформы примерно в 10 раз повышает соотношение шансов в пользу того, что после реформы уровень угрозы территориальной целостности государства будет низким. Что касается влияния политики подавления, наоборот, если при реализации реформы-уступки государство продолжает подавлять движения за самоопределение, это увеличивает соотношение шансов в пользу сильной угрозы примерно в 6 раз, что подтверждает выводы предыдущих исследований.

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Номер модели				
	1	2	3	4	5
Reform_proportionate (1)	-2,360*** (0,904) 0,094	–	–	–	-2,387** (1,115) 0,092
Combine_supr (1)	1,684*** (0,571) 5,387	–	–	–	1,871** (0,722) 6,497
Stateness_dif	0,010 (0,368) 1,010	-0,129 (0,356) 0,879	–	–	-0,419 (0,428) 0,658
SDM_get_aut_power (1)	1,594** (0,629) 4,923	0,690 (0,494) 1,994	–	–	1,884** (0,815) 6,580
Gov_change (1)	0,124 (0,678) 1,132	1,170* (0,613) 3,221	1,318** (0,611) 3,738	–	-0,784 (0,820) 0,457
SDM_fragm (1)	0,871 (0,538) 2,390	1,014** (0,495) 2,756	0,894* (0,477) 2,444	–	0,847 (0,601) 2,332
Conflict_high_intensity (1)	0,962* (0,554) 2,617	1,935*** (0,492) 6,922	2,035*** (0,485) 7,651	–	0,887 (0,640) 2,428
Conflict_duration	0,250** (0,114) 1,284	0,143 (0,102) 1,154	0,169* (0,099) 1,184	–	0,265* (0,136) 1,304
SDMethnic_region_rang	–	–	–	0,209*** (0,077) 1,232	0,176* (0,099) 1,192
Geo_spec (1)	–	–	–	1,676*** (0,643) 5,342	1,940** (0,846) 6,962
Lost_statehood (1)	–	–	–	0,965** (0,461) 2,625	0,667 (0,684) 1,948
Constant	-2,567** (1,287) 0,077	-4,175*** (0,935) 0,015	-4,015*** (0,912) 0,018	-3,222*** (0,840) 0,040	-4,883*** (1,870) 0,008
N	110	110	110	100	100
-2 Log-likelihood	99,222	117,359	119,713	116,528	76,870
Pseudo-R ² Nagelkerke	0,504	0,354	0,333	0,250	0,607

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В первой строке представлены регрессионные коэффициенты, во второй в скобках – стандартные ошибки, в третьей – соотношение шансов.

Как и ожидалось, негативно влияет на эффективность реформы изменение соотношения сил между государством и ДС. Переменная *SDM_get_aut_power* имеет статистически значимые коэффициенты в моделях 1 и 5, то есть существенное увеличение после реформы ресурсов ДС негативно воздействует на ее эффективность, повышая соотношение шансов в пользу сильной угрозы примерно в 5–6 раз. Относительно увеличения ресурсов государства гипотеза, однако, не подтвердилась, возрастание значений государственной состоятельности после реформы не оказывает влияния на ее эффективность. Видимо, это связано с тем, что именно ДС склонны оспаривать

реформу в тех случаях, когда возникает такая возможность, тогда как в отношении государства такой закономерности не наблюдается, а отдельные случаи, в том числе упоминавшийся выше отказ Хусейна выполнить соглашение о предоставлении автономии курдам, представляют собой единичные инциденты.

Теоретические ожидания относительно негативного влияния на эффективность реформ-уступок изменения предпочтений акторов подтверждаются частично. В моделях 2 и 3 (с сокращенным набором переменных) смена правительства (Gov_change) более чем в 3 раза повышает соотношение шансов в пользу сильной угрозы, то есть снижает эффективность реформы, однако в двух других моделях коэффициенты этой переменной статистически незначимы¹¹. Примерно такое же влияние оказывает фрагментированность ДС с той лишь разницей, что даже в моделях 1 и 5 коэффициенты SDM_fragm близки к уровню статистической значимости (0,105 и 0,159 соответственно).

Снижается эффективность реформы и в тех случаях, когда конфликт между государством и ДС имеет «плохую историю». Обе переменные (и интенсивность, и длительность конфликта) демонстрируют статистически значимые коэффициенты в трех из четырех моделей и даже в той, где это не так, коэффициенты достаточно близки к статистической значимости. В целом каждые 10 лет длительности конфликта увеличивают соотношение шансов в пользу сильной угрозы после реализации реформы примерно в 1,2–1,3 раза, а негативное влияние на эффективность реформы высокой интенсивности конфликта, когда он достигал уровня вооруженного противостояния, еще сильнее.

Как и следовало ожидать, существенное воздействие на эффекты реформ-уступок оказывают структурные факторы, которые показывают статистически значимые позитивные коэффициенты и в модели 4, которая содержит только структурные факторы, и в модели 5 (за исключением Lost_statehood), в которую включен весь набор независимых переменных. Между тем весьма примечательно, что объяснительная сила модели 4 (значения -2 Log-likelihood и Pseudo-R2 Nagelkerke) заметно ниже, чем модели 1, которая содержит все переменные, кроме структурных. Иначе говоря, факторы, вытекающие из институционального подхода к объяснению эффективности реформ-уступок, оказываются более важными, нежели «традиционные» структурные объяснения.

В целом проанализированные регрессионные модели неплохо объясняют вариативность зависимой переменной. Во всех моделях достаточно высокая доля правильно предсказанных значений, и она примерно одинакова как для наличия, так и для отсутствия сильной угрозы. Минимальная доля правильно предсказанных значений – 72 % (в модели 4, где только структурные переменные), максимальная – 81 % (в модели 5, которая включает все переменные).

Некоторые наблюдения, однако, сильно отклоняются от предсказанных значений. Наиболее явные девиации, когда, согласно регрессионным моделям, после реализации реформ-уступок угроза территориальной целостности должна быть сильной, но в реальности этого нет, – ДС христианского населения Южно-Молуккских островов в Индонезии, которое стремится к созданию независимого государства; ДС албанцев долины Прешево (Сербия), а также два из многочисленных ДС Мьянмы – моны и пао. Противоположные случаи, когда в реальности после реализации реформ-уступок наблюдается сильная угроза территориальной целостности, тогда как модели предсказывают иное, – Гонконг в Китае и Черногория в бывшей Союзной Республике Югославия. Все эти девиации объясняются специфическими особенностями каждого из движений. Достаточно показателен в этом плане случай Черногории: несмотря на то что принятая в 2002 г. Конституционная хартия существенно усилила ее самостоятельность, утвердив фактически конфедеративную форму государственного устройства, спустя всего четыре года Черногория вышла из состава этого государственного образования; ключевыми факторами, повлиявшими на такое развитие событий, были специфический политико-исторический контекст и специфика партийной системы (Борисова, 2025).

Заключение

В условиях, когда движения за самоопределение создают угрозу территориальной целостности государства, одна из типичных стратегий властей – пойти на компромисс и провести институциональные реформы-уступки. Их эффективность, однако, разная. Из 110 рассмотренных в данной ра-

¹¹ Возможно, это вызвано сильно скошенным распределением значений переменной Gov_change: в 80 % случаев она принимает значение «1».

боте реформ-уступок около половины оказались неэффективными с точки зрения того, что после их реализации угроза территориальной целостности государства остается высокой. Сформулированная в данной работе на основе институционального подхода теоретическая модель для объяснения эффективности реформ-уступок, как и любая другая, имеет существенные ограничения, поскольку очевидно, что на эффекты реформ-уступок оказывают воздействие множество специфических для каждого отдельного случая факторов – контекстуальных, исторических и даже персональных. Тем не менее некоторые закономерности, обнаруженные в результате исследования, представляются значимыми. Существенное значение для успеха реформ-уступок имеют их «соразмерность» требованиям движения за самоопределение, а также стабильность соотношения сил и предпочтений государства и акторов ДС после проведения реформы. Все это позволяет обрести в результате реформы своего рода институциональное равновесие, в условиях которого интенсивность конфликта между государством и движением за самоопределение снижается. Как представляется, значимым результатом исследования является вывод о том, что факторы, вытекающие из институционального подхода к анализу эффективности реформ-уступок, имеют большую объяснительную силу, нежели «традиционные» структурные объяснения.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Список литературы / References

- Борисова, Н. В. (2025) 'Кооптация, уступки и риск территориальной дезинтеграции: почему реформы усиливают этнополитические конфликты?', *Вестник Пермского университета. Политология*, 3 (в печати) [Borisova, N. V. (2025) 'Cooptation, concession, and the risk of territorial disintegration: Why do reforms intensify ethnopolitical conflicts?' [Kooptatsiya, ustupki i risk territorial'noj dezintegratsii: pochemu reformy usilivayut etnopoliticheskie konflikty?], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 3 (Forthcoming) (In Russ.)].
- Норт, Д. (1997) *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: НАЧАЛА, 180 с. [North, D. (1997) *Institutions, institutional change and economic performance* [Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki]. Moscow: NACHALA, 180 p. (In Russ.)]. ISBN: 5-88581-006-0. EDN: YQDVYE.
- Панов, П. В. (2025) «Уступать нельзя подавлять»: выбор государством политики в условиях угрозы сепарации», *Политическая наука*, 3, сс. 84–106. [Panov, P. V. (2025) «Concede not suppress»: the state's choice of policy in the face of the threat of secession' [«Ustupat' nel'zya podavlyat'»: vybor gosudarstvom politiki v usloviyah ugrozy secessii]. *Political science*, 3, pp. 84–106 (In Russ.)]. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.04>
- Bhattacharyya, H. (2023) *Asymmetric Federalism in India*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 220 p.
- Cederman, L.-E., Hug, S., Schädel, A., Wucherpfennig, J. (2015) 'Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late?', *American Political Science Review*, 109 (2), pp. 354–370. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000118>.
- Cunningham, K. (2014) *Inside the Politics of Self-Determination*. Oxford: Oxford University Press. 256 p.
- Jenne, E., Saideman, S., Lowe, W. (2007) 'Separatism as a bargaining posture: The role of leverage in minority radicalization', *Journal of Peace Research*, 44(5), pp. 539–558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343307080853>. EDN: JNYCDN.
- Kolås, Å. (2017) 'Framing the tribal: ethnic violence in Northeast India', *Asian Ethnicity*, 18(1), pp. 22–37. DOI: <https://doi.org/10.1080/14631369.2015.1062050>.
- Lacina, B. (2009) 'The problem of political stability in Northeast India: Local ethnic autocracy and the rule of law', *Asian Survey*, 49(6), pp. 998–1020.

Ranjan, A., Chattoraj, D. (eds.) (2023) *Migration, Regional Autonomy, and Conflicts in Eastern South Asia*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 337 p.

Sambanis, N., Germann, M., Schädel, A. (2018) 'SDM: A New Data Set on Self-Determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Con-

flict', *Journal of Conflict Resolution*, 62(3), pp. 656–686. DOI: 10.1177/0022002717735364. EDN: YGHEDJ.

Walter, B. (2009) 'Bargaining failures and civil war', *Annual Review of Political Science*, 12(1), pp. 243–261. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.101405.135301>

Статья поступила в редакцию: 30.06.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

REFORMS-CONCESSIONS AS A RESPONSE OF STATES TO DEMANDS FOR SELF-DETERMINATION: FACTORS OF EFFECTIVENESS

P. Panov

Petr Panov, Dr. Sci. (Political Science),

Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Abstract

When a politically significant self-determination movement (SDM) appears in a country, the territorial integrity of the state is threatened. Governments respond to this threat in different ways. Along with the policy of suppressing SDM, a typical strategy of states is to implement reforms aimed at making concessions to self-determination movements. Even suppressing SDM, the authorities often demonstrate a willingness to compromise. However, reforms-concessions do not always provide the desired results. The study of factors that influence on the effectiveness of reforms-concessions have been carried out using the logistic regression on empirical data from more than 100 reforms-concessions. The main assumptions developed on the ground of institutional approach have been confirmed: the “proportionality” of reforms-concessions to SDM claims, as well as the stability of the ratio of resources between the state and SDM actors, sustainability of their references after the reform have significant importance for the success of reforms-concessions. All this makes it possible to achieve a kind of institutional equilibrium as a result of the reform, under which the intensity of the conflict between the state and SDM decreases. At the same time, the analysis finds that the factors arising from the institutional approach to studying the effectiveness of reforms-concessions have greater explanatory power than “traditional” structural explanations.

Keywords: self-determination movements; institutional reforms; threat to territorial integrity; comparative analysis.

Financial support: The research was funded by the grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project “Why are ineffective institutions borrowed? Managing political-territorial heterogeneity and ensuring the territorial state integrity”) at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

УДК-323.1 341.234 342.725 81.272

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-122-132

ОТ ЯЗЫКА НАЦИИ К ЯЗЫКУ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

К. Ю. Замятин

Замятин Константин Юрьевич, PhD, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных и этноязыковых исследований факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: kzamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Аннотация

В последнее время разрабатываются новые официальные документы не только по национальной, но и по языковой политике. Этот процесс свидетельствует о том, что языковая политика формируется в качестве самостоятельного направления государственной политики. В чем причины и возможные последствия этого процесса? В данной статье проанализированы официальный дискурс по вопросам языковой политики, представленный в стратегических документах и законодательных актах, принятых и разрабатываемых в последние годы, а также институциональный контекст с целью понимания роли идей и ее ограниченности структурными факторами при формировании языковой политики в рамках неинституционалистского подхода. Результаты исследования показывают, что идеологическое стремление изменить содержание языковой политики связано с процессами нациестроительства и более широкого поиска цивилизационной идентичности, в которых, прежде всего из-за внешнеполитической повестки, язык приобрел роль ключевого маркера. Однако попытка изменения формы языковой политики сталкивается с существенными структурными ограничениями и может повлечь незапланированные результаты и для внутренней политики, в частности в результате замены коллокации концептов «язык» и «народ» на коллокацию «язык» и «культура».

Ключевые слова: языковая политика; национальная политика; культурная политика; формирование политики; государство-нация; государство-цивилизация.

Введение

До сих пор языковая политика (ЯП) традиционно рассматривалась в России как часть национальной политики (НП). Однако ЯП стала самостоятельным направлением политики, по крайней мере дискурсивно, в 2024 г., когда была утверждена распоряжением правительства Концепция государственной языковой политики РФ (далее – Концепция ГЯП РФ)¹. Также был преобразован и обновлен Совет при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ (далее – Совет ГПЯ РФ)². Был утвержден новый программный документ – Основы государственной языковой политики РФ (далее – Основы ГЯП РФ)³. Также разработаны проекты Федерального закона «О языках народов РФ»⁴. По-видимому, можно говорить не только об

© Замятин К. Ю., 2025

¹ Концепция государственной языковой политики РФ [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 1481. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> (дата обращения: 20.06.2024).

² О Совете при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 22 августа 2024 г. № 716. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HoaJQeA1Vka4mw5n8WwA9SdFjhrwbyiZ.pdf> (дата обращения: 12.12.2024).

³ Об утверждении Основ государственной языковой политики РФ [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/77431> (дата обращения: 12.07.2025).

⁴ Первоначальный проект Федерального закона «О языках народов РФ», подготовленный Советом ГПЯ РФ, был разослан письмом от 12 января 2025 г. № 1/414 министра науки и высшего образования РФ подведомственным учреждениям для представления предложений. Не публиковался. Первоначальный проект Федерального закона, подготовленный Правительством, был разослан письмом от 30 июня 2025 г. № МН-20/80-АБ заместителя министра науки и высшего образования РФ подведомственным учреждениям. Не публиковался.

изменении НП, но и о попытке формирования новой ЯП. В чем причины такой инициативы? Насколько она может изменить сложившуюся стратегию управления этническим разнообразием в России?

Целью настоящей статьи является изучение процессов формирования государственной ЯП РФ, которое направлено на выяснение причин, особенностей и возможных направлений изменений политики вследствие этих процессов. Особенностью текущего процесса формирования политики стало то обстоятельство, что проект Федерального закона появился раньше, чем проект Основ ГЯП РФ. Согласование юридического и программного документов представляет из себя практическую проблему, например, потому что механизм прав призван ограничивать политику (Замятин, 2025). Но одновременно вопрос согласования юридического и политического дискурсов – это и научно-прикладная исследовательская проблема поиска адекватного научного инструментария. Чтобы исследовать политико-правовые процессы по разработке и принятию официальных документов в области ЯП, имеет смысл выйти за рамки правового дискурса или, по выражению С. Соколовского, «легалистского подхода» юридической науки (см. Соколовский, 2016) и перенести фокус внимания с изучения содержания законодательства на анализ его динамики с перспективы политических наук, прежде всего субдисциплин государственной политики (public policy) и государственного управления (public administration).

Формирование и принятие новой государственной политики или изменение уже проводимой политики как проявлений человеческой агентности, направленной на преобразования в обществе, ограничены многими структурными факторами. Для изучения соотношения агентности и структуры данное исследование базируется на неонституционалистском подходе, который позволяет увидеть, как идеи о преобразованиях ограничиваются интересами политических акторов и существующими институтами. В историческом институционализме экзогенные события, такие как революции и войны, могут приводить к изменениям политики. Для анализа динамики процессов я основываюсь в проверке гипотез на стадийной модели политического цикла, теории прерывистого равновесия и модели политико-управленческих потоков в рамках теорий политического процесса, а также подхода бюрократической политики. Для понимания идейного содержания официального дискурса используется дискурсивный анализ текстов, включая биографические данные и включенное наблюдение за политическими практиками, в интерпретации значений, закладываемых в дискурсивные действия при принятии решений. Материалы исследования включают официальные документы, научную литературу, а также результаты наблюдений за политическими практиками.

Концептуализация и операционализация текущих изменений политики с помощью инструментария политических наук сложна. Считать ли происходящие процессы изменением существующей (национальной) политики или формированием новой (языковой) политики? Для того, чтобы говорить об изменении политики, достаточно ли только политического решения в виде формального закрепления в официальном документе намерения политику изменить, то есть дискурсивного действия в рамках символической политики, или обязательны также политические действия для достижения запланированного результата, то есть изменения практик, например, создания институций? В обоих случаях как установить, что результат отличается от запланированного и стал скорее следствием структурных изменений в общеполитической ситуации?

Формирование и принятие политики, то есть выбор формы преобразований, часто более доступны для анализа, чем изменение политики по содержанию. Согласно модели политико-управленческих потоков, принятие политики происходит, когда «политическим антрепренерам» удастся при продвижении во взаимодействии с другими группами интересов какой-то темы в качестве политической проблемы попасть в «окно возможностей», открывающееся в случае благоприятно сложившейся для этого общеполитической ситуации (Kingdon, 1984). Согласно комплементарной ей стадийной модели политико-управленческого процесса (Anderson et al., 2023), разработка и утверждение программных документов (policy documents; в официальном дискурсе – целеполагающих или – официально – стратегических документах) является именно формированием политики как первой стадии политического цикла, но еще не становится принятием политики как второй стадии, которая происходит обычно в форме принятия законов. Вместе с тем, хотя в России документы стратегического планирования сами по себе не являются нормативными правовыми актами, их значение в политико-правовой системе велико. После их согласования принятие разрабатываемого на их основе законодательства часто оказывается формальностью, что делает второстепенным приложение модели лоббистских коалиций для анализа принятия политики (см. Замятин, 2023b). Законы, в свою очередь, содержат не только регулятивные и охранительные правовые нормы, но также и декларативные нор-

мы, обычно в общих положениях, в которых идеологические установки из стратегических документов транслируются в цели и принципы политики как основы для выбора инструментов политики. Такое положение размывает контраст правовой и политической функций государства.

Учитывая особую роль стратегических документов в политико-правовой системе, я фокусируюсь в первую очередь на исследовании стадии формирования ЯП и только кратко останавлиюсь на анализе новых документов. Тем не менее в статье проанализированы не только стратегические документы, но и нормативно-правовые акты, отражающие основные тенденции изменений в российском правовом и политическом дискурсах в последние годы. В первой части статьи проанализированы структурные причины формирования ЯП. Во второй части исследованы политические процессы; я фокусируюсь на том, как вновь формируемая ЯП встраивается в сложившиеся политико-правовые реалии. В третьей части я исследую дискурсивный сдвиг в фокусе ЯП как проявление агентности. В четвертой – рассматриваю политические результаты и ключевые идеи новых документов – Основ ГЯП РФ и проектов Федерального закона.

Причины выделения направления языковой политики

В условиях новизны социальной проблематики в какой-то стране именно наука обычно может разработать или позаимствовать из международного опыта инновативные решения. Заимствование идеи о том, что у государства должна быть ЯП, потому что у других стран эта политика есть, произошло через научный дискурс, поскольку в мировой науке исследования языковой политики и планирования проводятся давно (Замятин, 2023a), но одновременно и потому, что оно призвано легитимизировать ЯП, так как в модернистском способе легитимации ожидается, что политика должна иметь научное обоснование. Вместе с тем, хотя влияние международной научной повестки следует назвать первой причиной концептуализации ЯП как отдельного направления политики, само формирование политики не столько опирается на современные российские исследования, сколько отражает общее развитие политической ситуации в стране и мире, а в первую очередь – активные усилия российских властей по регулированию национально-языковых отношений (Замятин, 2023b).

Политические причины продвижения этих усилий нужно искать в особенностях НП или – шире – политики различий. Суть таких усилий была определена в 2012 году в главном стратегическом документе в этой области – Стратегии государственной национальной политики РФ (далее – Стратегия ГНП РФ)⁵ – как укрепление российской нации в качестве первой цели НП при сохранении этнокультурного многообразия в качестве второй цели. При этом концепт «этнокультурное многообразие», связавший «этническое» и «культуру», был направлен на деполитизацию этнического. Позже балансирование этого дуализма целей потеряло приоритет не только в реальной политике, но и буквально их понижением в перечне целей до, соответственно, второй и четвертой цели в текущей редакции документа 2018 года⁶ (Замятин, 2025). Однако ответа на вопрос, что представляет из себя российская нация, по существу, до сих пор так и не было дано. В условиях сохранения неопределенности в выборе сценария нациестроительства дискурсы многонациональности, либерального, этнического, цивилизационного национализма наслаиваются и перемешиваются в нарративе официального национализма, в котором идеи из прошлого, зафиксированные в виде институтов, выступают в качестве структурных факторов. Все же можно проследить динамику прочь от проекта по модели гражданской нации, который продвигался во внутренней политике, к все большему упору на проект, определяющий нацию в этнокультурных и языковых терминах, который изначально продвигался во внешней политике.

Проект новой Стратегии ГНП РФ объединил прежние цели в двуединую цель при том, что укрепления общероссийской гражданской идентичности предполагается добиваться путем решения задачи в первую очередь по сохранению и развитию русского языка, а сохранения и поддержки этнокультурного и языкового многообразия – путем решения задачи по сохранению и развитию культуры русского народа «как государствообразующего» (п. 15, 18а, 19а)⁷. Уместно вспомнить, что в редакци-

⁵ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 12.12.2024).

⁶ См. текст Стратегии в редакции Указа Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 12.12.2024).

⁷ Проект от 11.06.2025 г. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=157502#> (дата обращения: 17.06.2025).

ях Стратегии 2012 и 2018 годов этническим националистам было отказано во включении идеологемы «государствообразующий русский народ» и в качестве уступки заявлено только о «системообразующей исторической роли русского народа» и «русской культурной доминанте». Примечательно также, что ключевые задачи связаны концептами «русский язык» и «культура». Таким образом, при сохранении официальных дискурсов о многонациональном народе и/или российской нации государство предлагается определять не только как государство-нацию, но и как государство-цивилизацию, образованное определенным в культурных и языковых терминах русским народом.

В этом контексте основная политическая причина тенденции к выделению ЯП в России носит «идейно-ценностный» характер. Вновь подтвержденная в поправке к ч. 1 ст. 68 Конституции⁸ коллокация, то есть связка концептов, «народ» и «язык» в идеологеме «языка государствообразующего народа» еще раз подчеркнула ключевое значение идентитарного маркера языка для любых проектов нациестроительства. Иными словами, вместо того, чтобы быть просто еще одним конструктом в дискурсе, язык выступает структурным фактором, который сам «диктует» содержание проектов нациестроительства, вынуждающим их к своему включению в качестве культурного атрибута. Нация нуждается в символах, и язык выделяется одним из ее признаков еще со сталинского определения нации. Русский язык одновременно является символом гражданской идентичности, этнической русской идентичности и самого государства. В коллокации «народ»/«нация» и «язык» дуальность этих концептов предопределяет их взаимовлияние для сообщества практики (деятельного сообщества), в рамках которого она актуальна; в данном случае – среди политиков и экспертов по НП. В результате язык явился элементом, общим для всех проектов нациестроительства, и может быть даже их наименьшим общим знаменателем в качестве наиболее инклюзивного маркера, в то же время исключая не владеющих им мигрантов. Эта коллокация предполагает определение национальной идентичности на основе языка (тенденция чего обозначилась уже десятилетие назад (см. подробнее Zamyatin, 2018)). Продвижение русского языка во всех измерениях ЯП способствует усилению языкового компонента в проектах. В этом контексте выделение ЯП в качестве самостоятельного направления политики отражает эту новую роль языка в условиях трансформации политики различий.

Более того, в то время как строительство нации навязывает монолингвизм, язык, который, как известно, не знает границ, в свою очередь, не просто определяет контур государства-нации, но требует более широкого определения идентичности, которому был предложен контур государства-цивилизации, по-видимому, заимствованный из работ С. Хантингтона и адаптируемый к «евразийству». Вместо построения государства-нации политика различий была переориентирована в России с 2022 года на модель государства-цивилизации, обосновываемую исторической преемственностью также с имперским прошлым и в сравнении со стратегиями самопозиционирования нескольких азиатских государств (Наумкин, 2020). Различие двух проектов в том, что построение государства-нации предполагает культурную и языковую гомогенизацию населения в рамках границ государства, которые на практике не совпадают с ареалом распространения русского языка. Проект государства-цивилизации предполагает территориальность, которая не совпадает с государственными границами, но при этом потенциально может допускать сохранение различий.

Процессы формирования политики в политико-правовой системе

В стадийной модели формирование и принятие политики – это процессы, в рамках которых для решения комплексной задачи по их прохождению от акторов требуется предпринять ряд последовательных шагов, каждый из которых проводится в уже существующем политико-правовом и институциональном поле конкретной страны. Среди структурных факторов, ограничивающих возможности по принятию или изменению политики либо, наоборот, создающих для них условия, важное место занимают демократические процедуры и действующее законодательство. В авторитарных политических системах задача усложняется тем, что обеспечение уровня поддержки инициативы по формированию политики акторами по возможности более высокого ряда оказывается фактором, который может позволить ее продвинуть, несмотря на институциональные ограничения. Согласно теории прерывистого равновесия, обычно политика проводится инкрементально на основе баланса, достигнутого во взаимодействии групп интересов и «нишевых» политиков. Политика может поменяться, если достаточно весомый политический актор обнаружит интерес расширить повестку (Cairney, 2019, chapter 9).

⁸ Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 12.12.2024).

Познавательного сравнить процесс становления направления государственной ЯП с процессом оформления нового этапа государственной НП после перерыва во второй половине 2010-х годов. В начале 2012 года была опубликована статья вышедшего на новый срок президента РФ В.В. Путина по национальному вопросу в России. В том же году была принята Стратегия ГНП РФ, которую писали четыре бывших профильных министра. В 2013 году была утверждена государственная программа в этой сфере. В 2015 году было создано ведомство – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Заметным пробелом в этом ряду является отсутствие закона, который разрабатывался под различными названиями в разные годы постсоветского периода, но так до сих пор и не был принят. Последний факт говорит о трудности достижения консенсуса для принятия политики и наличии серьезных противоречий, в том числе по поводу упомянутого выше выбора модели для политики различий.

В области ЯП развитие идет по похожему сценарию. Текущий процесс был также инициирован после некоторого перерыва. В 2013 году Совет по русскому языку был создан при Правительстве РФ, а в 2014 году при Президенте РФ. После его заседания в 2019 году, в 2020 году, помимо всего прочего, было дано поручение по разработке Концепции ГЯП РФ⁹. В том же году была создана Правительственная комиссия по русскому языку¹⁰. После этого периодически вносились поправки в законодательство, в том числе и недавние поправки к Федеральному закону «О государственном языке РФ»¹¹. Летом 2024 года Правительство РФ наконец утвердило Концепцию ГЯП РФ и начало разрабатывать план ее реализации. При этом пока не произошло выделения ЯП в отдельную отрасль управления, поскольку не определена структура в органах исполнительной власти, которая была бы ответственна за ее реализацию. Однако для координации такой деятельности был создан новый Совет ГПЯ РФ. По итогам первого его заседания 5 ноября 2024 года разработка Основ ГЯП РФ была поручена Президентом РФ Совету ГПЯ РФ совместно с Правительством РФ, а разработка и внесение в Госдуму нового Федерального закона «О языках народов РФ» (вместо одноименного действующего закона РФ 1991 г.) – Правительству РФ совместно с Администрацией Президента РФ, а значит, и с Советом ГПЯ РФ¹².

Такой набор акторов характеризует особенности формирования политики в российской политико-правовой системе. Несмотря на свой формально консультативный статус, советы при Президенте РФ, действующие при Администрации Президента РФ для содействия в осуществлении им своих полномочий, на деле стали в современной России одним из важных звеньев процесса принятия политических и управленческих решений. По аналогии с СССР, в котором органы государственной власти сосуществовали с идеологической властью КПСС, можно утверждать, что в сегодняшней России параллельно функционируют «институционально-нормативная» (политико-правовая) система и «идеологически-административная» система принятия политических решений в рамках суперпрезидентской формы правления (см. Замятин, 2023а).

При центральной роли государства в жизни общества и дуализме систем принятия решений возникает дефицит публичного пространства, вследствие чего становится труднее различать между политикой как построением официального нарратива и законодательным регулированием, а также их научным исследованием и экспертизой. Меньшая прозрачность государственной политики, по сравнению с публичной политикой, также является одним из следствий преобладания значения формирования политики над ее принятием. В таких условиях документы стратегического планирования приобретают ключевое значение, потому что призваны строить официальные дискурсы, чтобы сглаживать противоречия между идеологическими установками и правом, в том числе и в регулировании

⁹ Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета по русскому языку, состоявшегося 5 ноября 2019 г., от 1 марта 2020 г. Пр-355 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918/> (дата обращения: 12.12.2024).

¹⁰ О Правительственной комиссии по русскому языку [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 8 августа 2020 г. № 1197. URL: <https://base.garant.ru/74493933/> (дата обращения: 12.12.2024).

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке РФ» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 февраля 2023 № 52-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028/> (дата обращения: 12.12.2024). «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.06.2025 N 168-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508347/ (дата обращения: 20.07.2025).

¹² Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ Пр-2814 от 30 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/76077> (дата обращения: 2.01.2025). См. также текст Закона РФ «О языках народов РФ» 25 октября 1991 г. № 1807-1 (в последней редакции) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 02.01.2025).

сферы национально-языковых отношений. В свою очередь, законодательство закрепляет наиболее значимые дискурсы через установление государственных институтов как набора правил и формализованных практик. Таким образом, разработка документов происходит в рамках взаимодействия акторов разных систем принятия решений.

Дискурсивный сдвиг как проявление агентности

Изменение практики политики в сторону все большего упора на продвижение русского языка приводит не только к меньшему вниманию к сохранению других языков внутри страны, но и к увеличению значения внешнеполитического контекста, потому что идентифицированное ранее в качестве политической проблемы сокращение числа говорящих на русском языке происходит в основном именно за рубежом¹³. «Внешняя» ЯП не может являться частью НП, поскольку последняя по определению с советских времен является частью внутренней политики. А поскольку «продвижение и укрепление позиций русского языка в мире» фактически стало главным содержанием ЯП, логично ее выделение из НП.

Из-за ключевой роли языка для политики различий и его «сквозного» значения для политики в целом внешнеполитической повесткой в текущий период также во многом определяются внутриполитические задачи. Об этом говорит и общий круг новых стратегических документов, в которых затрагиваются вопросы языка: они упоминаются в Стратегии национальной безопасности РФ, Концепции внешней политики РФ, Концепции гуманитарной политики РФ за рубежом, а также Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Основах государственной политики РФ в области исторического просвещения, Основах государственной культурной политики РФ, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года и плане ее реализации и т.п.¹⁴ Также в 2022 году был принят Федеральный закон, который отнес к объектам нематериального этнокультурного достояния в том числе «устное творчество, устные традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов РФ»¹⁵. Более того, проект новой Стратегии ГНП РФ на период до 2036 года на уровне первых задач приоритетных направлений НП скрепляет русский язык и культуру, включение которых, на мой взгляд, говорит не о сохранении ЯП в орбите НП, а об использовании интертекстуальности стратегических документов как одного из способов формулирования официального нарратива. Подведомственность определяется не самим стратегическим документом, который часто является сводом мероприятий без прямого финансирования, а тем, через какое ведомство финансирование проводится.

Примечательным в этом списке является не только то, что языковая сфера затрагивается документами как внешней, так и внутренней политики, но и возросшее значение сферы культуры в регулировании языковых вопросов. Основы государственной культурной политики РФ включили в

¹³ Примечательно, что название стратегического документа «Основы ГЯП РФ» совпадает с названием Закона Украины: см. Закон Украины «Об Основах государственной языковой политики» от 3 июля 2012 г. № 5029-VI (утратил силу) [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy.com.ua/ka/ob_osnovah_gosudarstvennoj_yazykovoj_politiki.htm/ (дата обращения: 20.06.2024).

¹⁴ Стратегия национальной безопасности РФ [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.06.2024); Концепция внешней политики РФ [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 20.06.2024); Концепция гуманитарной политики РФ за рубежом [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280/> (дата обращения: 20.06.2024); Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502/> (дата обращения: 20.06.2024); Основы государственной политики РФ в области исторического просвещения [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/73989/> (дата обращения: 20.06.2024); Основы государственной культурной политики РФ [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 (ред. от 25 января 2023 г.). URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 20.06.2024); Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307324530/> (дата обращения: 20.06.2024); Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г. и план ее реализации [Электронный ресурс]: утв. Распоряжением Правительства РФ от 3 июня 2025 г. № 1431-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/xgZMRu5i3mkdBBadanzVdz1ApKNNAX0S.pdf/> (дата обращения: 17.06.2025).

¹⁵ О нематериальном этнокультурном наследии РФ [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/ (дата обращения: 12.12.2024).

2023 году новую задачу: «защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение нецензурной лексики) и противодействие излишнему использованию иностранной лексики», во исполнение которой был принят упомянутый выше Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ. Идеологическим содержанием этого дискурсивного сдвига является утверждение в качестве первичной коллокации концептов «язык» и «культура», которая предполагает иной – филолого-культурологический – жанр политической коммуникации за пределами политики различий. Концепт «культура» позволяет проецировать «язык» во внешней политике, чего не позволяет делать концепт «народы России». Возможность такого рефрейминга была заложена ранее в коллокации «этнокультурное и языковое разнообразие», сведение которого к «нематериальному культурному наследию» является эквивалентом фольклоризации национального по советскому образцу.

Смена жанра стала результатом сопутствующей смены сообщества практики, которая зафиксирована в смене персонального состава Совета ГПЯ РФ. Группа политических антрепренеров увидела свой интерес в том, чтобы изменить политическую повестку, и теперь утверждает свою монополию на этой политической площадке. В качестве примера персоналии бенефициара можно проследить параллель сдвига с траекторией карьеры возглавившей в 2024 году обновленный Совет ГПЯ РФ Е. Ямпольской, которая пришла из сферы культуры. С 2012 года она входила в президиум Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. В качестве депутата она была с 2016 года заместителем председателя комитета Госдумы по делам национальностей, а в 2018–2021 и 2021–2024 годах – председателем комитета Госдумы по культуре.

Динамика институционального взаимодействия и новые документы

В условиях комплексности процессов еще одна причина выделения ЯП лежит в динамике межведомственного взаимодействия. Подход бюрократической политики анализирует конфликты, переговоры и компромиссы внутри и между правительственными структурами, которые преследуют свой институциональный интерес не только на стадии реализации, но также и при формировании политики (Bach, 2021). Например, структурная причина законодательных инициатив часто заключается в том, что под разработку проекта федерального закона выделяются обычно значительные средства. Финансовая заинтересованность побуждает акторов выдвигать всевозможные, в том числе популистские, инициативы, в данном случае связанные с институционализацией нового направления политики, что ставит проблему принципал-агентских отношений и, помимо прочего, добавляет в соперничество ведомств научное измерение.

Министерство просвещения было заинтересовано сохранять свою роль ведущего ведомства не только в сфере ЯП в образовании, но и шире – во взаимодействии с ФАДН и Министерством иностранных дел. Динамика этого взаимодействия была запущена еще в связи с реализацией Федеральной целевой программы «Русский язык» в 1996–2020 годах¹⁶. В последние годы мероприятия по реализации ЯП были включены только в качестве подпрограммы в государственную программу РФ по реализации государственной национальной политики. При этом функции этих трех ведомств перекрещиваются, но не совпадают на практике. Поскольку продвижение русского языка за рубежом явно выходит за рамки НП и образовательной политики, МИД добился принятия соответствующих документов по продвижению русского языка за рубежом (см. подробнее: Замятин, 2023b). В свою очередь, Министерство просвещения добилось утверждения только распоряжением Правительства Концепции ГЯП РФ в качестве руководства ФОИВам. Вместе с тем плана ее реализации, который по итогам заседания Совета ГПЯ РФ было поручено разработать в течение шести месяцев, до сих не появилось.

Однако поверх межведомственного уровня Совет ГПЯ РФ разработал к лету проекты двух редакций Федерального закона «О языках народов РФ» и Основ ГЯП РФ. Лейтмотивом законопроектов Совета ГПЯ РФ стал принцип политики об «особой роли русского языка как родного языка всех граждан Российской Федерации и понимании Российской Федерации как ядра цивилизационного единства Русского мира» (см. подробнее: Замятин, 2025). В качестве реакции на критику этого и других положений первоначального законопроекта со стороны ФАДН, других ведомств, научных учре-

¹⁶ Государственным заказчиком – координатором последней такой программы 2016–2020 гг. – выступало до 2018 г. Министерство образования и науки РФ, а другими государственными заказчиками были Россотрудничество и Рособрандзор [Электронный ресурс]. URL: <https://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2016/451/> (дата обращения: 20.06.2024).

ждений и регионов, Совет ГПЯ РФ во второй редакции несколько смягчил формулировки. Стоит напомнить, что Совет, согласно его названию и функциям, создан для координации реализации ЯП, а не для ее формирования. Правительство внесло свой законопроект без соответствующих положений, что является еще одним свидетельством субъектности акторов в рамках разных систем принятия решений. Вместе с тем, текущий вариант законопроекта на момент публикации статьи называется «О языках Российской Федерации», что выражает отмеченное выше стремление развести концепты «язык» и «народ»¹⁷.

В проекте Основ ГЯП РФ одной из целей ЯП была заявлена защита и поддержка русского языка не только как «языка государствообразующего народа», государственного языка РФ, но и как «родного языка (одним из родных языков) для каждого гражданина РФ»¹⁸, чем фактически воспроизводится советская идеология «второго родного языка». Утвержденный текст Основ ГЯП РФ также, хотя и более казуистично, объявил русский язык родным для всех граждан (п. 9). Помимо сохранения и развития русского языка в разных статусах, сохранения и развития государственных языков республик и других языков народов РФ, знаково выделение продвижения и укрепления позиций русского языка в мире в качестве третьего направления ЯП (п. 20–25).

Такое сочетание статусов русского как языка государства и языка, отсылающего к цивилизационному единству, является преломлением в ЯП модели «государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» (п. 4 Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 года). При этом концепт «государства», образованного русским народом, привязывается к идеологии «цивилизация», которая призвана «объединять народы», так как «единство народов России» официально провозглашено одной из традиционных ценностей (п. 5 Основ от 9 ноября 2022 года). Тем самым идеология «государство-цивилизация» призвана выполнять функцию наднационального единства, в чем она схожа с идеологией «советский народ». Убедительной формулы пока найти не удалось, и в ходу разные вариации («Русский мир», «российская» или «русская цивилизация», «русский язык и культура» или «российская культура и русский язык»), потому что коллокация «русского» и «российского», как «народа» и «нации», то есть этнической и гражданской категорий, препятствует эффективности такого построения. «Наднациональность» русского языка выступала условием для его успешного распространения и функционирования в роли государственного языка РФ и «языка межнационального общения», а также в роли языка лингва франка в «ближнем и дальнем зарубежье». Атрибутирование русского языка «государствообразующему народу» ослабляет его интегративную функцию для проекта «гражданской нации» и становится «значимым дезинтегрирующим фактором» (Арутюнова, 2021). Русский язык остается языком межнационального общения, однако его усиленное продвижение за счет объявления родным для всех граждан РФ может провоцировать аккумуляцию межнациональной напряженности и конфликты.

В этой динамике также видна работа двух систем принятия решений. В то время как бюрократия в правительстве, основываясь на рационально-правовой легитимации России как обычной страны, изначально продвигала модель государства-нации с соответствующей программой культурной гомогенизации на институциональном уровне, прежде всего в образовании, идеологическая власть обосновывает особый путь России в идеологии «государство-цивилизация». Этот контраст подходов делает значимым вопрос, кому поручается подготовка новых документов по ЯП. Правительство передало поручение по работе над проектом Федерального закона в качестве главного исполнителя Министерству высшего образования и науки, которое, в свою очередь, намеревалось дать государственное задание своим подведомственным Институту лингвистических исследований РАН или Институту языкознания РАН. Однако в конечном итоге это задание, вероятно, получит новый «межведомственный научно-методический центр по продвижению русского языка в мире», который будет создан «на базе одного из вузов» (вероятно, Российского государственного гуманитарного университета), по поручению президента после последнего заседания Совета ГПЯ РФ 5 июня 2025 года¹⁹.

¹⁷ Проект Федерального закона, подготовленный Минобрнауки, был разослан письмом от 25 августа 2025 г. № МН-20/571-АБ Заместителя Министра науки и высшего образования РФ. Не публиковался.

¹⁸ Проект Основ ГЯП РФ был разослан письмом; документ зарегистрирован в Министерстве науки и высшего образования РФ № 47714-вх-пр 2 апреля 2025 г. Не публиковался.

¹⁹ См. транскрипт и видео заседания Совета 5 июня 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/1042/77104/> (дата обращения: 12.06.2025). Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Совета от 10 июля 2025 Пр-1583 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/77432/> (дата обращения: 20.06.2025).

Заключение

Если до сих пор языковые проблемы рассматривались в рамках проблем в сфере межнациональных отношений, то выделение ЯП в программных документах и сопутствующая смена сообщества практики свидетельствуют не только об изменении НП, но и о формировании новой – ЯП, что стало результатом комплексных процессов под воздействием ряда структурных факторов. Заимствование самого концепта ЯП из мировой научной повестки наложилось на изменения в НП. Изменения происходят прежде всего на уровне символической политики, которая, в частности, на основе символов, транслирующих ценности и смыслы, формирует идентичности. В 2012 году строительство нации было определено официальной целью НП, однако ее модель не была определена. Эрозия модели гражданской и/или политической нации и этнификация проекта в последнее десятилетие через включение культурных маркеров идентичности привели к выходу на первый план языка как наиболее инклюзивного маркера для разных проектов. При этом как Стратегии ГНП РФ 2012 года, так и проект Стратегии ГНП РФ 2025 года фиксируют предыдущие тенденции, но не успевают в полной мере отражать новые процессы.

В оставшейся с советских времен коллокации концептов «язык» и «народ» язык оказывается не просто еще одним культурным маркером, но в силу полисемичности и универсальности для разных проектов сам определяет содержание политики различий. Эта коллокация до сих пор держала языки в орбите НП и препятствовала выделению ЯП в отдельное направление. Заинтересованные в отделении ЯП от НП политические антрепренеры не стремятся разделить эти концепты, поскольку для них эта оптика распространяется и на русский язык, который они видят прежде всего как язык русского народа. Для уменьшения значимости других языков в качестве маркера этно/национальных идентичностей и в продвижении повестки языковой и культурной гомогенизации населения они предпочли как альтернативу выдвинуть концепт «русский как родной язык (один из родных языков) каждого гражданина РФ», который программирует языковую ассимиляцию как билет в «русский мир». Эта идеология проблематична, в частности, тем, что умаляет право людей самим определять свой «родной язык», в том числе по «языковой идентичности» (см. Замятин, 2025). Среди целей ЯП, задача очищения русского языка от иностранных заимствований коренится в гипотезе лингвистической относительности, согласно которой язык определяет сознание и, таким образом, раскрывает его утверждаемую связь с мировоззрением (*Weltanschauung*). Соответственно, для инициаторов язык олицетворяет русскую цивилизацию, а его чистота рассматривается как условие национальной безопасности, что приводит к развитию новояза для выражения особых духовно-нравственных ценностей.

Опираясь на возросшее значение языка как культурного маркера и на коллокацию концептов «язык» и «культура», политическим антрепренерам удалось привязать языковую проблематику к общему курсу идеологического строительства в ключе духовно-нравственных ценностей. Структурные и идеологические причины создали «окно возможностей», в рамках которого принимающие решение акторы признали эту тематику в качестве политической проблемы в связи с потенциалом ее использования как во внешнеполитическом аспекте в части «защиты и поддержки прав и интересов соотечественников за рубежом», так и в контексте внутривнутриполитических изменений, где определение взаимосвязи законодательства о языках народов РФ и законодательства о государственном языке РФ обретает смысл в стремлении по-новому расставить акценты в соотношении целей ЯП.

Последствием становится отказ от балансирования дуализма целей ЯП в рамках НП в пользу фокуса на продвижение русского языка в культурной политике в рамках внутренней политики. Во внешнеполитическом контексте концепты «язык нации» и «государственный язык» не операционализируемы, а поэтому их предлагается дополнить новой идеологемой, например, «язык цивилизации». Если в предыдущее десятилетие приоритет продвижения русского языка обосновывался повесткой по нациестроительству, то в последние пару лет в существующей траектории развития политической ситуации обоснование сместилось в сторону продвижения «российской культуры и русского языка» как части цивилизационного проекта, который операционализирует в качестве сферы влияния территорию бывшего СССР и даже Российской империи. Новая языковая картина ставит концепты «язык» и «культура» в один ряд с концептами «история», «цивилизация», «Русский мир», а также требует переинтерпретации коллокации «российский» и «русский». Однако при концептуализации новой роли языка пока приходится учитывать институциональные ограничения, закрепленные в законодательстве (Замятин, 2025).

На мой взгляд, при всей значимости намеченного дискурсивного сдвига степень изменения ЯП пока не позволяет говорить о реформе, поскольку таковой можно считать только такое изменение политики, которое разработано целенаправленно и принимает форму намеренного усилия по измене-

нию в каком-то отношении политического процесса и/или социальных реалий. Текущие изменения стали скорее отраслевым преломлением общих усилий по идеологическому строительству. В текущем процессе не просматриваются четкие этапы, а изменения зависят от персоналий, подвижных не только идеологическими, но и прагматическими мотивами. В результате формирование политики происходит не потому, что новая форма более приспособлена для изменения содержания политики, а во многом вследствие структурных причин, когда акторы основываются в первую очередь на интересах, прилагая усилия по продвижению своих идей в заданном институциональном поле с его параллельными системами принятия решений и бюрократической политикой, выражающейся среди прочего в преследовании ведомствами институциональных интересов.

В России пришедшее на смену высоким ожиданиям после распада СССР разочарование общества в результатах политико-экономических реформ 1990-х годов, проявившихся в снижении уровня жизни и росте экономического неравенства, привело к дискредитации либерально-демократического дискурса среди населения (Малахов, 2023). Несмотря на экономический рост в XXI веке и вопреки теории модернизации, согласно которой за таким ростом должна последовать демократизация, в обществе распространились консервативные ценности. Консервативный поворот ознаменовался отказом от либеральных ценностей, но не изменил приоритета политики по распространению русского языка как внутри страны, так и за рубежом, которое в настоящее время осуществляется не просто исходя из его статуса государственного языка, соответствовавшего бы модели государства-нации, но вследствие предписываемой ему роли, наряду с русской культурой, «объединять народы России» в рамках русской цивилизации.

Российские власти заявляют о приверженности российского общества традиционным российским духовно-нравственным ценностям, сочетая консерватизм с официальным национализмом и перерабатывая пригодные для использования ценности из прошлого, которые включают государство (в качестве значимого локуса идентичности), коллективизм и государственный патернализм. Находясь в сложном поиске когерентного набора нормативных обоснований государственной ЯП и идеологической формулы, которая была бы совместимой с этим сочетанием различных идеологических дискурсов, власти решили заложить русский язык и культуру в основу государства-цивилизации.

Список литературы / References

- Арутюнова, Е. М. (2021) 'Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст', *Социологическая наука и социальная практика*, 9 (1), сс. 111–123. [Arutyunova, E. M. (2021) 'The Russian language in Russian identity: theoretical approaches and current context' [Russkiy yazyk v rossiyskoy identichnosti: teoreticheskie podkhody i aktual'nyy kontekst], *Sociological science and social practice*, 9(1), pp. 111–123. (In Russ.)]. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876. EDN: YZKGMB.
- Замятин, К. Ю. (2023a) 'Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке', *Социоллингвистика*, 3(15), сс. 29–52. [Zamyatin, K. Yu. (2023a) 'Research on Language Policy as Public Policy in Russian and World Science' [Issledovaniya yazykovoy politiki v rossiyskoy i mirovoy nauke], *Sociolinguistics*, 3(15), pp. 29–52. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023b) 'Разработка Концепции государственной языковой политики: проблемы согласования бюрократического и академического подходов', *Социоллингвистика*, 4(16), сс. 119–143. [Zamyatin, K. Yu. (2023b) 'Development of the Concept of State Language Policy: The Problem of Adjusting the Bureaucratic and Academic Approaches' [Razrabotka Kontseptsii gosudarstvennoy yazykovoy politiki: Problemy soglasovaniya byurokraticheskogo i akademicheskogo podkhodov], *Sociolinguistics*, 4(16), pp. 119–143. (In Russ.)]. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-119-143. EDN: NMDHCU.
- Замятин, К. Ю. (2025) 'Формирование государственной языковой политики после принятия поправок к Конституции: конституционные основы и ограничения', *Северо-Восточный гуманитарный вестник*, 1(50), сс. 187–198. [Zamyatin, K. Yu. (2025) 'Formation of state language policy after the adoption of amendments to the Constitution: constitutional foundations and limitations' [Formirovaniye gosudarstvennoy yazykovoy politiki posle prinyatiya popravok 2020 g. k Konstitutsii: konstitutsionnye osnovy i ogranicheniya], *North-Eastern Journal of Humanities*, 1(50), pp. 187–198. (In Russ.)].

- Малахов, В. П. (2023) *Политика различий: культурный плюрализм и идентичность*. Москва: Новое литературное обозрение. [Malakhov, V. P. (2023) *Politics of differences: cultural pluralism and identity* [Politika razlichiy: kul'turnyi pluralizm i identichnost']. Moscow: New literary review. (In Russ.)].
- Наумкин, В. В. (2020) 'Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация?', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 78–93. [Naumkin, V. V. (2020) 'Non-West Model: Does the Civilization-State Exist?' [Model ne-Zapada: sushchestvuet li gosudarstvo-tsivilizatsiya?], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 78–93. (In Russ.)]. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06. EDN: TPQYUS.
- Соколовский, С. В. (2016) 'Языковая политика как фактор национальной безопасности', *Этнографическое обозрение*, 3, сс. 46–56. [Sokolovskiy, S. V. (2016) 'Language policy as a factor of national security' [Yazykovaya politika kak faktor natsional'noy bezopasnosti]. *Ethnographic Review*, 3, pp. 46–56. (In Russ.)].
- Anderson, J. E., Moyer, J., Chichirau, G. (2023) *Public Policymaking: An Introduction*. Ninth Edition. Boston: Cengage. 384 p.
- Bach, T. (2022) 'Bureaucratic Politics' in: J. Tosun and P. Graziano (eds). *Elgar Encyclopedia of European Union Public Policy*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, pp. 10–20.
- Cairney, P. (2019) *Understanding Public Policy: Theories and Issues*. Second Edition. London: Palgrave Macmillan. 296 p.
- Kingdon, J. W. (1984) *Agendas, Alternatives and Public Policies*. Boston: Longman. 240 p.
- Zamyatin, K. (2018) 'A Russian-Speaking Nation? The Promotion of the Russian Language and Its Significance for Ongoing Efforts at the Russian Nation-Building' in: F. Grin, P. A. Kraus (eds). *The Politics of Multilingualism: Linguistic Governance, Globalisation and Europeanisation*. Amsterdam: John Benjamins, pp. 39–64.

Статья поступила в редакцию: 27.04.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

FROM THE LANGUAGE OF A NATION TO THE LANGUAGE OF A CIVILIZATION: THE FORMATION OF RUSSIA'S STATE LANGUAGE POLICY

K. Zamyatin

Zamyatin Konstantin, PhD, Associate Professor, Leading Research Fellow at the Center for Sociocultural and Ethnolinguistic Studies of the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow, Russia, Senior Research Fellow at the Scientific Research Center on National-Language Relations of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Abstract

Recently, it has become possible to observe the development of new official documents not only on nationalities policy, but also on language policy. This process witnesses that language policy is being formed as an independent direction of state policy. What are the reasons and possible consequences of this process? This article analyzes the official discourse on language policy issues presented in strategic documents and legislative acts adopted and developed in recent years, as well as the institutional context. The aim is to understand the role of ideas and the limitations imposed by structural factors on the formation of language policy within the neoinstitutionalist approach. The results of the study show that the ideological desire to change the content of language policy is associated with the processes of nation-building and a broader search for civilizational identity, in which, primarily due to the foreign policy agenda, language has acquired the role of a key marker. However, an attempt to change the form of language policy encounters significant structural limitations and may lead to unexpected outcomes for domestic policy. In particular, as a result of replacing the collocation of the concepts "language" and "people" with the collocation of "language" and "culture".

Keywords: language policy; nationalities policy; cultural policy; policy formation; state-nation; state-civilization.

УДК- 323.1

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-3-133-139

СИНТЕЗ ГРАЖДАНСКОГО И КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КОНЦЕПЦИИ ШВЕЙЦАРСКОЙ НАЦИИ

Я. П. Кузнецов

Кузнецов Ярослав Петрович, аспирант кафедры политологии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия.
E-mail: YaPKuznetsov@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-2407-0655).

Аннотация

Рассматривается процесс эволюции концепции швейцарской нации через анализ швейцарской политики нациестроительства. В рамках этносимволистского подхода автор исследует ценностные и символические ресурсы, использованные для конструирования швейцарской национальной идентичности. Особенности политического устройства Швейцарии и разделение общества по религиозному и языковому признаку привели к формированию «добровольной нации» (Willensnation), объединенной общностью политических ценностей и институтов. Но в 1930-е годы произошла трансформация швейцарского национального дискурса, вызванная угрозой со стороны националистической политики Германии и Италии. Швейцарская политика нациестроительства была переориентирована с гражданского национализма на национализм культурный с целью выявления действительных характеристик, демонстрирующих самобытность и единство национального сообщества. Для достижения этой цели политическая и интеллектуальная элита Швейцарии стала активно продвигать среди населения национальную историю, культуру и географию. В результате исследования были выявлены основные элементы швейцарского культурного национализма – альпийский детерминизм и культурное многообразие. Автор приходит к выводу о том, что культурный национализм дополняет концепцию «добровольной нации» и обосновывает национальное единство швейцарского общества, несмотря на его религиозную и языковую гетерогенность.

Ключевые слова: Швейцария; гражданская нация; культурный национализм; нациестроительство; национальная идентичность; политические ценности; языковой плюрализм.

Введение

С точки зрения нациестроительства кейс Швейцарии является исключением из правил, поскольку его нельзя в полной мере объяснить с позиций того или иного подхода к определению наций. Швейцарская нация не укладывается в концепцию примордиализма, поскольку изначально формировалась из нескольких культурно-языковых групп (германоязычной, франкоязычной, италияязычной, ретороманской). По этой причине швейцарский кейс не соответствует и конструктивистской парадигме, согласно которой условием возникновения нации является относительная гомогенность общества в плане языка и культура, необходимая для выстраивания национальных институтов.

Тем не менее Швейцария рассматривается как образцовый пример гражданской нации, объединенной вокруг политических институтов и ценностей, разделяемых всеми гражданами, а не общности культуры или происхождения. Однако в таком случае опускается роль культурных особенностей в построении швейцарской нации, благодаря которым последняя воспринимается как действительно существующая общность, а не просто «воображаемое сообщество». В связи с этим цель исследования заключается в выявлении роли культурного национализма в трансформации швейцарской национальной идеи в условиях многосоставного общества.

Предпосылки создания швейцарской нации

Построение швейцарской нации связано с патриотическими движениями на территории Старой Конфедерации, зародившимися во второй половине XVIII века. Следует выделить несколько условий, которые актуализировали дискурс формирования нации в Швейцарии в этот период. Именно наложение нескольких факторов сделало возможным появление швейцарского патриотизма.

Во-первых, свою роль сыграли внутренние противоречия Швейцарской конфедерации на протяжении XVIII века, которые носили преимущественно социально-политический характер (Peuger, 1978: 136). Речь идет о концентрации власти в руках нескольких семей и групп в крупных швейцарских городах (Берне, Цюрихе, Фрибуре, Люцерне), что стало главной причиной недовольства населения Конфедерации. Закрытость швейцарской политической элиты привела к тому, что основу патриотических движений стали составлять молодые образованные выходцы из буржуазии, недовольные устоявшимися конфедеративными институтами.

Во-вторых, на формирование национального дискурса в Швейцарии повлияли когнитивные модели эпохи Просвещения, основанные на рациональности и универсализме. В Швейцарии было достаточно крупных городов, таких как Цюрих, Базель и Женева, что стали центрами распространения идей Просвещения. Ученые, философы и писатели, которые стояли в авангарде швейцарского Просвещения, оказали значительное влияние на образованные круги Конфедерации (Im Hof, 1986: 494).

В-третьих, сформировавшаяся в предыдущие столетия этносимволистская память была повсеместно распространена в швейцарском обществе. В ее основу легли два национальных мифа Швейцарии: Миф об основании Швейцарского союза в 1291 году (дата рождения нации) и Легенда о Вильгельме Телле (национальном герое-освободителе). Распространение среди населения этих мифов, записанных в литературных произведениях и исторических хрониках, стало возможным ввиду высокого уровня грамотности швейцарцев: еще с начала XVIII века большинство жителей Конфедерации имели доступ к многочисленным газетным изданиям, философской и научной литературе. Во многих регионах Конфедерации сформировались литературные общества и книжные клубы, которые носили внесловесный характер (Wimmer, 2011: 725). В итоге эти мифы стали частью мировоззрения образованных швейцарцев, а также обладали значительной степенью народного резонанса. Вкупе с универсализмом Просвещения этносимволистская память обусловила стремление к гражданской реформе с целью построения национального сообщества.

Умеренные швейцарские патриоты учредили в 1762 году Гельветическое общество, которое просуществовало до учреждения Гельветической республики в 1798 году. Концепция швейцарской нации реформаторов основывалась на нескольких ключевых положениях:

- нация как сбалансированный синтез культурно-исторических и гражданских элементов;
- формирование нации как попытка одновременно заменить и гарантировать лояльность и привязанность на субнациональном уровне (региональном / кантональном);
- формирование нации – это постепенный процесс, а не радикальный или революционный акт.

Однако швейцарское патриотическое движение оказалось не в состоянии повлиять на изменение институтов Конфедерации, что было сделано только в результате Гельветической революции 1798 года. Тем не менее национальный проект Гельветического общества задал необходимые рамки для последующего конструирования швейцарской национальной идентичности и создания национального государства.

Швейцария как гражданская нация

В сентябре 1848 года после непродолжительной гражданской войны между сторонниками и противниками преобразования Швейцарии в единое государство по результатам референдума была принята новая конституция. Согласно конституционному проекту, страна провозглашалась федерацией из 25 кантонов с общенациональным правительством, которому передавали часть своего суверенитета субъекты федерации. Учреждался двухпалатный парламент (Федеральное собрание) по американскому образцу, выполняющий функции представительства как всего швейцарского народа, так и всех кантонов. Последние наделялись равными правами вне зависимости от религиозных и лингвистических границ. Помимо новой системы политического представительства, основные нововведения касались введения гражданских и экономических прав для всех швейцарцев: вводилось единое гражданство, гарантировались политическая свобода и равенство швейцарцев перед законом¹. Положения Конституции фактически отражали преобладающее в швейцарском обществе гражданское понимание нации, поскольку национальность фактически приравнивалась к гражданству.

¹ Federal Swiss Constitution of 1848 [online], *The Federal Assembly – The Swiss Parliament*. Available at: <https://www.parlament.ch/en/über-das-parlament/how-does-the-swiss-parliament-work/Rules-governing-parliamentary-procedures/federal-constitution/federal-constitution-1848> (accessed at: 10.04.2025).

Со вступлением в силу Конституции 1848 года мы можем говорить о становлении швейцарского национального государства. Именно благодаря появлению институциональной системы, включающей в себя единое политическое, экономическое и правовое пространство, стало возможным распространение концепции швейцарской нации, изначально зародившейся в узком кругу интеллектуальной элиты, на все население федерации. «Национализация» повестки национальной идентичности стала возможной в рамках дальнейшей эволюции институциональной системы Швейцарии. В результате пересмотра Конституции 1874 года расширились полномочия федеральных властей, которые отныне могли оказывать влияние на курс социальной и промышленной политики, стандартизировать гражданское право в кантонах и влиять на систему государственного образования, которое стало обязательным, бесплатным и светским (Riklin, 1983: 140–141). Иными словами, у государства появились инструменты укрепления и популяризации национальной идентичности.

Однако, несмотря на расширение полномочий, федеральные власти при осуществлении политики идентичности не могли не учитывать интересы кантонов, обладающих широкими полномочиями. В этих условиях для установления диалога между центральными и кантональными властями, а также гражданским обществом стал применяться принцип консенсуса с целью разрешения противоречий по вопросу в сфере национальной идентичности. Наглядным примером служит предыстория Национального фестиваля 1891 года, организованного в честь 600-летия основания Швейцарской Конфедерации. Целями учреждения Национального фестиваля являлись повышение привлекательности национальной идеи как таковой и создание когнитивных рамок, задающих основные категории швейцарской национальной идентичности в массовом сознании. Кроме того, праздник федерального масштаба должен был способствовать «размыванию» религиозных и кантональных границ между швейцарцами через культивирование символов и ценностей, разделяемых всеми гражданами.

Предварительное решение провести празднование основания Швейцарской Конфедерации в фактической столице Берне было раскритиковано в швейцарских газетах, поскольку город не имел отношения к Соглашению 1291 года между тремя «изначальными» кантонами (Швиц, Ури, Унтервальден). За этим последовало обращение властей кантона Швиц в Федеральный совет, которые запросили его разрешения по поводу возможности проведения запланированного фестиваля в городе Швиц. Основным аргументом было то, что именно Швиц является местом, «где Конфедерация была завоевана, согласована и впоследствии закреплена» (Kreis, 1991: 52). В итоге комиссия, состоящая из представителей Швица, Ури, Унтервальдена и Федерального совета, вынесла решение о том, что Швиц станет местом проведения фестиваля. Учреждение в 1891 году Национального фестиваля в качестве ежегодного национального мероприятия придало швейцарской идентичности массовый и инклюзивный характер. С этого момента Швейцария стала «массовой нацией», которая, согласно Э. Смитю, объединяет все слои населения в суверенную общность (Smith, 1995: 54).

В результате создания единого государства и распространения национальной идентичности на все население можно говорить о становлении швейцарской нации. Ввиду культурного многообразия и особенностей политического развития Швейцария оформилась как политическая нация или «нация граждан» (Staatsbürgernation), нежели как этническая нация (Volksnation) (Lepsius, 1990: 232). Относительно именно швейцарской нации стал использоваться термин «добровольная нация» (Willensnation), характеризующий ее как результат коллективной воли к формированию национального сообщества.

Одним из основных идеологов гражданской концепции был швейцарский профессор права и юрист из Бемеза К. Хилти. Еще в 1875 году он обозначил Швейцарию как идеальную гражданскую нацию: «Не раса или этническая общность, не общий язык и обычаи, не природа и история основали Швейцарскую Конфедерацию... То, что отличает Швейцарию от ее соседей, – это идеал, приверженность к государству, которое во многих отношениях представляет собой более цивилизованное общество; чья национальная идентичность гораздо выше простой общности крови и языка» (Hilty, 1875: 29).

При этом важно отметить, что гражданская трактовка швейцарской нации не ограничивалась только политическими ценностями. Значимые исторические события, такие как Клятва 1291 года, Революция 1798 года и принятие Конституции 1848 года стали основными источниками тех политических ценностей и институтов, к которым в той или иной мере причастны все граждане Швейцарии. История в данном ключе служит не доказательством «древности» нации, а преподносит конкретные исторические события и личностей как образцы для подражания. Таким образом, к концу XIX века швейцарская нация оформилась как нация гражданская, объединенная политическими ценностями и институтами, нежели происхождением и культурой.

Влияние культурного национализма на концепцию швейцарской нации

Однако в первой половине XX века концепция швейцарской нации претерпела трансформацию под воздействием внешних факторов. Речь идет о распространении этнического национализма в соседних Германии и Италии в 1930-е годы. В частности, немецкий «национализм родины» строился вокруг стремления отстаивать интересы «родственников по нации» в других государствах (Brubaker, 1996: 5). Таким образом, нацистская Германия стала претендовать на статус Отечества в том числе и для немецкоязычных швейцарцев, что несло прямую угрозу гражданской концепции швейцарской нации.

Проблема заключалась в том, что политические ценности и институты, а также ссылки на мифическое прошлое и исторические события не давали представления о швейцарской нации как о действительно существующем сообществе. В частности, для жителей франкоязычной Швейцарии первой половины XX века проблема национальности представляла собой «вопрос ума и воли, чем материальную реальность» (Amstutz, 1996: 1). В связи с этим в Швейцарии стала набирать популярность «органическая» трактовка нации как социального целого, развивающегося в соответствии с законами естественного роста как «сообщество существ» (*Wesensgemeinschaft*) (Schaff, 1882: 483). Данная концепция восходила к христианскому пониманию человеческого сообщества и потому была распространена среди швейцарских католиков-консерваторов. Для этой трактовки основными ресурсами нациестроительства являются не политические институты и ценности Швейцарии, а ее история, культура и география. Именно особенности ландшафта могли быть использованы для «натурализации» нации, и в случае Швейцарии такой отличительной местностью закономерно стали Альпийские горы.

Если изначально идея об Альпах как об источнике швейцарской самобытности была предметом дискурса узкого круга интеллектуалов, то с последней четверти XIX века она распространилась на широкие слои населения и стала частью швейцарского мифосимволического комплекса. Постепенной популяризации альпийского мифа способствовали в первую очередь СМИ, а именно газетные издания. С начала XX века альпийский миф стал одной из главных тем либеральных и консервативных газет по всей стране (Merki, 1995: 67). В публикуемых памфлетах Альпы фигурировали как один из наиболее часто упоминаемых символов национальной идентичности и единства. В качестве примера можно привести номер газетного издания из Цюриха за октябрь 1935 года: «Под швейцарской стостью мы понимаем определенное наследие духовных и физических черт, которые мы находим у людей в целом между Альпами и Юрой на протяжении столетий нашей истории. <...> Мы являемся единственным типично альпийским государством в Европе. <...> Альпы – наша настоящая сила, поскольку именно в альпийском человеке мы находим нашу общую почву» (Imhof, Kleger, Romano, 1996: 100).

Кроме того, альпийский миф постепенно был имплементирован в систему образования путем включения в учебники по истории для среднего образования по всей стране (Im Hof, 1991: 158–159). Педагогическое сообщество активно способствовало распространению образа Альп в качестве национального символа ввиду патриотических настроений среди интеллигенции. Так, еще в 1884 году педагог Я. Кристингер в своей заключительной речи на Национальной конференции учителей в Базеле обозначил основные черты швейцарской нации: «Мы все смотрим на одни горы, оглядываемся на одних героических личностей в нашей истории, наслаждаемся одними народными песнями и гордимся одними правами и свободами» (Helbling, 1994: 160).

Альпийский миф стал частью не гражданского, но культурного понимания швейцарской нации. Именно произведения швейцарской литературы, живописи, драматургии стали действительными выражениями национальной идеи. Реакцией на немецкий этнический национализм стал культурный национализм швейцарцев. При этом важно отметить, что распространение культурного национализма не привело к замене гражданской трактовки швейцарской нации на трактовку органическую. Вместо этого произошло слияние нарративов *Willensnation* и *Wesensgemeinschaft*. Примечательно, что продвижением культурного единства Швейцарии стали заниматься организации и социальные группы, ранее тяготевшие к гражданской концепции нации. Такие исследователи, как А. Маттиоли, приводят в качестве внутреннего фактора роста швейцарских патриотических настроений в 1930-е годы рост политического влияния христианских консерваторов (Mattioli, 1995: 18). Однако национальный дискурс был во-многом популяризован именно сторонниками гражданской концепции

нации из числа умеренных либералов и левых. Так, либеральная организация «Новое Гельветическое сообщество» вместе с Ассоциацией швейцарских учителей, Ассоциацией швейцарских писателей и несколькими либеральными и леволиберальными изданиями (*Neue Zürcher Zeitung*, *Die Nation*) с 1935 по 1937 год отправляли несколько народных инициатив в парламент в поддержку введения общей культурной политики.

В контексте культурного национализма языковое многообразие Швейцарии стало позиционироваться не как фактор разобщенности общества, а как национальная особенность. В то время как немецкий, французский и итальянский языки имели статус национальных, язык романшей (четвертой языковой группы Швейцарии примерно в 20 тыс. человек) официально не упоминался в Конституции. Вопрос о статусе ретороманского языка стал актуальным в связи с ирредентистскими заявлениями со стороны фашистского режима Муссолини об объединении всех романских народов (к которым относятся и франко-, и италошвейцарцы, а также ретороманцы) в рамках итальянского государства (Valär, 2013: 265). На этом фоне правительство Граубюндена, единственного кантона, в котором был распространен ретороманский язык, в 1937 году подало заявление в Федеральный совет о признании ретороманского языка четвертым национальным языком Швейцарии. Законопроект был одобрен парламентом единогласно и вынесен на референдум в 1938 году. Подготовка к голосованию проходила под лозунгом интеллектуальной защиты Швейцарии от этнического национализма соседних стран (Schoch, 2000: 4). Конституционная поправка была принята подавляющим большинством голосов, и ретороманский получил статус национального языка.

Помимо закрепления многоязычия, выражением культурного национализма в Швейцарии стала Национальная выставка в Цюрихе в 1939 году, организованная при финансовой поддержке Федерального совета (Linsmayer, 1990: 455–456). В отличие от предыдущих подобных мероприятий, она имела ярко выраженную патриотическую тематику. Экспонаты представляли собой достижения науки и искусства, привезенные со всей страны, со всех кантонов. Иными словами, значение выставки заключалась в ее «символической плотности», т.е. в способности наглядно продемонстрировать швейцарскую нацию в политическом, культурном, историческом и географическом измерениях. В качестве массового ритуала для нации выставка способствовала трансформации швейцарского патриотизма из абстрактного понятия в инклюзивную социальную практику, демонстрирующую национальное единство многосоставного общества.

Заключение

В условиях разделения швейцарцев по признаку языка и религии гражданский подход к построению нации казался наиболее очевидным вариантом для акторов нациестроительства, что вылилось в концепцию «добровольной нации», объединенной общностью политических ценностей, разделяемых всеми гражданами. Однако влияние этнического национализма, ставшего угрозой национальному единству швейцарцев в 1930-е годы, обусловило необходимость более веских причин существования швейцарской нации, нежели наличие государства и общих ценностей. В условиях угрозы со стороны немецкого «национализма родины» и этнолингвистического итальянского национализма определение Швейцарии как «добровольной нации» было недостаточным для отстаивания своей национальной идентичности. Иными словами, швейцарцам требовалось доказать, что их нация – это не просто социальный конструкт, но естественное сообщество, определяемое историей, культурой и географией.

Решением стал не этнический, но культурный национализм, не противоречащий национализму гражданскому. К концепции «добровольной нации» были добавлены «органические» компоненты национализма, завязанные на общности культуры и географии всех жителей Швейцарии. К абстрактным элементам швейцарской нации (политическим мифам и ценностям) добавились конкретные произведения швейцарской культуры, а также альпийский детерминизм, выражающие уникальный национальный характер швейцарцев. Таким образом, Швейцария не является примером чисто гражданской нации и носит в себе органические элементы в виде общности культуры и географии, необходимые для натурализации национальной идеи.

Сочетание в концепции швейцарской нации культурного национализма и культурного многообразия, на первый взгляд, кажется парадоксальным. Однако именно синтез этих двух позиций помог обосновать ее реальную, а не воображаемую природу. Культурное многообразие швейцарского об-

щества стало интерпретироваться как отличительная черта национального сообщества. Швейцарский культурный национализм декларирует, что страна состоит из множества самобытных культур (германоязычной, франкоязычной, италияязычной и ретороманской), потому и национальная культура в целом самобытна, уникальна и действительна. Культурное разнообразие стало тем самым идентификатором, с помощью которого швейцарцы стали осознавать, кто есть «мы» и чем мы отличаемся от «них». А ввиду того, что эта особенность, выраженная в первую очередь в языковом многообразии, наблюдается на регулярной основе, не возникает сомнений в реальности швейцарской самобытности и швейцарской нации, что ее воплощает. В итоге именно культурное многообразие швейцарского общества исключает сугубо гражданский характер нации, поскольку предполагает не только приверженность политическим ценностям, но и принадлежность к особой культуре этого альпийского государства.

Список литературы / References

- Amstutz, H. (1996) *Das Verhältnis zwischen deutscher undfranzösischer Schweiz in den Jahren 1930–1945*. Aarau: Verlag Sauerländer.
- Brubaker, R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
DOI: 10.1017/CBO9780511558764.
- Helbling, B. (1994) *Eine Schweiz für die Schule. Nationale Identität und kulturelle Vielfalt in den Schweizer Lesebüchern seit 1900*. Zurich: Chronos.
- Hilty, C. (1875) *Vorlesungen über die Politik der Eidgenossenschaft*. Bern: Max Fiala's Buch- und Kunsthändler.
- Im Hof, U. (1986) *Geschichte der Schweiz und der Schweizer*. Helbing & Lichtenhahn.
- Im Hof, U. (1991) *Mythos Schweiz*. Zurich: Verlag Neue Zürcher Zeitung.
- Imhof, K., Kleger, H., Romano, G. (1996) *Konkordanz und Kalter Krieg. Analyse von Medienereignissen in der Schweiz der Zwischen- und Nachkriegszeit*. Zurich: Seismo.
- Kreis, G. (1991) *Der Mythos von 1291. Zur Entstehung des schweizerischen Nationalfeiertages*. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag.
- Lepsius, R. M. (1990) *Interessen, Ideen und Institutionen*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
DOI: 10.1007/978-3-322-94352-1.
- Linsmayer C. (1990) *Frühling in der Gegenwart. Der Schweizer Roman 1890–1950*. Zurich: Buchclub Ex Libris.
- Mattioli, A. (1995) *Intellektuelle von Rechts. Ideologie und Politik in der Schweiz 1918–1939*. Zurich: Orell Füssli Verlag.
- Merki, C. (1995) *Und wieder lodern die Hohenfeuer. Die Schweizerische Bundesfeier als Hoch-Zeit der nationalen Ideologie*. Zurich: Chronos.
- Peyer, H. (1978) *Verfassungsgeschichte der alten Schweiz*. Zurich: Schulthess Polygraphischer Verlag.
- Riklin, A. (1983) *Handbuch Politisches System der Schweiz*. Bern: Haupt Verlag.
- Schaff, A. (1882) *History of the Christian Church, Volume I: Apostolic Christianity. A.D. 1–100*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Schoch, B. (2000) *Switzerland – A Model for Solving Nationality Conflicts?* Frankfurt: Peace Research Institute.
- Smith, A. (1995) *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press.
- Valär, R. (2013) *Weder Italiener noch Deutsche! Die rätoromanische Heimatbewegung, 1863–1938*. Baden: Hier + Jetzt.
- Wimmer, A. (2011) 'A Swiss anomaly? A relational account of national boundary-making', *Nations and Nationalism*, 17(4), pp. 718–737. DOI: 10.1111/j.1469-8129.2011.00517.x.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2025

Статья принята к печати: 30.07.2025

**THE SYNTHESIS OF CIVIC AND CULTURAL NATIONALISM
IN THE CONCEPT OF THE SWISS NATION**

Y. Kuznetsov

Yaroslav Kuznetsov, PhD Student of the Department of Political Science,
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: YaPKuznetsov@yandex.ru (ORCID: 0000-0003-2407-0655).

Abstract

The article delves into the evolution of the concept of the Swiss nation through an analysis of the Swiss policy of nation-building. Within the framework of the ethno-symbolic approach, the author examines the value and symbolic resources used to construct the Swiss national identity. The peculiarities of the political structure of Switzerland and the division of society along religious and linguistic lines led to the formation of a "voluntary nation" (Willensnation), united by its political values and institutions. However, in the 1930s, the Swiss national discourse was transformed by the threat from the nationalist policies of Germany and Italy. The Swiss policy of nation-building was reoriented from civic nationalism to cultural nationalism to identify the real characteristics demonstrating the identity and unity of the national community. To achieve this goal, Switzerland's political and intellectual elite began to actively promote national history, culture, and geography among the population. As a result of the study, the main elements of Swiss cultural nationalism are identified: Alpine determinism and cultural diversity. The author concludes that cultural nationalism complements the concept of a "voluntary nation" and justifies the national unity of Swiss society, despite its religious and linguistic heterogeneity.

Keywords: Switzerland; civic nation; cultural nationalism; nation-building; national identity; political values; linguistic pluralism.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и боснийского языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol. 1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minayeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug etnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т. 30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G. (2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epochu] Moskva: Izdatel'skiy dom

¹ Harvard Format Citation Guide. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018).

Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and bottom – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

- (Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)
- (Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)
- (Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)
- (Smith, 2006a)
- (Smith, 2006b)
- (Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).
- (Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.
Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2025. Том 19. № 3

Bulletin of Perm University.
Political Science
2025. Vol. 19. № 3

Научное издание

Редактор *М. А. Капустина*
Корректор *М. А. Капустина*
Компьютерная верстка *К. П. Турцевой*

Подписано в печать 23.09.2025
Выход в свет 30.09.2025
Формат 60х84/8. Усл. печ. 16,97
Тираж 500 экз. Заказ 100

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006